

Анастасия Кашен-Баженова

История миров:

Блуждающие
огни

Великая сеть Путей, соединяющих множество миров — чудо, превращенное в дело, точную машину, в мафию межмирового масштаба. Глава сети — великий Странник, хозяин неприступной монополии, легенда. Его прозвище — Дракон, вовсе не комплимент, а дань ненасытности и жесткой руке. Его уголья полны разных людей — больших и значимых, как ходоки между мирами; полезных, как верные солдаты и ученые; маленьких о которых и говорить не стоит. Но среди них нет ни одного, кто не мечтал бы о драконьей голове. Сильнейшие странники, могущественные конкуренты, подлые друзья... однажды в кабинет к Дракону попадает она — самый маленький и незаметный человек базы. Ее талант шуточен — всего лишь слышать немых, но может быть, как раз ей и удастся то, что не смогли великие?

Анастасия Кашен-Баженова

История миров: Блуждающие огни

Глава 1

Замена

Аня-Айн.

Сектор В-253 Нового города.

Сомневаюсь, что кто-то кто встречал этот Новый год бездарнее, чем я.

Отбивая зубами прерывистый ритм, я стояла на заснеженной платформе пригородной зоны сектора В-253. В зоне, в которой никому и никогда не придет в голову проводить праздники. Только если ты не беден, как я, если не сирота и твои друзья не в том же положении. С таким раскладом арендованный домик на отшибе цивилизации казался почти так же соблазнителен, как и лыжный курорт в горах.

За обледенелым бетонным забором простиралось поле. На горизонте угадывались черные треугольники крыш и трубы заводов, тяжело выдыхающих в зимнее небо болезненно-сизые облака пара. Ветер сметал с крыш сухой снег серебристыми веерами колких снежинок, и они тихо оседали на черные пути.

Легкое пальто, совсем бесполезное в эту пору, ничуть не грело. Я топталась на месте, подпрыгивала, но все равно мерзла. Вернуться бы обратно к ребятам, отпраздновать с ними, не заболеть в самом начале нового года — вот это решение умного человека! Но меня понесло в общежитие. Дом показался не таким уютным, как хотелось, Макс начал распускать руки, да и на следующий день на работу в ночную смену... В общем, теперь я тут.

До ближайшей электрички сорок минут, до боя курантов — тридцать. На улице, тем временем, минус двадцать пять.

А через два часа я услышу самый удивительный в моей жизни голос. Я буду не раз думать о том, что голос этот ничто иное, как уловка, подобная зову сирен или блуждающим огням, что, завораживая, увлекают в омут. С этим голосом мне суждено повзрослеть, умереть и возродиться. Впрочем, в точном порядке этих событий я не уверена.

Но сейчас я ждала электричку и пыталась справиться с тревогой. Оправданной ли? Ведь я была одна в ночи на платформе. С другой стороны, меня, волчонка-одиночку по жизни, это никогда не пугало. Я выдохнула, в сотый раз посмотрела на часы. Лицо кололо холодом, щеки немели, а ноги постепенно теряли всякую чувствительность. Начала ходить по платформе туда и обратно, потом снова туда и снова обратно, пока за билетными кассами не мигнуло оранжевым окошко — открылся ларек. Вот так везение!

Через пару минут я грела ладони о пластиковый стаканчик с горячим чаем. Обжигала губы и язык, стараясь быстрее распространить тепло в замерзшем теле. На платформе появился еще один человек, мужчина — он курил у стенда с расписанием. Пелена снега скрывала его, словно матовое стекло, и виднелся только черный силуэт в широком капюшоне с яркой точкой зажженной сигареты в руке.

Электричка пришла вовремя, то есть спустя десять минут после того, как я, стоя с пустым, ломким от холода стаканчиком, отметила, что вот-вот наступит Новый Год, и пожелала сама себе всякого хорошего.

Вагон, как и следовало ожидать, оказался пуст. Окна наполовину затянул белый налет. Коричневые, местами исписанные и подранные сидения тянулись двумя мрачными рядами. По сравнению с улицей было теплее, но не более, чем градусов на десять. Я выбрала место

подальше от дверей, с печкой под сидением.

Электричка быстро набрала скорость. За курчавыми разводами инея заскользила синева зимней ночи, замелькали поля и редкие безлюдные станции. Ноги продолжали мерзнуть, а щеки теперь пылали. И, хоть прошло уже достаточно времени, во мне все еще гулял хмель от двух выпитых бокалов шампанского. Тянуло в сон, но засыпать я не хотела.

Я достала телефон: никаких сообщений «как жаль, что ты уехала», «где ты?», и даже рассылки «С наступившим!» — ноль входящих. Перещелкала контакты, почти все друзья были на празднике в доме. Потом телефон завис на номере Стиви. Не знак ли?

Несчастный аппарат не желал приходить в чувство. Я потерла его, подавила на кнопки — никакого эффекта. Тогда сняла заднюю панельку, вытащила карту памяти — выключу, хоть не сядет. Карточку, потому что мелкая, спрятала в карман джинсов, а телефон убрала обратно в пальто.

Вот уж кто бы меня точно поздравил, так это Стиви. Теперь уже не поздравит. Да я и так не отвечала на его звонки. Может, в этом году он как раз бросил попытки связаться со мной, но теперь об этом не узнать...

Мысли текли вяло, несвязно, я почти задремала. Разбудил легкий толчок — остановка. Пустая платформа. Снежный пласт почти сполз с крыши, фонари разбиты. Несколько минут, и электричка снова двинулась в путь. В вагон зашел мужчина, тот самый, что курил на платформе. Я узнала его по шарфу, накрученному вокруг шеи, и широкому капюшону. Он сел лицом ко мне, через одно сидение. Черный шарф скрывал половину лица снизу, а тень капюшона — сверху. Он привалился плечом к окну и, кажется, задремал.

Печка делала свое дело, мне стало тепло, даже плечо перестало мерзнуть от сквозняка сквозь растрескавшуюся резину на окне. На изнанке век закрутились сонные образы...

— С наступившим...

Я чуть не подпрыгнула на месте, сон слетел мгновенно.

«Говорил» этот тип, больше было некому. Все бы ничего, если бы не то, как я это «услышала». Приснилось ли? Я уставилась на попугчика. Он посмотрел на меня пронзительным, что-то знающим обо мне карим глазом, второй скрывала густая тень, и казалось, что он даже подмигивает мне.

Мужчина стянул шарф вниз, тень капюшона все еще скрывала черты лица, но оно казалось странным, немного искаженным:

— С праздником, детка, — помятые его губы не разомкнулись, не двинулись.

Я вскочила с лавки и, стараясь не делать резких движений, пошла в другой вагон. Вот уж нет, такие соседи мне не нужны! В затемненном стекле двери мелькнуло отражение мужчины, он встал следом. Тогда я побежала.

Один пустой вагон. Второй. Третий. Да кто-то же должен ехать в этом чертовом поезде кроме нас?! Я пробежала четыре, пока в пятом не увидела мужчину, он читал газету. Выдохнула — так-то лучше! Полноватое усатое лицо, черная кепка, старенькая, но хорошая дубленка. Вполне обычный человек. Сяду в середине вагона, так, чтобы, если придет тот тип, усач окажется ближе ко входу.

Я еще раз посмотрела на мужчину, он тоже поднял взгляд. Просто усталый интерес, ничего больше. Мгновение, и он вернулся к чтению. Пожалуй, такой заступится, если что-то случится. Я прошла мимо, приглядывая себе место с печкой.

— А!.. — горло резко сдавило. Неожиданная сила рванула меня назад.

Я попыталась схватиться за спинку лавки, но пальцы только мазнули по холодному

железу. Новый рывок, и я завалилась назад, но не упала. Вздохнуть никак не удавалось, как и вскрикнуть, и сообразить, что к чему. Руки забегали в поисках удавки, не находя ничего ничего, кроме воротника плаща, в него я и вцепилась.

Мои ноги оторвались от пола, спина выгнулась на груди душителя. Я несколько раз дернулась, а потом словно разом потеряла все силы. В ушах глухо забухали удары сердца, в глазах стало темнеть. Осталось только биение в груди, в горле. Оно росло, превращалось в тревожный набат, пытаюсь вырваться наружу. Удар за ударом, и каждый оглушительнее предыдущего, пока не взорвался последний.

Этот звук, осязаемый и резкий, бросил меня вперед, вместе с тем, кто напал на меня. Щеку ожгло жаром, а через мгновение меня впечатало в пол. Короткая вспышка боли, и по лицу потекло что-то горячее.

Звон в ушах не унимался, кроме него я ничего не слышала. Не могла даже пошевелиться под тяжестью тела сверху. Только горячее все текло и текло. Должно быть, я разбила голову. Должно быть, я теряю сознание...

Вдруг тяжесть пропала. Я смогла втянуть воздух, но тут же зашлась кашлем. Пытаюсь выровнять дыхание, приподнялась на руках, не зная, смогу ли встать. Глаза различили замызганный пол, только вся грязь виделась цветными, шмыгающими в разные стороны, как мыши, пятнами.

Но встать мне помогли, чья-то рука легко вздернула на ноги, схватив за плащ. Пятна заплясали, сгустились и неожиданно сложились в картинку. На полу лежал усач, но выше черных усов головы у него не было — одна черная развороченная каша.

— Ааа... — мой крик оборвался в широкой ладони.

— Спокойно, все по сценарию, — шепнул в ухо уже знакомый голос.

Электричка встала, со скрипом открылись двери.

— На выход, детка, двигай.

Меня вытолкнуло на мороз. Я уже успела понять, что это тот мужчина в шарфе и капюшоне, но оцепенение все не спадало. Отупело огляделась вокруг, на платформе не было ни киосков, ни касс, только заваленные снегом бетонные плиты, железный косой забор и темные деревья вокруг. Ни одного человека.

Потом меня стошнило. Головокружение на свежем воздухе усилилось, но звон в ушах отступал. Постепенно я приходила в себя... надо бы бежать. Но в какую сторону?

Я привалилась к забору.

— Побежишь, я пристрелю и тебя, — губ мужчины я не видела, но говорил он уже «нормально».

Он стоял рядом и не спеша вытирал белым платком кожаные перчатки. На платке оставались пятна. Я коснулась виска, вспомнив ощущение горячей влаги, громкий хлопок, а минуту до этого спокойные глаза усатого мужчины над газетой. Рука окрасилась в темное и липкое.

— Я просто сотру это, — я подняла руки вверх. Хотя мужчина угрожал пистолетом только на словах, оружие он убрал. — Не буду пытаться убежать.

— Валяй, — сказал незнакомец. Скомкал и выкинул платок за забор.

Снег обжег щеку. Вся левая сторона лица онемела, как и руки. Я терла, пока снежные комки, которые откидывала, не остались такими же белыми, какими были и до того, как я их взяла. О волосах даже думать не хотела, не мою гриву снегом чистить.

— Ну, и что за гребанный сценарий? — я выпрямилась. Голос здорово дрожал, а талая

вода текла за воротник.

— Поедем кое-куда, — ответил мужчина. — Ты уже бывала там.

— Так вы от тех людей? Тех, кто навещал меня два года назад?

— Поговорим в дороге, — тип, совсем не похожий на приятных людей в форменных костюмах, которые навевались в детдом, достал сигареты и закурил. — Двигай вперед, я следом. Побежишь — прострелю ногу.

— Это из-за моей способности?

— Двигай, я сказал.

Мы спустились с платформы и пошли по узкой тропинке между деревьев. Я впереди, он на несколько шагов сзади. Очень не хватало слетевшей в электричке шапки. Промокший воротник покрылся инеем, стал замерзать, побелели и всклокоченные волосы. Если меня сегодня не убьют, точно заболую.

Тропинка вывела к темной ленте скоростного шоссе. У обочины ждала машина. Мимо проехала фура с двумя ярко-синими огоньками на кабине. Свет фар скользнул по черному отполированному боку хорошего авто, городского, явно не из ближайших секторов. Двери сами поднялись, как только мы подошли ближе.

Мужчина сел вместе со мной на заднее сидение, попросил водителя включить обогрев. Автомобиль плавно двинулся в сторону города.

— Первый вопрос. Почему. Сразу. Нельзя было начать с машины?! — я расстегнула мокрый воротник: в салоне стремительно теплело.

— Хотел спасти тебе жизнь, — мой похититель скинул капюшон, размотал шарф и расстегнул куртку.

Теперь я видела то, что смутно угадывалось в электричке — его изуродованный облик. Глубокие шрамы тянулись через все лицо, больше с левой стороны, чем с правой. Левый глаз чуть прикрывало мятое веко, а бровь была изломана так, словно мужчина нарочно вздернул ее вверх в безумно-удивленной гримасе.

— Меня хотят убить только из-за того, что я могу слышать внутренний голос? Но это же полная ерунда!

— Не тебя — его. Его всегда хотят убить, — на обезображенных губах обозначилась улыбка. — Ты тоже захочешь.

— Его?

Мужчина лишь дернул плечом.

«И куда ты вляпалась, Аня?» — спросила я себя. Лучше бы осталась с друзьями в доме... А если бы не этот тип, значит, я бы уже была мертва? Но откуда он знал, что на меня нападут? Да и не напугай он меня, я бы и не встретила того усатого, не бы пошла в другой вагон... А если бы убийца заявился в дом к моим друзьям? Хотя нет, эти все обставляют тихо...

— Слушайте, эта способность — ерунда, — сказала я, стягивая пальто. Мне казалось, что у меня стремительно поднимается температура. — Я не могу никого подслушивать, не могу читать мысли. Я слышу, только если человек думает и хочет, чтобы я его услышала. Ваши ребята уже проверяли все это два года назад.

— Но после их визита ты бросила учебу и устроилась на Базу. Почему потом ушла? — мужчина забрал пальто и кинул на переднее сидение. Мне было все равно.

— Не нашла то, что искала, — я замолкла, не знала, что стоит говорить, а что нет. Да и, судя по всему, этот тип и так знал обо мне немало.

Работа на Базе оказалась так себе — официанткой на нулевом этаже. Только платили больше, чем в городе. Мне предложили поработать, сказали, что со временем присмотрятся получше, а там — кто знает. Надоело через год; все обещания оказались простой болтовней, и про меня забыли.

Ну и... База странное место, а как вспомню все эти сальные: «Красотка, обслужишь после смены?», так вздрогну. Я тогда чуть не состригла свои кудри — не хотела выделяться. Отчего-то этим отморозкам особенно нравилось, что я рыжая.

— Значит, вы из CBS?

— Да. Можешь обращаться ко мне Майкл, — в полумраке снова блеснула полоска белых зубов. — Приедем, не набрасывайся на него с вопросами. Потом я сам на все отвечу. Говори чисто, никакой «ерунды». Произведешь плохое впечатление, будут проблемы с работой. С каждым столетием характер у него только портится.

— Работой? Сказала бы я, что даром мне не нужна ваша работа... Да иначе что, убьете?

— Не мы, детка.

Снова повисло молчание. Я решила подождать встречи с этим «кем-то».

Водитель свернул на платное шоссе. Иллюминация стала ярче, зашумел поток несущихся машин. Постепенно пропал и снег на обочинах, поля заменили громады заводов, потом многоэтажные дома, небоскребы, бизнес-центры. Затем автомобиль нырнул в один из туннелей, что пересекали под землей весь Новый город, самую богатую зону. Машину, кстати не остановили ни разу, хотя всем остальным смертным приходилось платить за каждую пересеченную зону.

Мы ехали в CBS. Она же Центральная База Путей — государство в государстве — организация многомирового масштаба. Да-да, туда, где мне «повезло» проработать целый год. Я могла бы даже гордиться, что побывала в зоне, куда никогда не доберется ни один из моих приятелей, как ни работай. Да вот только мир, он везде одинаков, и придурков хватает в любом секторе.

Впрочем, гордиться было чем. CBS — управление сети Путей, соединяющих множество миров. Чудо, превращенное в дело, в точную машину, в проработанную схему. Феномен. Величина столь огромная, столь важная, что все в этом мире постепенно начало крутиться вокруг.

База была современным небоскребом, чью стеклянную пику видно даже из пригородных секторов. В какой бы трущобе ты ни обретался, в ясный денек всегда можешь полюбоваться на верхушку империи избранных.

В городе повсюду встречалась серебристо-черная эмблема — витиевато переплетенные буквы «CBS». Организация Сети проникла во все: она спонсировала предприятия участвовала в благотворительности, терпела нападки церкви и даже влияла на политику страны. Но все же База оставалась закрытым объектом. Несмотря на то, что на ее обслуживание требовались сотни сотрудников, получить работу в небоскребе было практически невозможно.

Управлял CBS человек не менее странный, чем вся его организация. Все звали его Дракон, и настоящее его имя нигде не публиковалось. Сейчас, когда лицо каждого сколько-то значимого в обществе человека неизменно смотрело с вывесок, журналов, реклам и плазменных экранов, никто не знал, как выглядит глава CBS. Говорят, он даже не отвечает по телефону, и сам не делает звонков, не выезжает на встречи. Везде его представляют помощники.

Я проработала в CBS недолго. На нижних этажах сама база не сильно отличалась от всех остальных небоскребов, в которых можно жить и годами не выходить на улицу. Здесь есть все, что нужно: магазины, комнаты и квартиры внаем, развлечения. В одном здании можно работать, отдыхать, ходить за покупками, учиться, смотреть кино, да хоть загорать у бассейна.

Служба Безопасности решила, что за время работы я не успела узнать ничего такого, чего не следовало. Поэтому я легко уволилась и вернулась к обычной жизни.

— Оставь барахло здесь, — сказал Майкл.

Мне и нечего было забирать. Пальто осталось на переднем сиденье в машине, а рюкзак и шапку я потеряла еще в электричке.

С подземной парковки мы поднялись на минус первый, основной этаж Базы, напоминающий вокзал, только без поездов. А между электронными табло, под камерами наблюдения, плазменными экранами и прочей современной начинкой любого общественного места толклись странные типы, настолько разные, что казалось, здесь переплетаются разные эпохи и миры.

Слева по всей стене тянулись столовые и кафе, магазинчики с самым необходимым для новоперешедших в мир. По другой стороне шли коричневые двери кабинетов и служебных помещений. У третьей стены — стойки регистрации и обменники, между ними два лифта.

А вот из четвертой, облицованной темно-зеленым мрамором стены, шло два широких туннеля к Точкам.

Точки перехода были душой Базы. Это особые места, из которых возможно перейти в другой мир. Что-то вроде небольшого круга, где структура мира истончается. Центральная База контролирует целых две Точки, а всего их в мире три, третья Точка засекречена. В общем, не так уж мало я успела узнать за год разноса булочек и кофе.

— Иди, приведи себя в порядок.

Мы остановились у туалетов. Майкл остался стоять у двери. Я зашла в уже знакомое мне помещение. Странно было оказаться тут вновь.

Те люди два года назад — средних лет женщина в шерстяном сером костюме и мужчина, скорее похожий на того, кто костюм одел впервые в жизни, чем на делового человека, старались выглядеть обыкновенно, как государственная опека.

Я сначала испугалась взгляда мужчины, слишком уж он был... интересующийся. Не такой, каким смотрят на молоденьких девушек, а скорее как у игрока, решающего, на что ставить. Он не произнес ни слова за тот вечер. Зато женщина заверила меня, что CBS хочет мне помочь, что нуждается в кадрах и готова их воспитывать, но принимать это или нет — дело добровольное. Я могу отказаться сразу, а могу попробовать. Я решила попробовать, но потом ушла, и никто меня не держал. И что же теперь? Меня насильно привозят обратно, перед этим забрызгивают чужими мозгами, а еще раньше и вовсе хотят убить...

Я посмотрела в зеркало. Слева волосы спутались и свисали слипшимися нитями. На покрасневшей щеке виднелись потемневшие разводы крови и несколько царапин. На лбу просто грязь с пола. Паршивое, очень паршивое начало года.

Через двадцать минут с помощью воды, мыла и электрической сушилки я перестала походить на жертву бойни. Майкл уже не стоял у двери. Он махнул рукой, подзывая к высокому столику в кафе.

— Выпей, придешь в себя, — подал он стаканчик с чаем.

Я не стала спорить: уже знала действие этого чая. Полстакана, и мне стало казаться, что

жизнь налаживается. Голова перестала гудеть, прошла слабость. Дальше я пила, не спеша, оттягивая немного тот момент, когда придется переваривать новую порцию информации.

Рядом за круглым столиком переговаривались двое мужчин. Один, худой и живенький, что-то доказывал второму, похожему на средневекового купца. Оба были Странниками, теми, кто переходит границы миров.

Тощий в кожаном жилете, пересеченном ремнями с железными клепками, работал Проводником: переводил в миры других людей и торговые караваны. Я его помнила, и за год в нем ничего не изменилось — ни жилет, ни взгляд злобных, словно вдавленных в скуластое лицо глазок. Здоровяк же с лицом прожженного торгаша был Караванщиком, он перевозил товары в миры. Его я не помнила, но тут и гадать нечего.

И те, и другие — так себе ребята. Никогда не знаешь, что таится в складках их грязных плащей или карманах перештопанных курток. Думаю, все, что только может пригодиться в любом из миров. От пластиковой карты и мобильного телефона до кинжала и зелья. Говорят, способность пересекать границы миров — аномалия, сильное отклонение. Такое, что на сотню-две миров хорошо если сыщется один Странник. Не знаю, что здесь причина, а что следствие, но Странники — типы непредсказуемые и не самые приятные.

Еще говорят, что все работает по своим схемам и законам. Что реальность одна, а видим мы ее другой. Если найти эту разницу, если изменить что-то в восприятии, сможешь понять, как перейти в другой мир. Точнее, что нужно для этого сделать.

Это похоже на стерео-, или как мы говорили в школе, магические картинки. Сначала они словно путанные узоры, полная ерунда. Но вот в какой-то момент ты понимаешь, как нужно смотреть, чтобы увидеть. Потом с каждым разом удается увидеть объемную картинку все быстрее, лучше, брать задачки сложнее. Как-то так. Разве что, с переходами в миры все куда сложнее.

— Очухалась? — Майкл затушил окурок в блюдечке.

— Меня больше не тошнит, если ты об этом, — я кинула пустой стакан в урну.

— Тогда идем.

На ватных ногах я поплелась за высокой фигурой своего конвоира. Майкл плавно скользил между людьми, а вот мне посчастливилось собрать пару толчков и один раз споткнуться. На минус первом этаже всегда толкотня куда-то спешащих людей — самый настоящий вокзал.

Мы подошли к лифтам. Когда Майкл нажмет кнопку, по номеру этажа я смогу предположить, куда он меня ведет. Это несложно, планировка небоскреба запомнилась хорошо. В зеркальную кабину я зашла первой, он следом. Кнопка оказалась последней в ряду, и мы вышли на тридцать пятом. Потом пересели на второй лифт, в нем этажи нумеровались до восемьдесят седьмого. Ну и ну. И снова мы поехали до последнего.

Майкл постоянно толкал меня, подгонял. Спешил он, или я все еще была слишком заторможенной, не знаю, но это здорово действовало на нервы. Двое охранников проверили мои карманы, похлопали по штанинам и проводили к третьему лифту. В нем уже стоял швейцар в зеленой форме. Самый настоящий, какие бывают в дорогих гостиницах, я в фильмах видела. Он нажал на кнопку, не видела, какую именно. Но — третий лифт!

С ума сойти! Самый верх небоскреба, не управление даже, а апартаменты Самого! В зеркальной двери отразилось мое совершенно обалдевшее лицо, я смутилась и постаралась придать себе серьезное выражение.

Рядом со швейцаром и Майклом, снова скрывшим лицо черной повязкой, я смотрелась совсем не к месту. Даже он со своими шрамами вписывался лучше: высокий, гордая осанка, черный костюмчик, сидящий как влитой. Начищенные кожаные ботинки, стильно поблескивающие запонки в манжетах. Из-за нелепой повязки я и не заметила, что одет он очень даже хорошо. А иссиня-черные волосы, прямым потоком укрывающие широкие плечи? За такими явно ухаживали.

Наемник Дракона? Самого Дракона... Великие провидцы! Мое лицо снова перекошилось.

— Дракон? — с трудом выдавила я.

— Дракон.

Мы вышли на девяносто пятом этаже. Передо мной раскрылся просторный холл, вот оно — поднебесье, самый верх Базы. Единицы Странников могли попасть сюда и тем более говорить с Драконом. И тут я...

Мужчина открыл тяжелую деревянную дверь, прошел первым, после придержал ее для меня. Я вошла.

Посреди кабинета стоял длинный блестящий стол из темного дерева, два ряда кресел выстроились по его сторонам, и одно большое — во главе. Не щадя дорогого покрытия, на столе лежало оружие, пистолеты и автоматы в промасленных тряпицах, патроны. На краю ворох бумаг, и два ноутбука переливались заставкой с крутящимися серебристо-черными буквами «CBS».

Кабинет Дракона оказался не так шикарен, как я успела себе представить, но поражало окно во всю стену. Уже стемнело, и густо-синее небо тянулось до самого горизонта, смыкалось с яркими огнями города. Пики телебашен и ленты ярких эстакад. Даже отсюда угадывались вспышки рекламных вывесок. Самый верх империи Путей!

Сам глава Путей стоял у окна, держа в руках автомат. Дракон был очень высок. Крепок, но не слишком, скорее сухопар. Холодный свет от голубой подсветки рамы скользил по его длинным, темным с проседью волосам. На вид ему было где-то сорок пять.

Белая рубашка ярко выделялась на фоне ночной синевы, до локтя были натянуты темно-серые нарукавники, как у бухгалтеров в старых фильмах. Нигде, кроме этих фильмов, такое уже и не встретить. Но сочетание нарукавников, кипенно-белой рубашки, черных брюк с идеальными стрелками, длинных волос и автомата вовсе не резало глаз. Дракон смотрелся гармонично. Я бы легко могла представить его и в далекие времена черно-белого кино, и в костюме в салоне дорого автомобиля, и с тем же автоматом в каких-нибудь окопах.

Великий Странник.

Легенда множества миров.

Тот, кто заслуженно носит прозвище Дракон.

Монополист торговли между мирами.

Глава CBS не обернулся в нашу сторону. Помощник заговорил первым:

— Что скажешь об образцах? — Майкл прошел дальше, взял автомат со стола, посмотрел в прицел. — Дешево и проверенно. Не то, чем стоит хвастаться, но спрос будет всегда.

Дракон кивнул, тогда помощник отложил оружие и подошел к нему, поманил меня рукой:

— Я нашел для тебя «переводчика». Не лучший вариант, но что есть. Всю Базу облазили. Это временно, потом найдем кого-нибудь уровня Нормана.

— Здравствуйте, господин... — я не смогла сказать «Дракон». Принято ли к нему так обращаться?

Глава Путей снова кивнул, но все еще не смотрел на меня. Он махнул рукой в сторону стола, а потом сделал движение, которое обычно означает просьбу что-то подать.

Я повернулась к столу:

— Вы хотите, чтобы я что-то принесла?

— Магазин подай, — подсказал помощник.

На столе лежало столько оружия, сколько я не видела ни разу в жизни. Я замешкалась.

— Сколько тебе лет? — услышала я Дракона.

Так вот в чем дело! Вот кого я должна «переводить»! Глава Путей нем, подумать только...

— Э... двадцать, — ответила я, все еще раздумывая над автоматами.

— Семнадцать, — поправил Майкл. Что ж, он был прав.

— Тебе не требуется контакт глаз — это удобно, — сказал Дракон. — Это редкость.

Сядь.

— Да, наверное... — я улыбнулась, отодвинула тяжелое кресло и села. Перспектива поработать на самого Дракона, как вам такое?

Дракон отдал помощнику автомат и тоже сел за стол. Я невольно подняла глаза на его лицо, в котором было что-то не то от ворона, не то борзой собаки, что-то острое и хищное. Темные неподвижные глаза смотрели на меня с холодным безразличием. Неприятный человек — вот что, пожалуй, первым приходит на ум. На бледном лице выделялись темные брови, тонкая, надломленная горбинкой линия носа, черта сжатых губ. В прищуренных карих глазах, в уголках которых затаились несколько глубоких морщин, застыла давняя усталость.

— Мне нужен «переводчик» на Пути. Временно, — «голос» главы Путей, тот голос, который я слышала, был чист и удивителен. Чистая энергия, чистое сознание! Такой ловить одно удовольствие, совсем не нужно напрягаться. — Возможно, это будет долгая поездка.

Я молчала. Готова поставить на что угодно, любой бы на моем месте сейчас сидел и молчал. Вероятнее всего, этот кто-то понимал бы куда больше меня, точнее, он бы лучше представлял, что ему предлагают и что его ждет на Путиях. Но не я. Я часто слышала о том, что существуют другие миры, принимала это как должное, возможно, даже сама была уроженкой другого мира, но все же Пути были чем-то далеким и недостижимым.

— Вы уверены, что я подойду? — наконец, сказала я. — Я никогда не покидала этот мир, не знаю, как поведет себя моя способность.

Другой бы на моем месте однозначно ухватился бы за возможность работать на Дракона. В этом мире это все равно, что работать на бога, а может, и в других тоже. Глава CBS молчал.

— Нам не из чего выбирать, — словно извиняясь, сказал Майкл.

— Я как-то уже делала это для других Странников, — добавила я, сама не понимая, почему вдруг захотелось набить себе цену. — Они тоже сказали, что у меня неплохо получается. Дракон кивнул, повернулся к ноутбуку и стал что-то печатать. Он считает, что разговор окончен? Но я что-то не помню, что успела сказать «да».

— Мне заплатят? — я сама испугалась своего вопроса.

— Не обидим, — Майкл встал за моей спиной и положил руку на плечо, намекая, что пора бы выметаться.

— Спасибо, — я встала. Человек Дракона чуть не выдержнул из-под меня кресло.

Когда мы снова оказались в лифте, я спросила:

— Почему он не решил эту проблему? Сейчас же столько разных аппаратов, да и операцию же можно... У него же столько денег!

— Деньги есть, а голосовых связок нет, — ответил Майкл, а швейцар усиленно делал вид, что его не интересует наш разговор. — Не на чем делать операцию, да и не даст он себя резать, за свою кровь трясется, как... — помощник ухмыльнулся с некоторой долей пренебрежения, — И аппараты не во всех мирах спасают. Ты не те вопросы задаешь, детка. Мы спустились всего на два этажа вниз, и нас встретила высокая девушка в черном юбочном костюме. Она приветливо улыбнулась:

— Номер А67, господин Микаэль. Мне проводить?

— Сам. Спасибо, Ариша.

Девушка выдала помощнику Дракона позолоченный ключик, легко поклонилась и ушла. Надо же, ключ, а не магнитная карта, похоже, тут любят всякие древности.

Теперь я шла за Майклом, он больше не толкал меня, не следил, да я и не собиралась бежать. Под ногами приятно пружинил ворс черного с серебристым узором ковра. Мы проходили мимо редких деревянных дверей с красивыми табличками-номераами. По коридору разливался мягкий желтоватый свет настенных ламп, все было сдержанно роскошным, именно спокойно и размеренно богатым.

— Это вроде бы не сложно, да? — сказала я. Мы свернули в другой коридор. — Мне просто надо быть рядом и слышать его, а он возьмет мою способность говорить... Это не так страшно вроде бы. Да?

— Этот вопрос чуть лучше, — Майкл остановился у двери с номером А67. — Выходим завтра. Выспись. Он запер дверь с обратной стороны, а я осталась одна в шикарном номере на самом верху небоскреба CBS, в поднебесье.

Великий и ужасный Дракон нем, как рыба!

Это вроде бы и многое объясняло, и в то же время было неожиданно. В этом человеке чувствовалось столько уверенности. Я бы даже сказала, какой-то особой силы. Такой изъян, как немота, казался просто нелепым.

Я стянула ботинки. Надо принять ванную, а уже после обо всем еще раз подумать. На широкой постели в беспорядке лежали все мои скромные пожитки. Одежда кучей, все вытащенное из карманов: деньги, бумажки, билеты. Содержимое выпотрошенного рюкзака в другой кучке — забрали, значит, из электрички. Я даже нашла старое удостоверение, выданное CBS.

Айниппа Малакион, или Айн — такое имя мне дали по порядкам Базы. На первой странице цветное фото: рыжеволосая девушка, глаза получились почему-то больше, чем есть на самом деле, и зеленее, оттого выражение лица вышло растерянным.

Я отложила удостоверение на тумбочку, осмотрела безвозвратно испорченное пальто, сунула руку в карман, в другой. Черт! Не особо заботясь об аккуратности, я перерыла все, но мобильного телефона не нашла. Забрали. Белый с золотым узором аппарат на тумбочке приветственно мигнул зеленой лампочкой. Но нет, этот вариант мне не подходит, не для таких звонков. Лучше вообще не буду звонить им.

Точно! Я же убрала карту памяти в джинсы. Сжав в кулаке холодный кусочек пластика, я выдохнула, села на кровать посреди разбросанного барахла. Минус одиночества —

судьбоносные решения приходится принимать самому, не на кого спихнуть ответственность и не с кем посоветоваться. Но разве не ради Путей два года назад я пришла работать на Базу? Странно, что это случилось сейчас, когда у меня уже не было никакого желания копаться в тайнах прошлого, и свою затею я оставила.

Я все же дотянулась до белого телефона, одному человеку вполне могу позвонить. Набрала номер, который знала наизусть, который столько раз набирала, но все не решалась нажать последнюю цифру.

— Стиви?

— Кто говорит? — раздался на том конце электронный голос, тем не менее, принадлежащий человеку. Мы со Стиви воспитывались в одном детдоме, он был инвалидом, почти не двигался и не мог говорить.

— Это я — Аня... — сложно просто так начать болтать с другом, с которым не говорил больше двух лет. В CBS я ушла, даже не попрощавшись.

— Я очень рад тебя слышать, — слова выходили без эмоций, и это сводило с ума. Но я знала, что он рад меня слышать. — Ты пропала. Где ты?

— Ты обижаешься на меня, Стиви?

— Ты изменилась, когда пришли те люди. Так бывает, я не обижаюсь.

Он снова меня простил, но легче не становилось. Я помнила первый раз, когда предала его. Тогда у Стиви еще не было аппарата, который помогал ему говорить. Нам было по восемь, и я обнаружила, что знаю, что он хочет мне сказать. Этого бы не случилось, если бы я не наступила ему на ногу — я могу слышать только тогда, когда человек хочет быть услышанным мной. Надо ли говорить, что открывшаяся способность здорово подпортила мою репутацию? Воспитатели восприняли все как глупый розыгрыш и издевательство над больным Стиви, а ребята начали подтрунивать. Не то чтобы я так заботилась о своей репутации, но побоялась стать изгоем. Когда Стиви действительно нужна была помощь, я сделала вид, что не слышу его. Девять лет, как он меня простил, а мне все еще стыдно. Два года назад я сбежала, не прощаясь, и он снова простил меня.

— Я работаю с компьютерами, Аня. Космическая станция, — Стиви обожал технику, он был самым настоящим вундеркиндом и однажды за ним тоже пришли люди в костюмах, но, слава мирозданию, не из CBS. Здорово, что его мечта сбылась. — Как тебе мой голос? Эту новую разработку, мне как сотруднику выписали.

— Не так прекрасен, как твой внутренний, — я крутила карту памяти на столе, прижав ее пальцем за уголок. По черному дереву бегали маленькие блики. Я представляла Стиви, сидящего среди множества экранов и приборов с разными кнопками и лампочками, в новом навороченном кресле.

— А как ты? Ты же знаешь, что я готов помочь... — сказал он.

— Ну, вот тебе и раз! Думаешь, я позвонила только потому, что мне понадобилась помощь? — не люблю, когда меня жалеет кто-то, кроме меня самой. — Нет, просто я снова уйду. Не знаю, насколько, не знаю, к чему это приведет. Два года назад думала, что я на пути к тому, что хочу знать, но только попала в болото. Может, и в этот раз ничего не удастся, но теперь я хочу попрощаться.

Стиви молчал. Он знал, что не ответит ему, если он спросит, куда уйду. Он только сказал:

— Это связано с теми людьми?

— В какой-то мере. Но, Стиви, ты останешься самым родным для меня человеком в

этом мире. Самым близким... — я положила трубку, она негромко клацнула.

Странники не прощаются, так принято. Не ждут, что им скажут «доброго пути», ибо кто знает, куда этот путь выведет.

Зря позвонила, ну что за ерунда!

Но надо идти дальше. Такие как я должны быстро скидывать волнения, отбрасывать в сторону все, что мешает двигаться. Забавно слышать это от того, кто девять лет мучается чувством вины за детские обиды, но я учусь.

И нужно в ванную. Прежде всего, мне нужно в ванную.

Зато сегодня я ночую в великолепном номере. Кровать, хоть поперек спи, плазма на полстены, мини-бар. И ванная — какая отделочка, какие полотенца, какой... карта памяти от конфискованного мобильного сверкнула в потоке подкрашенной ароматизированной воды и унеслась по канализации.

Так-то лучше...

* * *

Майкл.

CBS, ресторан «Берега Ишебел».

Он отодвинул для Дракона стул и еще раз окинул взглядом зал ресторана. Было занято всего несколько столиков. Майкл знал каждого посетителя.

Фергас — глава безопасности Базы — при появлении Дракона сел прямее, принялся быстрее уничтожать ужин. Конечно же, он зашел в ресторан только чтобы наскоро перекусить, никто и не сомневался. Его темноволосая спутница с дерзкой мальчишеской стрижкой притихла, тревожно глянула на толстяка, а потом и вовсе замолкла. Минуту раньше она что-то щебетала, а теперь лишь украдкой кидала взгляды на пришедших.

Самсон и Надежда, единственная знакомая Майклу семейная пара на Путиях, поприветствовали Дракона легкими кивками. Вот и все.

Переливы тихой мелодии заполняли большую залу, скользили между стройными мраморными колоннами, обтекали круглые столики под белоснежными скатертями, отражались от хрустальных фужеров. Небольшой оркестр исполнял какой-то лиричный вальс, не знакомый Майклу, но неплохой на его придирчивый музыкальный вкус. Живая музыка только дополняла атмосферу старого времени.

Иногда Дракон спускался в ресторан. Тогда Майкл неизменно играл роль верного пса. Он отодвигал господину стул, осматривал гостей, примечая возможную угрозу, препятствовал любой попытке побеспокоить главу Путей.

Официанта тоже подзывал он сам, и сам делал заказ для Дракона. Майкл слышал его, несмотря на немоту — преимущество общения длиной в несколько веков. В родном мире Дракон общался с кем угодно, этому способствовала Силовая составляющая, здесь же «слышать» Дракона могли единицы. Но Майкл не всегда сопровождал Дракона. Глава CBS, иной раз, больше доверял Норману, чем ему.

Дракон сел за стол. Он так и не снял рабочих нарукавников, и от него пахло оружейным маслом.

— В этот раз пусть подадут рыбу, — это было скорее знание, чем что-то действительно

услышанное.

Майкл кивнул Дракону, продиктовал подошедшему юноше в белой ливрее:

— Рыбу, салат и белое вино для мессира. И что-нибудь мясное, не сильно прожаренное, для меня, и бутылку виски.

Майкл никогда не смотрел меню. Дракон редко изъявлял желание съесть что-то конкретное, а сам помощник привык еще в родном мире, что блюда и их выбор — удел слуг. Официант принял заказ, поклонился и ушел, не вымолвив и слова. В конце концов, повар ни разу не оставил Майкла недовольным.

В мелодию старинного вальса скользнул короткий скрип кресла — увесистая фигура Самсона выплыла из-за стола. Успел ли бедняга прожевать свой бифштекс? Его девушка поспешила следом.

Майкл стянул с лица черную повязку. Чета координаторов давно привыкла к его шрамам, да и на их аппетит ему было плевать. Как и на аппетит своего босса, если на то пошло. Дракон, вспомнив о своей недавней в последнюю сотню лет привычке, закурил. Майкл не знал точно, когда это привязалось к ним, и кто от кого перенял. Он тоже попросил сигарету.

— Рассказать о девчонке?

— Расскажи, — Дракон протянул пачку.

— Не считая бедности и беспризорности, придаться не к чему, — начал Майкл, закуривая. — Два года назад она работала на Базе официанткой. Кто-то из CBS по поечительству пришел и предложил ей должность в бистро. Потом она просто перестала являться на работу. Майкл видел, что Дракон не слушает его. Темные глаза мессира смотрели в невидимую точку в глубине зала. Майкл знал, что Дракон взбешен смертью Нормана и недоволен новым «переводчиком».

— Чья она?

— Ничья. Ее нашли здесь — на Базе. Подкидыш от какого-то Странника, никаких концов. Ее передали в городской сиротский дом, как делают со всеми человеческими детьми без способности к хождению мирами.

Принесли вино для Дракона и виски для Майкла. Помощник сам открыл бутылки, наполнил бокалы.

— Я недоволен, — мессир выпустил сизый дым, рассеянно наблюдая за движениями Майкла. — Найди другого «переводчика» или выдай Самсона.

— Самсон нужен на семьдесят пятом секторе. Если ты хочешь, чтобы ребята Кестра не путались у тебя под ногами, их нужно отвлечь, — Майкл сел обратно за стол, затушил сигарету. — Локарис, я хорошо поработал. Нашел тебе единственного на данный момент «переводчика» в этом долбаном мире.

Дракон не ответил. Фергас и Надежда, как и безопасник до этого, поспешили покинуть ресторан. Теперь Майкл уже на правах друга мог сказать:

— Я не разделяю твоего рвения все делать самому. Ты глава Базы, в конце концов, — помощник закурил вторую сигарету. Дракон его не слушал, это злило. — Это плохо для твоей репутации на Путиях. Глава Базы — и прыгает по мирам, как рядовой Странник.

— Я лучший Странник, — ответил Дракон, улыбнувшись. — Если помнишь, Странник это тот, кто ходит мирами. Не вижу разночтений.

— Я ни в коем случае тебя не критикую, — Майкл понял, что пора сбавлять обороты.

— Ты меня отчитываешь, — улыбка Локариса растянулась, но веселее помощнику не

стало. — Без переходов я потеряю сноровку. Это раз. Мне известно, что Пути Кестра в перспективе могут разжиться хорошей веткой миров. У него появилось какое-то преимущество. Это два. Но у них есть проблема. Что-то им мешает. Это три. Я должен узнать все про номер два и номер три.

— Преимущество у Кестра? Это довольно смешно, разве только он не научился выращивать Странников в пробирках, — Майкл позволил себе ухмыльнуться.

— Кто знает...

— Значит ли это, что я должен позаботиться о том, чтобы у Кестра голова была забита чем-то другим?

— Обеспечь ему крепкую мигрень, — Дракон кивнул, а настроение помощника вновь улучшилось. Подобные задания он любил. — Кстати, о переводчиках, а что с тем, кто два года назад заменял Нормана?

— Ха! — Майкл опрокинул в себя порцию виски, налил следующую. — Три дня назад Кок Авер вернулся с Путей. Впервые за последнюю пару лет принял душ и удивился: почему вонь не пропала? Как оказалось, парень по соседству две недели как отдал концы — лежал бы и дальше, если бы Кок не принялся. Перелом шеи, несчастный случай. Он-то два года назад и заменял Нормана.

— Нормана тоже убили, — без тени сомнения сказал Дракон.

— Не убили, Локарис. Ты же сам знаешь: его мозг должен был рано или поздно спечься, — Майкл проглотил вторую порцию янтарного напитка. — Как бы тебе не хотелось кого-то наказать за все эти неудобства, а головы рубить некому. Базу в Перевертыше всю проверили: с вакцинами все в порядке, персонал тоже ни при чем. Никого чужого, ничего подозрительного. У твоего помощника просто кончился срок годности.

Подали салат для Дракона, тот потушил сигарету, потом пригубил вина, так ничего и не ответив.

Майкл знал, что у Дракона есть все основания думать, что Нормана убили. Это он еще не знал о другом Страннике со способностью к «переводу». Дэнис Важ — уроженец этого мира. Он ни с того, ни с сего вышел на Пути, хотя давно подал в отставку. В этом мире у него были жена, дети, работа в банке, и тут он срочно выехал во Множество. Кто-то прислал ему горячую путевку подальше. Такие вот «совпадения».

О покушении на девчонку Майкл тоже промолчал.

* * *

Айн. CBS.

Если мне удавалось поспать чуть больше, чем обычно, я всегда просыпалась с легким чувством стыда. И тогда вся прелесть сладкого сна, все удовлетворение от лишнего получаса разбивались в миг.

Ну, почему ты валяешься в постели? На что будешь сегодня ужинать? Или думаешь, что кто-то даст тебе лишнюю крошку, если не будешь пахать с утра до вечера? Вставай, лентяйка! Нет, стоп. Я же теперь работаю на Дракона. Сколько времени? Я села в кровати, голова закружилась от резкого движения.

— Да чтоб вас! — простила я.

Прислонившись задом к прикроватной тумбочке, рядом стоял помощник Дракона и смотрел на меня. Протяни руку и коснешься.

— Что вы здесь делаете?! — я поспешно замоталась в одеяло. Испугал он меня здорово, напомнил, что чувство безопасности лишь иллюзия. — Что вы здесь делаете и как давно? — повторила я, начав натягивать одеяло на голову, но вовремя остановилась.

— Через десять минут Дракон ждет нас внизу, — безразлично ответил помощник. Майкл, кажется, так он вчера представился. — И мы будем там ровно через десять минут, даже если ты не успеешь одеться.

— Ну, знаете ли! — я попыталась завернуться в одеяло, чтобы пробежать в нем, но оно было необъятное. — Отвернитесь. Через десять минут я буду готова.

— Время пошло.

— Да отвернитесь же!

Я соскочила с кровати, Майкл отлепился от тумбочки, сделал шаг ко мне, пришлось припустить до ванной, и уже закрыв дверь на замочек, я заявила:

— Не надо обращаться со мной так, будто у меня совсем нет прав!

Мужчина не ответил. Вот же маньяк! Надеюсь, он не стоит под дверью.

— Сколько времени? — крикнула я.

— У тебя осталось семь минут, — ответили совсем близко с той стороны двери. — А так, шесть утра.

Шесть утра? Я, выходит, спала всего три часа? А чувствую себя, как ни странно, бодро. Легла я поздно, не могла же я не насладиться прелестями роскошной жизни: ванной с гидромассажем и, чего греха таить, мини-баром? У меня стресс, я успокаивалась.

— Надевай, — когда я вышла, Майкл указал на невнятную кучу шмотья охристо-бурого цвета.

Черные штаны из плотной ткани, черная майка, растянутый свитер, вязаная шапка, и самое кошмарное — большой плащ из грубой коричневой кожи. Такой поставь, и он останется стоять. Я даже не стала спрашивать, что мы будем делать в этой экипировке: воровать баки с радиоактивными отходами или внедряться в группу бродяг. Сгребла в кучу все, кроме плаща, и ушла одеваться в ванную.

От одежды пахло затхлостью, но она была чистой и сухой. Скорее всего, запах передался от старой кожи плаща. Я оделась, убрала волосы под шапку. Чуть задержалась в ванной...

...я не могла взять с собой ничего, что было бы моим. Что-то, что хотелось бы хранить в других мирах. Не потому, что мне бы не позволили, просто у меня ничего такого не было. Боюсь, я — человек пустышка, почти идеально для Путей, никаких привязанностей.

Дракон ждал нас на нулевом этаже. В таком же жутком кожаном плаще, как у меня и Майкла, разве что по росту ему шло больше. Пара печаток торчала из оттопыренного кармана. За плечом был рюкзак, на голове — черная вязаная шапка, которая делала Дракона еще более некрасивым. Лицо заострилось сильнее, четче стали тени под усталыми глазами. Сам глава Путей, привалившись спиной к стене у первого туннеля, курил, расслабленно обводя взглядом залу.

Его словно никто не замечал. Никакого оцепления, никакой охраны, никаких «освободите дорогу великому и ужасному». Один странник с вытатуированным на щеке черепом случайно толкнул Дракона, что-то недовольно буркнул и пошел дальше.

— Надень печатки и капюшон, когда войдем в тоннель, — сказал Дракон, щелчком отправляя окурочек в мусорную корзину.

— Прощу, — Майкл принес три пластиковых стаканчика с горячим чаем.

Я и не заметила, как он успел это повернуть: только шел рядом, а тут раз — и подает чай. Слишком сладкий, слишком-слишком, и с привкусом трав. Смешно сказать, но Странники просто помешаны на этом «дорожном чае».

— Можно я отойду? — допив, я выкинула пустой стакан, посмотрела на Дракона. — В туалет. Мигом.

Дракон кивнул. Майкл было пошел за мной, но глава Путей махнул рукой, останавливая его.

Я зашла в туалет. Ряд белых кабинок, легкий шум вентиляции, химический запах освежителя — туалет пуст. Повесила на крючок плащ, прошла в одну из кабинок. Закрывает дверь и осталась стоять. Пальцы в волнении простучали по стенке, но я остановила себя.

Один... два... три... стала я считать про себя. Четыре...

Отворилась входная дверь, послышались чьи-то шаги, кто-то прошел в соседнюю кабинку. Ага. Я нажала на спуск воды и вышла.

Зеркало у раковин отражало чьи-то черные ботинки в промежутке между дверью и полом. Я открыла кран и начала мыть руки. Послышался шум слива, потом вышла высокая, коротко стриженная девушка, я ее не знала.

Она подошла к раковинам, осмотрела себя в зеркало, включила воду.

«Покровитель говорит, пора платить по счетам».

Я выдавила розовую мыльную пену, растерла ладонями. На правой руке зацепились ссадины от вчерашнего жесткого снега.

«Ты два года была под нашей защитой, теперь пора поработать».

Я смотрела только на то, как течет вода по белому фаянсу, как искрится, воронкой убегая в слив.

«Что делает Дракон. Зачем делает. Какая миссия у Дракона. Какие слабости. Каков из себя родной мир Дракона. Это главное — достань координаты его родного мира. Покровитель может задать еще множество вопросов, и однажды ты должна ответить на каждый».

Вода стала обжигать руки, пальцы покраснели. Я продолжала смывать давно сошедшее мыло.

«Монстру не место во главе Путей. Мы должны покончить с монополией. С Драконом».

Я выключила воду. Поправила волосы, кивая своему отражению. Девушка стряхнула с рук капли и покинула туалет.

Глава 2

Ржавое небо

*Айн. Мир пятого разряда.
База?2.*

Другой воздух — первое, что чувствуешь, еще даже не успевая осознать переход. Пронзает, как выстрел. Оглушает, будто въехал в стену со всей дури. Короткий шок. Потом словно градом, один за одним или же все разом, не понять, приходят ощущения своего тела.

Сухая боль скрутила горло, и я закашлялась. Воздух, словно полный измельченного стекла, никак не удавалось вдохнуть. На глазах выступили слезы, а желудок сжался короткой судорогой, ноги подкосились, но мне не дали упасть, поддержали.

Появился тугой гул в ушах. Он становился все отчетливее, превращаясь в писк, в крик и под конец в невообразимый человеческий визг. Может быть, я закричала тоже. Я ничего не понимала. Хотела повернуться на крик, но он был везде. Потом раздался выстрел, в ужасной какофонии на одну глотку стало меньше.

Первым из-под жесткого капюшона я увидела Майкла. Помощник Дракона еще стоял с наведенным пистолетом. Я опустила взгляд, находя его цель: шапка слетела с головы убитого, кровь из расквашенного пулей лба забрызгала перекошенное лицо.

Отпрянув назад, я наткнулась на другого мужчину. Он стоял на четвереньках, раскачиваясь и ударяясь головой о размокшую от дождя оранжевую землю. Рядом с ним, катаясь на спине, был третий.

— Давай, попробуй, — Майкл сунул в мою руку пистолет. — Ну!

Я не слышала, не знала, сказала ли что-то в ответ. Оцепенев, смотрела на бьющегося в мучениях Странника. Майкл толкнул меня в плечо, что-то сказал, но его голос потонул в визге. Моя способность слышать то срабатывала, то нет. Не знаю, говорил ли что-то Дракон. Раздался второй выстрел, и крик резко прекратился. Остались лишь стоны человека на четвереньках. Это Дракон выстрелил, не я. Я боялась, что теперь Майкл заставит стрелять и третьего, но его босс забрал пистолет.

Вернув оружие помощнику, глава Путей нагнулся к оставшемуся в живых мужчине. Тот стонал уже тише.

— Оклемается? — спросил Майкл, пряча пистолет.

— Должно быть. Дотащим до базы.

Они подхватили бедолагу под руки, но тот вырвался и кинулся к товарищам. Не оплакивать их, нет. Покрытые волдырями руки, чуть трясясь, методично стали обшаривать карманы убитых. Я отвернулась.

Туман вдалеке отливал зеленоватым. Шла мелкая морось, а от земли исходил густой желтый пар. Везде, насколько хватало видимости, простиралась пустыня, паря перченым, терпким до тошноты воздухом. Теперь понятно, зачем мы надели грубые кожаные плащи, капюшоны и перчатки. Оставалось надеяться, что эти люди кричали не от попавших на них капель.

— Иди под крышу, — велел Дракон.

В кислотном мареве я не сразу заметила ржавый барак, огляделась еще раз, но он был единственным строением, туда я и поспешила. Тело все еще казалось неповоротливым, шаги

тяжелыми, я делала полный шаг, а двигалась совсем медленно, будто плотный воздух сжимал и тормозил.

Ржавая, залатанная кусками железа дверь скрипуче открылась, пронеслась моего носа и грохнула о стену. Из барака вывалился здоровяк в темно-зеленом брезенте и, не оглянувшись на меня или Дракона с Майклом, уперся рукой в стену и принялся возиться с ремнем, пытаясь расстегнуть пряжку непослушными пальцами. Я шмыгнула в помещение, пока старая пружина не притянула дверь обратно к кривому косяку.

Внутри обстановка походила на трактир, устроенный в бывшем сарае. Здесь было темно и душно, от прокуренного воздуха и запаха пригоревшей пищи и дыхания множества людей, хотелось закашляться. Я чуть было не выбежала обратно, нутро снова конвульсивно дернулось, но тошноту удалось сдержать.

За столиками сидели Странники и их клиенты в одинаковых ржавых плащах. Было и несколько женщин. Я привычно попыталась что-то уловить в гуле приглушенных голосов, но сосредоточиться не смогла. Иногда проскальзывало какое-то понятное слово, но как только я вслушивалась, терялась всякая суть, а голова начинала болеть еще больше.

Никто будто и не заметил, что на улице стреляли. И на меня никто не посмотрел, когда я вошла. Ну и место. Прекрасно — мой первый мир полнейшая дыра, а мои работодатели спокойно вышибают людям мозги? — вот уж, как встретишь год, так и проведешь!

Дверь снова скрипнула, тягуче закричала на весь барак и ударилась о стену. Появились Дракон и Майкл. Они поддерживали еле перебирающего ногами мужчину. Дракон отпустил его, скинул с головы капюшон, потом снял сам плащ, повесив его на стул у свободного столика. Майкл помог мужчине сесть, тот уронил на облезлые вспухшие руки голову и тихо застонал. Я тоже стянула с себя тяжелый плащ, порадовавшись, что свобода движений больше ничем не ограничена. Села на стул, подальше от избежавшего выстрела человека. Он чуть покачивался, царапая грязными пальцами голову, и клоки серых коротких волос липли к рукам или падали на столешницу.

— Что с ними случилось? — спросила я.

— Не рассчитал с обратным оттоком при переходе, — коротко ответил Дракон и оглянулся на Майкла, подошедшего к барной стойке, а я тем временем посмотрела на него.

С капюшоном он снял и шапку. Темные пряди, стянутые в хвост, зацепились за ворот свитера и лежали на плече. Среди вездесущего ржавого цвета Дракон казался болезненно бледным. Все черты его лица говорили о нем, как о человеке замкнутом, нелюдимом, даже жестком. Его сжатый рот, напряженные прищуренные глаза.

— Это тяжелый для перехода мир, — Дракон повернулся ко мне, я опустила взгляд и стала изучать круги на замызганной столешнице, встречаться с ним глазами не хотелось.

— Я бы сказал, теперь парень выйдет на досрочную пенсию, — Майкл поставил на стол четыре жестяных кружки. — Два мертвых заказчика и долгое восстановление.

Чай, ну конечно. Неудачливый Странник тут же осушил свою порцию и перестал стонать. Замер с кружкой в руках, в его серые глаза постепенно пробиралось понимание. Он сильно сопел приплюснутым носом. Воздух, свистя, втягивался и выходил через странные, надсеченные по краям ноздри.

Я взяла кружку, в надежде, что и мне станет лучше. Руки отчаянно тряслись. Не думаю об убитых, не думаю об убитых, не думаю...

Сделала глоток и тут же выпустила чай обратно в кружку, не успев отстранить от губ. Редкостная дрянь! Да и чего стоило ожидать? Видно, из-за частых кислотных дождей вода

имела премерзкий привкус, который пытались перебить, заваривая чай покрепче. Должно быть, для этого мира любое питье, которое не проедает человека изнутри, считается роскошью.

— Дракон! — двигаясь неуверенными зигзагами между сидящими Странниками, к нам приближался хиленький старичок.

С удивительной силой для тонких рук дедок стащил со стула горе-странника и сел на его место. Мужчина рухнул на пол, дополз до стены и так и остался сидеть.

— Чертов щенок, мало, что свои мозги просрал, так еще и двоих утрохал! — старик сплюнул на пол.

На лысом черепе держалось лишь несколько длинных седых волосков. Другие же волоски, белые и корявые, точно жесткая щетина, покрывали серые от грязи уши. Потертая кожаная куртка пестрила заплатками, где приклеенными, где пришитыми грубым швом. Старик протянул узловатую руку Дракону.

— Не первый случай. Века два не виделись, Старый, — глава Путей улыбнулся давнему знакомому, пожал руку, а Майкл чуть склонил голову в знак уважения.

— А то и больше! — старичок же был неуместно подвижен: он, ухмыляясь, подался вперед, приподнялся, хлопнул ладонями по столу и плюхнулся обратно за стол. Скользнул блеклыми глазками по мне:

— Дама кривится? — спросил он и забрал мою кружку с чаем. — То еще пойло, да? Я не нашла, что ответить. Да и запах от Старого шел — глаза слезились!

— Когда последний раз ты совершал переход трезвым? — спросил Дракон. Его и Майкла запах не смущал, как и стремительно лысеющий от дождя Странник минутой раньше.

— А когда я вообще был трезв?! — Старый немного потрясся, смеясь. — Даже не держась на ногах, я никогда не гробил своих Хвостов!

— Когда будет транспорт в город? — сменил тему Дракон. Он, имея привычку к «переводчику», пользовался моим даром даже без моего участия. Мне требовалось только слушать его внимательно и не отвлекаться.

Нет, я не говорила за него, а он не говорил моим голосом. Он брал мою способность говорить, точно так же, как делился со мной своей способностью переходить мирами. Это сложно объяснить, слабый Странник не сможет взять с собой Хвоста, а человек, не слышащий немых, не сможет дать силу зазвучать голосу, существующему только в мыслях.

— Вторую неделю ждем, — ответил старик. — Привоза не было с месяц — дожираем последние крошки.

Он поник, и его мутные от старости и алкоголя глаза стали неспешно разглядывать меня. Это не раздражало, с таким же равнодушием Старый мог разглядывать пейзаж и за окном, если бы в бараке были окна.

— Сам давно тут? — голос Дракона выходил безликим, если так можно сказать про голос. Но не для меня, я «слышала» его истинную природу — глубокую и чистую, чувствовала какую-то озабоченность в нем, спешку.

— С месяц. Мир ведь умирает, да? — Старый заговорил еще тише. — Как долго он будет исчезать? Ты один видел, как умирает мир.

— Разве мир может умереть? — я не удержалась, спросила, хотя в беседу Дракона и Старого не вмешивался даже Майкл.

— Да, девочка. И поверь, выпить от этого хочется втрое больше, — Старик сгорбил,

будто что-то незримое давило на него, будто это что-то могло услышать наш разговор и ускорить свой ход. — Дракон объяснит. Таки полвека провожал умирающий мир. Локарис, закажи бутылку, и я расскажу, как уважаю тебя — ты единственный, кто пытается понять эти, так их...

Старик замолчал, словно забыл, о чем говорил.

— Майкл, — сказал Дракон, и помощник, кивнув, ушел к стойке.

— ... миры, — закончил Старый. Локарис (вот и имя великого и ужасного) без желания ответил:

— Не самые приятные воспоминания. Мир исчезал быстро, я провел там всего шестьдесят лет. Когда начинается разрушение, первыми сдаются люди: ведь окружающее кажется картонным, пропадают запахи, вкус, глохнут звуки. Живые ушли в первые десять лет. За остальные пятьдесят исчезал сам мир.

— И пятьдесят лет вы были один?! — я устала на Дракона. Человечество вымерло, а он еще полвека наблюдал в полном одиночестве, как рушится все сущее! Уж не знаю, достойно это уважения или скорее стоит усомниться в нормальности Дракона. Хотя о чем я — он же глава CBS. Странному месту странные люди.

— Вот за это я Дракона и уважаю! — Старый выхватил у подошедшего Майкла бутылку и сделал несколько глотков из горла. — Брешут, что ты говоришь, что и Зеркала есть, и что нет Хаоса!

— Никогда не позволяю себе что-то утверждать о Хаосе, — Локарис пожал плечами.

— На Путиях говорят, что я не чувствую оттока и могу уничтожать и создавать миры. Эдакий народный фольклор. Так что с транспортом, когда ожидается?

— Брешут, что завтра. Вам повезло, — Старый расплылся в улыбке, в раздвинувшихся тонких губах мелькнуло только два целых зуба. — Ох, неспроста все эти небылицы!

— Не засиживайся в исчезающем мире, Старый, — Локарис вложил в костлявую, прозрачную от дряхлости ладонь несколько монет и встал. — Умирающий мир привязывает и тащит за собой в Хаос, или что там должно быть...

Ночью пришел транспорт. А может, и под утро. Просто сизая пелена неба стала плотнее и ниже, немного стемнело. Думаю, это и была ночь.

Транспортом оказался широкий низкий автобус, который словно только что подогнали со свалки металлолома. Скрипучий скелет покачивался из стороны в сторону, стоило кому-то из пассажиров двинуться или повернуться. Измученные долгим ожиданием странники набились так, что некоторые рисковали вывалиться из больших незастекленных окон.

Ржавый монстр, кряхтя и скрипя старыми механизмами, медленно полз через пустыню. Локарис стоял у стенки, Майкл полусидел на раме, а я стояла между ними. Решили сидеть и стоять по очереди — дорога предстояла долгая.

Знали ли странники, кроме Старого, что среди них едет Дракон? Может, и знали, но никто не подавал вида. Может, на Путиях тоже не многие представляли себе, как выглядит живая легенда миров?

Старый всю поездку напевал похабные песенки и под конец здорово надоел попутчикам. Но никто не решался выразить недовольство старику. Странники, обычно бесцеремонные, его уважали, но несвязное пение действовало на нервы сильнее, чем нервное покашливание старого мотора и скрип механизмов.

Старый выдавал все новые и новые стишки и песенки. Куплет про какую-то лысую девицу начинался с восхваления ее прелестей, а заканчивался стишками про похождения

молодого солдата, сдобренными цветастыми ругательствами. Ни начало, ни конец совершенно не вязались между собой.

— По деревне ходят утки, серенькие, крикают... как я милую... люблю — лишь серёжки звякают!

Не слушать эти глупости было невозможно. Мы ехали долго, а вокруг была только бескрайняя пустыня в мутном мареве дождя. Странники молчали, так что кроме песенок оставался лишь скрип автобуса, предсмертное кряхтение мотора и иногда уставшие вздохи пассажиров.

— Вот это славно! — кто-то неожиданно похвалил стишок Старого, похлопал его плечу и угостил выпивкой. Старик радостно приложился к фляге, подарив всем пару минут относительной тишины.

— Нет смысла на войне сдыхать, когда такие тут дела... — запел он снова, но не закончил.

Кто-то заржал в голос, достал свою фляжку, отвернул пробку и вручил Старому. Он четырежды осушил чьи-то сокровенные запасы горячительного, язык его стал совсем пугаться, а голос притих. Никто даже не обратил внимания на очередной куплетик, прежде чем Старый захрапел, изредка что-то бурча в пьяном сне.

— Жил да был один дракон,
Всем поставил свой закон:
Кто был смелым — запугал,
Кто богат был — обобрал...

К вечеру следующего дня на горизонте возник город, начинаясь с кособоких лачуг, покрытых ржавыми листами железа. Домики словно пытались забиться, спрятаться от дождя под большим навесом на широких столбах, который накрывал улицы и дома побольше. Будто кто-то решил построить городок под сводами вокзальных платформ.

Узкие улочки скупо освещались фонарями и лампочками, которые проливали густой мигающий желтый свет. Предположение, что транспорт пригнали со свалки металлолома, уже не казалось метафорой: город соответствовал этому определению.

Гостиница тоже имела свой прототип — думаю, заброшенная тюрьма вполне подходит. Маленькие комнатки, темные и пыльные. Вместо кроватей к стенам приделаны нары. Все, как и везде — проржавевшее, искореженное. Но я все равно с блаженством вытянулась на жесткой полке:

— Моя спина, меня словно избили!

Дракон ложиться не стал: перебрал рюкзак, выкурил сигарету и спустился в трактир на первом этаже. Майкл, не разуваясь, улегся на противоположную полку, заложил руки под голову. Несколько минут жужжала старой лампочкой тишина, пока не стала совсем гнетущей.

— Никто меня не предупреждал, что будут стрелять в людей! — сказала я. Села, всматриваясь в темную фигуру помощника. — Слышите? О таком мне никто не говорил!

В пути иногда удавалось задремать, когда кто-то из Странников уступал место на полу, и тогда мне снились мертвецы. В первом сне пришел один — покрытый волдырями и ожогами, с половиной головы. Во втором сне другой — с него пластами сходила кожа, а разбитый лоб венчала кровавая корона из осколков черепа, на левой руке оголились кости. В третьем пришли оба — все покрытые пористой ржавчиной с ужасными наростами. Это меня совсем доконало. Больше я не спала.

— Хочешь научиться стрелять сама? — спросил Майкл.

Я бы сказала «нет», заявила, что не хочу иметь никакого отношения к оружию — но мы вышли на Пути.

— Еще будут стрелять? — я нашла взглядом небольшое окно, но, кроме темного марева и пыльного узора, ничего не разглядела.

— Возможно.

— И в меня?

— Вполне вероятно.

— Сколько мы должны пройти миров?

— Не знаю, — Майкл перевернулся на бок, подпер рукой голову. В сумраке и без повязки он походил на ржавых мертвецов из моих снов. Я нервно ухмыльнулась, но он этого не видел.

— Дракон мог бы брать и вашу способность говорить.

— Сегодня я перейду в другой мир со Старым. Вы с Драконом останетесь. У него, видишь ли, секреты от меня, — насмешка в голосе мужчины не смогла скрыть досады. Отлично.

— Он не больно-то разговорчивый, да? Хотя вы его слышите, как и я.

— А ты хочешь о чем-то поговорить с Драконом? — Майкл потянулся, тоже сел на нарах. В полумраке его поврежденный глаз казался волчьим.

— Я же должна знать, на кого работаю.

— На монстра, так тебе скажет любой, — помощник монстра дотянулся до стола, взял брошенную Драконом сигарету, снова зажег ее. — Или на легенду, так тоже любой скажет, но вернее услышать первое.

— А вы кто? Верный оруженосец? — мне становилось все интереснее. Если уж из Дракона и слова не вытянуть, придется взяться за его помощника.

— Заткнулась бы ты, — сказал он, выпуская белый дым. — И спала, пока есть возможность. Не думай, что Локарис посмотрит на то, что ты молодая. Он скидок не делает.

— Вот как? А мне никто скидок не делает, — я встала и подошла к мужчине, неплохо, что смогла задеть его. — Давайте на «ты»?

— Запросто.

— Научи меня стрелять.

Майкл выпустил тонкой струйкой дым, и на несколько секунд его лицо скрыла белая пелена. Пока не докурил, не ответил. Сидел, пыхая своей сигаретой мне в лицо и пристально разглядывая. Я не отошла ни на шаг.

— Запросто, — он раздавил бычок о столешницу. — Идем.

Слава богам, в городе носить дубовые плащи не пришлось. Мы спустились на улицу, зашли за здание. Майкл помог забраться на мусорный контейнер, а до лестницы, прикрученной к стене, я дотянулась сама.

— Похоже на рассвет, — я выбралась на крышу. Здесь было холодно.

Вдалеке, поверх косых домов, густого переплетения проводов, перемежавшихся с силуэтами колонн, что держали навес, светлело небо больного желтовато-коричневого цвета. Под ногами хрустел мусор и покореженная обивка, валялись черные тельца мертвых птиц.

— Будем стрелять в ту сторону, — Майкл достал оружие. — Можешь гордиться, детка, тебе дает урок лучший стрелок нескольких миров.

Мужчина достал пистолет. Сказал, что любит подбирать в каждом мире что-то под себя, но никогда не расстаётся с проверенным оружием. Он склонил голову, и ровный поток волос скатился с плеча. Даже в этом мире растянутых свитеров и линялых плащей он казался элегантным. Если бы не шрамы...

— Что случилось с твоим лицом?

Майкл будто не услышал вопроса. Сказал, что предпочитает патроны с экспансивными полуболобочечными пулями. Такие пули, с широким отверстием в носике, попадая в твёрдую преграду, сначала плющатся, а потом, за счёт отверстия, выворачиваются наизнанку.

— Мое лицо — подарочек Локариса, — все же ответил он, как бы между делом, и вернулся к оружию.

Он показал мне пулю. Ее попадание способно оторвать конечность, вырвать кусок мяса размером кулак. Или снести часть затылка, что я могла видеть два дня назад в электричке.

— Почему он это сделал? — пули пулями, но я не ради стрельбы согласилась на урок.

Майкл передал мне пистолет. Он оказался тяжел для своего размера. Я никогда не держала оружия, удивительно, что такая небольшая вещь может столько весить.

— Мы не сошлись во взглядах. Теперь смотри...

Пистолет Майкла имел три предохранителя: внутренний — защищающий курок от срыва, основной механический и клавишный. Если я решу приобрести себе пушку, то стоит выбирать такую же систему. Руки мои, по мнению Майкла, никуда не годятся, мне необходимо тренироваться.

— Попробуй выстрелить, — сказал он.

Первый выстрел оглушил, а пистолет здорово дернуло вверх. Майкл обратил мое внимание, что в другом мире будет иначе — громче и сильнее отдача. Этот мир умирает, и поэтому в нем все глуше. Если я постараюсь, смогу даже увидеть траекторию пули.

— Еще раз.

Вторая пуля попала куда-то под навес. На чей-то дом посыпался сноп искр, я попала в узел проводов.

— Это неправильно, — я попыталась отдать пистолет Майклу, все равно руки уже начали дрожать. Мужчина медленно отвел ствол в сторону.

— Еще раз.

Никто не спешил на звуки выстрелов. Никто даже не высунулся из окна, чтобы поругаться на источник шума. Третья пуля ушла вниз, выщербила кусок у стены соседнего дома. Майкл разрешил отдохнуть, показал, как поставить пистолет на предохранитель. Потом попросил снова привести все в боевую готовность.

— Тебе нравится, детка? — спросил он.

— Не очень-то, — буркнула я.

— Что ж... — Майкл встал за спиной. — Не опускай пистолет, потренируйся целиться, — он обхватил мою руку прохладной ладонью. — Прицелься. Посмотри, как ты держишь руки, вот так, — его шершавая щека прижалась к моей.

Когда он говорил, воздух, покидая его губы, касался меня.

— Чтобы понять, куда чаще будет уводить пистолет при стрельбе — прицелься и закрой глаза на несколько секунд. Когда откроешь — увидишь, куда увело пистолет, — Майкл улыбнулся, и сухие шрамы царапнули кожу.

Я закрыла глаза, на изнанке век прыгали блики от перебитых проводов.

— Знаешь, каждый наш выстрел приближает конец этого мира... Хаос идет на звуки.

— Тогда зачем мы это делаем? — я открыла глаза, отстранилась от мужчины.

— Днем больше, днем меньше, — Майкл пожал плечами.

— Ладно, спасибо за урок, — сама не знаю с чего, но я разозлилась. Ну постреляли, ну сократили дни того, что и так исчезает, что теперь? Мне хотелось стереть ощущение щеки Майкла с кожи. Я сделала вид, что поправляю волосы.

— Я устала, пойду.

— Ты слишком легко согласилась, — Майкл преградил путь к лестнице.

— На что согласилась?

— На предложение Дракона. Кто тебя курирует?

— Что? Ты вообще о чем? — я отошла к краю крыши, пистолет все еще был у меня. —

Ты, знаешь ли, весьма доходчиво объяснил, что иначе меня убьют.

— Все твои пожитки оказались в одном рюкзаке. У тебя был только старый телефон. Где еще с десятков разных гаджетов, которые есть у каждого подростка? Где звонки, где фото? До встречи со мной ты жила на луне?

— Я что, подозрительна, потому что бедная?

— Из всех, у кого была такая же способность, ты единственная осталась в живых.

— О, а с тем типом мы просто обнимались в электричке?! Знаешь, пистолет-то у меня! — я наставила оружие на Майкла. — И на первые три выстрела никто не поспешил...

— Мы же не ссоримся, детка, — он развел руки в стороны и улыбнулся. Плевал он на пистолет, был уверен, что не выстрелю. — Вот что, это вы хорошо сработали с наемником в поезде. И с Норманом — прекрасная работа.

Я не опускала пистолет, не знала, правильно ли то, что я его наставила на помощника. Не могла понять, блефует он или нет, проверка это или он уверен в том, меня подослали.

— Ты ведь работаешь на Дракона? — спросила я.

— На него, конечно. На него и на себя. Отдай пушку, — Майкл протянул руку.

Он не дал мне и секунды, чтобы выполнить просьбу. Я даже не заметила его движения. Просто оказалась откинута на бетонный борт крыши, без пистолета. Он меня не ударил, просто перепугал до чертиков.

Его лицо, точно некогда разорванный на мелкие кусочки и снова склеенный фотоснимок, приблизилось так, что я видела все шрамы, глубокие и темные рытвины, комкавшие кожу. Черную прядь сдул с плеча ленивый ветер, и она почти коснулась меня.

— Иди, выпись, детка, — сказал он. — Сегодня тебе снова повезло.

* * *

Норман. Мир третьего разряда.

Перевертыш.

Месяцем ранее.

— Через пятнадцать минут пройдет первая стадия акклиматизации, и вы сможете продолжить Путь, — красивая девушка, не переставая улыбаться, отложила шприц на стеклянное блюдце.

Мягкое белое освещение казало ее ангелом. Аккуратный халатик ярко выделялся на фоне светло-голубых стен больничного корпуса. Легкое течение прохладного воздуха чуть

тревожило русые волосы и гладило кожу Нормана. Вкрадчивый голос будил сознание после перехода в мир.

— Маску можно снять уже в гостинице, — сказала медсестра. — Надевать ее следует раз в четыре часа, носить от получаса до двух, смотря по вашему самочувствию. Покидать здание категорически запрещено. Рада вас приветствовать на базе!

Норман кивнул и улыбнулся блондинке. Она приложила к месту укола небольшой аппарат, похожий на шариковую ручку, и красная точка тут же зажила. Девушка плавно поднялась с табурета и поплыла к выходу. На мгновение ее ладная фигурка окрасилась в фиолетовый, но потом снова все стало нормально. Норманн давно привык к выкрутасам своего зрения. Точнее, его остаткам. Мир он видел, словно к левому глазу приставили пластмассовую трубку, а правый вовсе закрыли, все виделось словно через маленький туннель.

— После этой дряни рука как не своя еще полдня, — сказал Дракон.

Норман перевел взгляд на босса, тот сидел на краю кушетки, сгибая и разгибая руку.

— Десять минут тебе, — Локарису даже маска не требовалась, он акклиматизировался мгновенно.

— В этом мире меня каждый раз подмывает снова решить, что я вконец двинулся, — буркнул Норман, медленно принимая сидящее положение. В голове загудело. — Не для моих отбитых мозгов эти перевертыши.

— Дойдем быстро. Возьми две маски, чтобы без привалов, — Локарис встал, снова повертел рукой, потом натянул свою кожаную куртку. Это значило, что Норману он не даст и десяти минут отдыха.

Когда они вышли с базы, спутника Дракона все еще уводило в сторону. Он огляделся через свой узкий воображаемый туннель — пейзаж плыл волнами. Прямо от железной двери раскинулись девственные желтые барханы песка. Они могли как тянуться до самой Точки перехода, так и в минуту превратиться в развалины города или широкую реку. В прошлый раз, идя по асфальтированному шоссе, они с Драконом оказались на краю вулкана. Очень неожиданное перемещение вышло.

Норман достал сигареты, но по привычке той рукой, в которую сделали инъекцию. Рука дрогнула, и пачка упала в песок. Норман не стал ее поднимать. В мире-перевертыше лучше не останавливаться, если не желаешь ненароком заглянуть в жерло вулкана.

Это он пристрастил Дракона к курению. Дракон уничтожил его жизнь, а Норман обеспечил босса вредной привычкой.

— Надень маску, — приказал Локарис. Он следил за состоянием помощника, но только потому, что тот был его «голосом».

— А в этот раз отток здорово долбанул, — Норман полез в сумку за маской, посмотрел на Дракона. — Но по тебе вроде и не скажешь.

— Перейдем на центральный, вырублюсь на сутки или двое в первой же ночлежке, — Дракон тоже оглянулся на Нормана, недоверчиво скользнул янтарными глазами по его лицу. На мгновение и глаза, и сам Дракон мигнули красным.

Норман остушился, чуть не выронил маску. Дракон быстро оказался рядом и поддержал. Заминка. Песок ссыпался в щели старых каменных плит, потянулась сухая сизая трава. Справа всплыл остов ржавого автомобиля.

— Чертов перевертыш! — Норман пнул камень, тот покатился, три раза подскочил над травой, а потом вспорхнул в низкое небо серой птицей.

Помощник застонал, сжал виски, зажмурился. В правом глазу закрутилась цветная карусель. Он начал падать, но крепкая рука Локариса держала его за локоть.

В голове Нормана словно гремел мощный двигатель, перемалывая его мозг, и стенки хрупкого черепа резонировали, звенели, как стекла в старой раме.

— Я должен сесть... Должен сесть! — зашептал он. Дракон уже помогал ему опуститься на плиты.

Сорок лет назад Норман кричал тоже самое. И точно так же Дракон держал его за плечи.

— Я должен сесть! Должен сесть!

Автопилот и навигация давно отказали. Шаттл дергало словно фантик на веревочке, с которым играла кошка.

— Я должен сесть! — Норман знал, что не сможет посадить шаттл. Знал, что это конец.

Дракон надел на него маску и Норман вернулся в реальность. Лицо Локариса переливалось с огненно-красного в светло-зеленое. Воображаемая пластмассовая трубка у правого глаза помощника становилась все уже.

Задул сильный ветер, пола куртки Дракона захлопала Нормана по руке. Мир снова перевернулся.

— Мы должны идти, — Норман слышал Дракона даже сейчас, когда его мозг взбивали миксером.

Локарис поднял помощника на ноги. Он навалился на плечо босса, и они медленно пошли — Норман не видел, куда именно. Трава доставала уже до пояса, становилась все гуще. Они прошли совсем немного:

— А-а-а-а! — Норман закричал, снова сдавливая виски. Ему было плевать, что Дракон видит его слабость. За долгие годы они не раз друг друга выручали и видели в куда худшем состоянии.

— Спокойно, посмотри на меня, — Локарис снова усадил его на землю, опустился рядом. Теперь трава цеплялась за их волосы.

— Посмотри на меня!

Должно быть, заливались пискom все датчики. Гироскоп полетел к черту. Но Норман слышал только эти слова.

Его пассажир, этот проклятый нелегал, из-за которого все и случилось, резко развернул Нормана к себе. Глаза пилота поравнялись с янтарными зрачками.

— Я смотрю... — прошептал он, а на лице нелегала мелькнуло удивление.

В следующий миг шаттл дернуло так, что кресло слетело с рельс и вместе с Норманом прыгнуло под потолок. Вокруг рассыпался фейерверк капелек крови. Он бил из разорванной руки пилота.

«Весьма глупо» — мелькнуло его голове, — «так влететь в первый же месяц работы».

Норман только набирал необходимый налет часов на ионолете — новая модель, незнакомая система управления, в армии он летал на совсем других аппаратах. Эта же корпорация занималась межпланетными перевозками, непыльная работа, но главное, что Норман наконец мог летать.

Его учебный рейс перенесли на ночь, и в ангаре остался лишь техперсонал.

— Сэр, — к Норману подошел коренастый лысый человек в синем комбинезоне. Пилот не знал этого техника — не его смена. — Дело есть, — сказал тот, перекатывая во рту зубочистку.

Он провел Нормана через складские помещения, в небольшую комнатку, где сидели еще двое мужчин из персонала.

— Надо закинуть одного в «лес», — лысый сплюнул зубочистку на пол.

Пилот, который обычно помогал «закидывать в лес», что значило не что иное, как транспортировку нелегалов на планету, заболел. Срывались хорошие деньги. Всего один пассажир. Время полета равно времени учебного рейса Нормана, расстояние то же, никто не ничего заметит. Система отлажена.

Норман, сам не желая, стал сообщником. На службе он подбил немало нелегалов, еще на подлете к «лесу», но сейчас знал, что не может отказаться. Иначе о работе в корпорации придется забыть.

Ему выделили другой шаттл из резервного колодца. Норман забрался в кабину — та же модель, к которой он привыкал на учебных рейсах. Одну за другой пилот включил системы, начал предполетную подготовку, ожидая нелегала.

Его пассажиром оказался высокий сухопарый человек лет сорока, с острым лицом темными длинными волосами, какие никто уже давно не носил. Тип показался пилоту неприятным, даже несмотря на то, что Норман был против всего задания в целом, против чего он хотел только как можно быстрее отделаться от общества нелегала.

Компьютер доложил о готовности ионолета, диспетчер дал согласие на вылет. Из шлюзового колодца началась откачка воздуха. Норман следил за падением наружного давления, все шло хорошо. Пассажир молчал и, видно, не собирался говорить до самой посадки. Как вести себя в полете, он знал, это было видно по тому, как залез в кабину, как сел в кресле рядом.

Они покинули станцию. Ионолет шел нормально, но чувствовалось, что это чужая машина, что привыкла к другому, неизвестному Норману пилоту. Все было хорошо, пока они не вошли в атмосферу.

Теперь проклятый нелегал откидывал в сторону кресло и тряс Нормана за плечи. Кровь из рассеченной брови заливала его лицо:

— Посмотри на меня!

— Посмотри на меня, — Норман послушно посмотрел на Дракона.

Янтарные глаза — доля мгновения, короткое, чуть заметное ощущение падения, паники и эйфории вместе взятых. Он оказался где-то далеко, в глубине вертикальных зрачков. Он плыл в пустоте, и сами истоки всего сущего качали его на мягких волнах.

— Норман? — Дракон моргнул, прерывая контакт глаз, отпустил подбородок помощника.

— Я здесь, босс, — он вымучено ухмыльнулся. Локариса здорово бесило, когда его называли «боссом». — Вот, приложило-то.

Голова больше не раскальвалась. Вот уже сорок лет, как не пилот, огляделся вокруг. Дракон и он уже были на деревянных мостках. Под лабиринтом настилов плескалась черная вода. Они сидели на краю какого-то аппендикса. Норман спустил ноги, сел прямо. Потряс головой.

Локарис взял его за руку, одернув рукав. Пришлось повернуться, чтобы увидеть, что делает босс, но хотелось просто смотреть на водную гладь.

Дракон нажал пальцем на место, где был укол.

— Думаешь, инъекция? — спросил Норман.

— Думаю, что тебе стоит поднять ноги, а то рискуешь в следующую минуту оказаться забетонированным по колено.

— Ты еще помнишь направление? Не сбился с пути? Где мы?

— Да, помню, — Дракон сделал маленький надрез, на загорелой коже помощника налилась тугая бусина крови.

— Где мы? — это были первые слова Нормана, когда он пришел в себя. По всем его расчетам, они должны были разбиться через минуту после того, как раздался последний приказ «смотри на меня!».

— Не дергайся, друг, — сказал кто-то.

Пилот видел плохо, кажется, кто-то перевязал ему голову, оставив щель лишь для одного глаза. Он вздрогнул, приподнялся, оглядывая себя. На первый взгляд все его конечности были на месте. Сам он лежал на узкой софе в темном помещении с низким потолком, было душно и резко пахло спиртом.

Норман был привязан, а его левая рука покоилась на коленях у человека с черной повязкой. Он вспомнил, что как раз эту руку ему порвало, когда кресло бросило под потолок.

— Сказал же, чтоб тебя! — человек в повязке выругался, перехватил руку, которую пилот даже не чувствовал. Выглядела она не лучше, чем он помнил ее в последний миг. Только теперь среди оголенных мышц под настольной лампой поблескивали разные зажимы и какие-то медицинские инструменты.

— В твоих интересах, друг, чтобы я закончил быстрее, — незнакомец поправил лампу, прикрученную к спинке стула, на котором сидел (это было единственным освещением), макнул скальпель в банку с мерцающей зеленоватой жидкостью. — Я вколол остатки. Скоро тебе станет очень больно.

Фразы слышались отрывками. Норман ничего не понимал, и не помнил, задал ли он свой вопрос вслух. Попробовал снова:

— Где я?

— В безопасности, — Норман не знал, откуда идет звук, казалось, голос нелегала, с которого началась вся беда, звучал прямо у него в голове. — Ты слышишь меня?

— Да... — пилот повернул голову.

В прореху повязки он увидел темную фигуру нелегала, он стоял, склонившись, низкий потолок не давал ему выпрямиться. На брови четко выделялась белая нашивка пластыря. Пластырь стал весело мигать разными цветами: фиолетовый, красный, зеленый. Нормана замутило. Человек со скальпелем снова выругался, а нелегал склонился ниже и теперь держал Нормана. Оказывается, его била судорога.

— Снимите повязку! — закричал он. Ему думалось, что так сразу станет легче. — Снимите с головы повязку!

— Цела твоя голова, друг, нет повязки, — товарищ нелегала свободной рукой вдавил плечо пилота в койку. — С глазами беда, но это, друг, не по моей части.

Скальпель вспыхнул бликом под лампой, его заменили иглой, и она впилась в руку Нормана, тут он снова потерял сознание. «Придется завязать с полетами» — только и успела

мелькнуть мысль.

— Не поможет, — сказал Локарис.

— Что? — оказывается, Норман провалился в воспоминания на мгновение.

— Препарат уже распространился, — Дракон опустил руку помощника.

Сейчас Норман лежал на берегу озера, вода приятно холодила его ноги. Он ничего не видел, кроме цветных пятен, просто догадывался по ощущениям.

— Я не могу помочь, Норман, — Локарис положил руку ему на лоб. Норман вспомнил о его способности забирать боль. Вот почему стало так спокойно. — Все, что я могу, выяснить, это что за препарат тебе ввели и найти того, кто это сделал.

— Может, просто пришла пора? Меня тогда здорово долбануло в ионолете, — через широкую ладонь Дракона прямо в бедную голову Нормана изливалось блаженство. Самому Локарису было, наверное, очень больно, ведь боль не может исчезнуть совсем, он забирал ее себе.

— Ты сам отказался пройти проверку, — сказал Дракон. — Я чувствую, как меркнет твоя энергия.

— На что это похоже?

— На паутину с искрами... Наверное, так.

Норман услышал, как Локарис пошевелился. Если до этого он стоял, склонившись над ним, или на коленях, то теперь тяжело опустился на берег. Было очень милостиво с его стороны, забрать миксер из головы Нормана в свою.

— Ты еще не потерялся в перевертыше?

— Нет, один я смогу перейти и отсюда, — сказал Локарис. Норман улыбнулся, это уже не казалось ему таким чудом, как тот раз, когда Дракон совершил переход в другой мир прямо из ионолета.

— Мы на берегу озера? У меня весь зад промок.

— Нет, ты... Да, это озеро, Норман, — Локарис отнял от его лба ладонь.

«Вот такая неожиданная смерть, на сорок лет позже, чем стоило» — подумал Норман, — «Придется завязать с полетами».

* * *

Айн. Мир пятого разряда.

База? 1.

Как можно представить переход в другой мир? Магические начертания на земле старого капища, или светящееся пространство среди руин древнего храма, а можно мерцающий портал, сгенерированный чудом научной мысли? Вряд ли кто-то представит душный коридорчик с хлипкими стульчиками по стенам и очередью Странников в кабинет с железной узкой дверью.

Я какое-то время повоображала, что за дверью — нечто вроде водоворота, в который закручивается комната, или же сразу другого мира. Но первый Странник вышел через двадцать минут с медными жетонами в руке и ушел дальше по коридору.

Так за три часа в кабинет вошло и вышло пять Странников. Трое еще сидели перед

нами. Скука.

— Бывает, что Проводника и его спутников разбрасывает по разным частям мира, — сказал Локарис, он стоял рядом, прислонившись к стене.

— И что же тогда делать? — я спросила больше из уважения, чем из интереса.

После разговора с Майклом на крыше я вела себя как пайнька. Решила притихнуть, подождать, когда помощник перейдет в другой мир, и останусь с Драконом. Я не знала, сказал ли он что-то Локарису или же сдержал обещание и промолчал. Что за игру он вел?

— Если есть база, то безвылазно ждать своего Проводника там, — ответил Локарис.

— А если нет базы?

— Если базы нет, оставаться как можно ближе к тому месту, где оказался. Проводнику легче вычислить, где его Хвост, чем гадать, куда тот решил пойти.

— Твоя очередь, Локарис, — Майкл кивнул на дверь.

Сегодня Дракон собирался договориться о переходе своего помощника и получить разрешение для нашего перехода днем позже. Это было вежливостью Дракона, на самом деле он мог перейти когда угодно без чьего-либо позволения.

Мы прошли в большую залу без окон, освещенную голыми лампочками. Вся обстановка — стол и пара стульев. Что касается людей, то общество собралось неожиданное. Бледная худая женщина в черном платке и длинной юбке сидела с детьми на стульях. Старший мальчишка с всклокоченными желтыми волосами держал за руку остролицую, очень худенькую сестренку лет четырех. Девочка, в отличие от брата, была причесана с большим старанием: две тугие косички чуть поблескивали в свете качающихся лампочек. Вокруг матери и детей стояло четверо мужчин с автоматами в руках. Из-за скудного освещения глаза собравшихся тонули в густой тени, а лица приобретали скорбное выражение. Еще двое охранников стояли рядом с мужчиной, который поприветствовал Локариса:

— Дракон! — он склонился более чем низко.

Это был высокий человек с толстой шеей из-за его голова его казалась непропорционально маленькой. Отекшее лицо в красных пятнах не давало угадать возраст, он мог быть или в преклонных годах, или в расцвете лет, но выглядел измученным здешней экологией и болезнями.

— Дракон, сначала мы молились за этот мир. Потом за то, чтобы ты пришел, — мужчина достал из кармана грязный платок, промокнул рыхлый лоб.

Он махнул рукой, и телохранители поставили для него и Локариса стулья. Оба сели.

— Думаю, теперь вы молитесь о том, чтобы я дал согласие, — в тоне Локариса слышалась утомленная учтивость. — Но то, что вы хотите, мне не под силу, мэр.

— Но ты... ты единственная надежда! — голос мэра сбился, он постоянно делал глубокий вздох, чтобы продолжить фразу. — Я готов отдать все... поверь... несмотря на то, что мир исчезает, у меня есть чем заплатить. Не для себя прошу... выведи детей и жену.

— Другие странники говорили вам то же, что и я. Максимум — два спутника, и это если бы я уже не был при двух Хвостах, — Дракон выглядел отстраненным от всего: трагедия мира, трагедия людей, моливших его, совершенно к нему не относились. — Полагаю, на роль этих двоих претендовали бы ваши дети, но тут даже не пришлось бы и думать об их дальнейшей судьбе — им не перенести отток.

— Да-да. Я слышал это много раз, — мэр судорожно окинул взглядом сначала телохранителей, потом жену. Он стал медленно сползать со стула, пока не опустился на колени. — Именно так говорит любой Странник... Но ты не любой Странник! Все говорят...

если кто и может... то только ты! Ты бы мог вывести моих детей... хотя бы. А потом вернуться за своими попугайчиками.

— Сходите в санчасть, мэр. Посмотрите на последнего Странника, он тоже уже больше никогда не покинет этого мира, а оба его спутника мертвы, — Локарис поднялся. — Прошу выдать мне жетоны, мне бы не хотелось нарушать ваши порядки.

— Да Шинорд тебя разорви, Дракон! — мэр вскочил с коленей. — Чем мы хуже рабов и шлюх... которых... вы перевозите своим заказчикам?! Ты представляешь... что это такое... когда еда в горло не лезет. Когда любое лицо, — мэр закашлялся, продолжил хрипло:

— Лицо, которое было тебе дорого... превращается в рожу... перекошенную от того, что вся жизнь трещит по швам?!

— Больше, чем думаете. Мои жетоны?

— Нет! — мэр сжал в кулаке платок, его лицо покрыли бисерины пота. — Я не согласен... чтобы моя семья дохла в этой дыре. Я не дам тебе выхода, пока ты лучше... не передумаешь.

Жена мэра, словно кукла из страшной сказки, с печальным лицом смотрела куда-то мимо говоривших, дети плакали. Неожиданно женщина вскочила и крикнула в спину уходящего Дракона:

— Чтоб ты сбился с Пути!

Худшее проклятье для Странника? Слова, которые способны заставить великого и ужасного замедлить шаг? Не знаю. Тем не менее, Локарис развернулся к мэру, положил руку на плечо.

— Нет ничьей вины в том, что мир уходит, — сказал он. — Но даже в границах этого мира вы можете выбрать, как исчезнуть самим.

Это все, что сказал Дракон. А мы слышали: альтернатива медленному угасанию в умирающем мире или мучительной смерти от обратного оттока при переходе в другой — есть. Можно уйти, оставаясь в своем доме, со своей семьей, быстро и почти без боли.

Дракон этого не говорил, но мы слышали. Мэр прижал к глазам платок, будто у него резко разболелась голова. Женщина притихла. Рассказ продолжался в мыслях каждого.

Стоит просто дождаться вечера. Приготовить ужин, надеть лучшее, провести время вместе. Зачем-то после помыть посуду. Всем крепко обняться и думать, что сегодня мы все просто уснем. А завтра не будет панического страха, лютой тоски от неправильности происходящего, от которых хочется кричать, царапать себе лицо и напиваться до потери сознания.

— Кристофер, выдай Дракону жетоны... Ваша очередь будет к вечеру...

Мы ушли из зала, а мэр так и остался стоять, закрыв глаза, не обращая ни на кого внимания.

«Кто стоит за спиной?

Кто влезает в разум твой?

Властелин теней,

Господин Путей» — так пел Старый в ржавом автобусе.

Я отстала от мужчин, чтобы просто побыть одной, пусть это всего пять минут в туалете. Над раковиной висело зеркало, сильно испорченное черными пятнами. Хотела умыться, освежить себя, смыть неприятный разговор, но, увидев коричнево-рыжие подтеки на раковине, не стала. Посмотрела на себя в зеркало — я тоже здесь не казалась красивой:

бледная, невыспавшаяся, в дурацкой шапке. Отражение мигало на грязной поверхности вместе с неисправной жужжащей лампочкой за спиной.

Мне хотелось бы вырвать этих некрасивых, уставших людей из умирающего мира. Увидеть, как лучи солнца, пронзая чистый воздух, ласкают их бесцветные рыхлые лица. Смерть и отчаянье — вот с чего начался мой выход на Пути. В зеркале появилось отражение другого лица, белого, с темными провалами глазниц. Я вскрикнула, резко развернулась и больно въехала бедром в раковину.

— Извини меня, — голос жены мэра был тих, но низок и хриплый, как у заядлой курильщицы. — Это вы извините меня, не слышала, как вы вошли, — мне стало неуютно. Еще одна неприятная встреча в туалете.

Я собралась уходить, но замешкалась. Думала, стоит ли извиниться и сказать, что спешу, или просто попрощаться. Женщина продолжала смотреть на меня, ту, что идет мимо их горя. Завтра я буду в другом мире с Драконом, а она останется тут — умирать вместе со своим.

— Мне жаль, что все это происходит с вами. Но я всего лишь Хвост, не мне влиять на решения Дракона. Извините, — проговорила я быстро, а она все еще стояла, бледная как призрак.

Я дернула ручку двери.

— Постой, — женщина миг оказалась рядом, ее руки быстро взлетели к моим плечам.

Ее серые глаза с желтоватыми белками в тонкой сетке красных сосудов нашли мои. Боль вместе с чувством вины одной волной прошли через меня. Отдаленно я понимала, что что-то не так. Да, я жалостливая, но это не моя боль, не моя потеря. «Кто влезает в разум твой?» Еще миг — и жена мэра отступила на прежнее место, замерев, как раньше. Теперь ее взгляд казался осуждающим.

— Ты бы могла спасти меня и моих детей. Пожалуйста, послушай и реши, важнее ли мы глупых правил Дракона.

Хотела бы я ее прервать, сказать, что не мне спорить с Локарисом о таких вещах. Но что есть неловкость или короткий гнев Дракона по сравнению с хоть мизерным шансом спастись для этой женщины и ее детей?

— Я обещаю попробовать и уговорить его.

— Нет-нет! — женщина снова дернулась ко мне, взяла мои ладони в свои. Ее руки оказались удивительно мягкие, не верилось, что такие руки могут быть у такой некрасивой женщины. — Еще в прошлом году Дракон привозил к нам около дюжины рабов. Со всем уважением к этому сильнейшему Страннику, но он врет, что два Хвоста — это предел! Почему мы должны гибнуть из-за глупых правил? Правил, из которых Дракон выпадает!

— Извините, но тогда не понимаю, что вы от меня хотите, — я высвободила руки. — Вы хотите, что бы я сама отказалась от перехода? — Нет. Я сейчас объясню все. Поверь, Дракон даже не заметит. Что такое пять людей по сравнению с целой дюжиной?!

Четверо, на самом деле. Майкл же с нами не переходит. Могут ли два ребенка сойти за одного взрослого? Я молчала.

— Сегодня вечером, во время перехода, все, что будет нужно от тебя — это взять меня за руку, тогда Дракон зацепит и нас с детьми. Главное, думай о нас в этот момент. Желай перенести нас с собой.

— А если я не смогу, вы погибнете?

— Девочка, ты ходишь за самим Драконом, за живой легендой. Мы не причиним ему

вреда своим поступком. Я прошу тебя, дай нам возможность жить. Моим детям. Ты поможешь мне?

— Я постараюсь.

* * *

Гернард Пеом. Мир пятого разряда.

Бункер в Южном хуторе.

Теряются маленькие привычки. Выйдя на Пути, поначалу всегда что-то таскаешь с собой. Какой-нибудь медальон, или монету или тетрадь с записями, иногда даже изображение какого-то человека — фотография или рисунок. Как правило, это быстро теряется или приходит в полную негодность. Миры вытравливают из Странников все старое, превращают в чужаков всем и повсюду.

Само понятие «дом» исчезает. Пропадает желание в новом мире сделать что-то так, как было в старом — как привык дома.

Но Гернард Пеом не был настоящим Странником, он был ученым. И, меняя миры, он не менял привычки обставлять свою лабораторию так, как обустроил первую, полученную за особые заслуги, еще когда был зеленым студентом в родном мире.

Росчерки запускаемых ракет могли полосовать небо, могли отбивать ритм копыта коней, прикрикивать извозчики, а у Гернарда Пеома неизменно коптился на спиртовке небольшой медный чайник и висели по стенам пожелтевшие дипломы. Происходи на улице хоть контакт с инопланетянами, хоть апокалипсис, а посетители Пеома неизменно спотыкались о пирамиды книг, цепляли рукавом колбы и пугались заводного ворона на входе.

«К-к-кра!» — в этом мире ничего не работало так, как следует. Ворон кряхтел, а не каркал, а часы и вовсе остановились.

Пеом знал, кто к нему пришел. Он бы согласился расстаться со своими книгами, дипломами, со всей лабораторией, лишь бы никогда не открывать дверь этому человеку.

— Проходите, господин Дракон, — ученый поклонился, отодвигая в сторону пыльную занавесь. — Леди, — свободной рукой он изобразил, что снимает невидимую шляпу. Следом за Драконом в лабораторию прошла маленькая рыжая девушка.

— Собирайся, Пеом, — без приветствий сказал Дракон.

— Я ждал чуть позже... — шепнул ученый, снимая книги с двух шатких табуретов для гостей. — Желает ли господин чаю? У меня отличные фильтры, вкуснее воды вы не сыщете во всем мире! В том, что от него осталось.

Великий Странник покачал головой, но Пеом все равно проверил воду в чайничке и включил огонь.

— А я хочу чаю. Можно? — спросила девушка, но вовсе не его, а Дракона. Дракон кивнул. — А то до сих пор во рту вкус горелой каши.

— Я достану печенье, — улыбнулся Пеом.

— У нас мало времени, — Дракон сел на табурет, а его спутница все еще рассматривала лабораторию. Сразу видно, что только вышла на Пути и недавно при Драконе. — Собирайся и рассказывай, Пеом.

— Конечно-конечно, — Пеом поспешно выудил, ловко скользя между столами, полками, трубками и шлангами, старенький лэптоп из кучи бумаг. В таких случаях он всегда отпускал какую-нибудь шутку о том, что пристрастие к старине одно, а удобство прогресса — другое. Но с Драконом решил не болтать попусту.

— Пока, по большей части, у нас лишь предположения, господин, — начал ученый, включая лэптоп. — Эта новая ветка, которую открыл Кестр, весьма необычна. Активность точек Силы по ветке увеличивается с каждым миром. Это очень странно, учитывая, что от стабильности точек зависит структура мира.

— Сколько точек в последнем? — спросил Дракон.

— От семидесяти.

Пеом знал о маленьком недостатке грозы Путей, и знал, для чего с ним пришла девушка. Удивляло то, то она спокойно бродила по лаборатории, будто ей не приходилось напрягаться, чтобы «слышать» Дракона.

Хорошенькая. Похожа на Сисиль — принцесску двумя мирами раньше. Пеом так и не понял, что она больше любила: его или его лабораторию. У Сисиль были такие же яркие зеленые глаза и живой взгляд. А эту девушку жалко. Дракон меняет все, к чему прикасается. Люди рядом с ним становятся монстрами.

— Если установлено, что чрезмерное количество точек Силы, равно как и их недостаток, приводят мир к разрушению, то два мира из этой ветки просто не могут существовать! — сказал ученый.

Свисток на чайнике выдал веселую трель, Пеом сам его смастерил. Тогда он налил девушке чай, а она тихо спросила:

— А две точки — это много?

— Вы, мисс, видно, путаете точки Силы и точки перехода, — Пеом вернулся в свою любимую колею: тридцать восемь лет жизни он преподавал в разных университетах. — Точки Силы — поры мира, через которые проходит энергия Хаоса — пространства, в котором существуют наши миры. Миры как губки, мисс. Если точек Силы много — мир становится рыхлым и распадается, вот как этот сейчас. А если точек слишком мало, то наша губка ссыхается в камень.

— А что же тогда точка перехода? — девушка с благодарностью принялась опустошать вазочку с печеньем, которое Пеом достал из личных запасов. Он до сих пор вел себя так, будто сегодня ему не приходится бросать все, что было с ним более века.

— Точка перехода — тонкое место в структуре мира, обычно оно находится между точками Силы, на равном расстоянии от каждой, — ответил Дракон вместо ученого. — А теперь снова к делу, Пеом.

— Конечно-конечно, — Пеом закивал. — Вот посмотрите, это график по точкам и мои сравнительные диаграммы, — лэптоп загрузился, и ученый развернул его экраном к Дракону. — Что вы скажете? Можно ли считать, что та ветка с таким количеством точек должна раствориться в Хаосе?

— Чтобы это понять, необходимо быть в мире, — ответил Дракон, он достал из кармана очки, надел и принялся прокручивать графики. Дракон оказался еще и близорук, вот как. — В моем родном мире двадцать шесть точек. Раньше было больше. Скорее, я бы предположил, что миры той ветки просто с иной структурой.

— Вы верно мыслите, — хвалить Дракона — какая наглость! Пеом отвернулся, чтобы не улыбнуться. Затушил огонек спиртовки, растерянно оглядел свою лабораторию. Сейчас

он не мог даже сообразить, какие вещи ему собирать. — Я всего лишь теоретик, господин. Мне никогда не почувствовать то, что чувствует Странник. Как ни бьюсь, я знаю лишь основное.

— Мы все знаем лишь основное. Ты посчитал, сколько точек в этом мире?

— Тридцать девять, господин. Критическое количество. Мир теперь разваливается в труху. Из Хаоса вышел, в Хаос и уйдет, — Пеом устало опустился на табурет. На самом деле, он не хотел ничего с собой забирать, он хотел раствориться вместе со своей лабораторией. Но Дракон даже умереть не давал спокойно. — Но вы не опровергли моего предположения, что чрезмерное количество точек может так же уничтожить мир, как и их исчезновение?

— Не опроверг. Если мир — это энергия Хаоса, принявшая структуру, а точки Силы — фильтры для этой энергии, то ее избыток, так же как и недостаток, губительны, — Дракон на схемы уже не смотрел, его темные глаза изучали Пеома. — Что же заставило Кестра перебросить своего лучшего ученого на новую ветку? Кестр торговец и никогда не интересовался исследованиями.

Гернард Пеом плотнул горячего чая в надежде смочить пересохшее горло, встал из-за стола. Он вышел в коридорчик своего бункера, снял с полки старого ворона.

— Как нам известно, господин, — сказал он, вернувшись. — От количества точек Силы зависит сила мира, его обитателей и его структуры, — Пеом закрыл лэптоп, поставил сверху заводную птицу, аккуратно отогнул черное крыло. Он запустил пальцы в полое брюшко и достал небольшой серый камень. — Это местный металл. Он из последнего мира новой ветки Кестра.

Дракон протянул руку, и Пеом вложил камень в широкую ладонь. Сейчас он загадывал загадки Дракону, это было в своем роде забавно. Догадается ли глава Путей, что перед ним не просто один из образцов новой энергии?

— Должно быть, месторождения рядом с точками? Я еще не встречал такого, — сказал Дракон.

— Совершенно верно, господин. Вы же знаете Перимоту? — Дракон кивнул, Перимот Сардис, или как все его звали — Перимота, был одним из особо сильных Странников. — Он и я смогли заключить в этот металл свою энергию. Точнее, энергию и волю Перимоты.

— Энергию и волю для перехода в мир?

— Да, — Пеом все же улыбнулся. Он не представлял, как Дракон мог оставаться таким спокойным, держа в руках истинное чудо. — Перемоте пришлось долго восстанавливаться, но это пустое. Представьте себе, что с помощью этого металла можно в несколько раз увеличить число тех, кто будет ходить мирами! Кестр создаст целую армию, которая будет шагать из мира в мир! Когда вам придется в каждом мире задействовать местные ресурсы.

— Где же удачный образец? Этот кусок пуст, — Дракон убрал серый шарик металла в карман.

Пеом знал, что Дракон и сам разберется с технологией. Он и так сказал ему слишком много, а плата за предательство Кестра оказалась странной: глава Путей обещал спасти Пеома из умирающего мира. Сначала Дракон запер его в этом мире, а теперь спасает — излюбленная драконья политика!

— Остался у Кестра, господин. Мне пришлось срочно бежать. Все, что я успел взять для вас, я отдал, — Пеом сглотнул. Удачный образец висел у него на шее, он собирался еще побороться за себя. Но Дракон был нужен ему, так как энергии камня не хватало, чтобы выдаться из умирающего мира.

— Конечно же. И ты ничего не знаешь о координатах новой ветки? — Дракон поднялся, девушка тоже отставила пустую чашку на стол.

— Нет, Кестр умнеет быстро, — сказал Пеом. — Предыдущая стычка с вами его многому научила. Я знаю лишь, что исследованием нового Пути занимаются не на центральной базе. Образец металла — это все, что дошло до центра. Если карты и есть, то они засекречены даже от большинства людей Кестра.

— Именно поэтому завтра ты и вернешься к Кестру, — сказал Дракон. — Для этого все готово. Ты добудешь мне карты.

Глава 3

Порванные нити

*Айн. Мир пятого разряда.
Южный хутор.*

Я вышла из бункера и увидела, как изменился пейзаж. Мы приехали вечером, когда все пространство пустыни устилал мутный желтовато-белый туман. Видимость была никудышная, что я не знаю, как мы не врезались в бункер. Сейчас же туман схлынул.

Я видела строение — косую веранду, крытую железными листами, и облупившуюся дверь. Уже знала, что за ней небольшая, заваленная хламом комната, слева крутая лесенка, ведущая в подвал-лабораторию. Видела и то, на чем мы приехали. Я бы назвала это мотоциклом, не выгляди он так нелепо и неуклюже.

А вокруг была только пустыня без горизонта. Бурая больная земля сливалась с ночной чернотой, будто кто-то поспешно стирал за уходящими людьми пространство. Хотела бы я увидеть какие-нибудь иные цвета, кроме черного и ржавого. На веранде висела лампа, но ореол света был совсем мал. Из всех звуков — только дверь покачивалась на старых петлях. Ей давно стоило остановиться, ветра не было. Я придерживала ее носком ботинка, и движение прекратилось, все замерло. Абсолютная тишина.

Жуткий мир. Я убрала ногу, дверь больше не качалась, тогда я толкнула ее — скрип возобновился, так-то лучше. Вслед за скрипом снизу раздались шаги. Я услышала хриплое «К-кра» ворона, которого так испугалась при входе.

Вышли Локарис и ученый, который в одной руке тащил кожаный саквояж, а в другой ящик с каким-то приспособлением на крышке, похожим на рогатку. Лампа кинула желтые блики на темный очерк лица Дракона. Он спокойно сказал:

— Мы уезжаем.

Будто сама не догадалась бы. Я поспешно отошла от двери, давая его высокой фигуре дорогу. Дракон огляделся, взял кривую трубку, валявшуюся на коробках, и вышел под едкую морось.

Он начал что-то чертить на земле концом трубы. Ученый поставил саквояж и ящик на пол и принялся крутить ручку около рогатки.

Дракон тем временем отступил на шаг влево, продолжая выводить между бурыми комьями непонятные знаки. Причудливая вязь сменялась быстрыми росчерками. Порой конец трубы замирал над землей, но потом с новой решимостью впивался в почву.

Наконец, Локарис остановился. Несколько секунд постоял, не двигаясь, потом прямо по своим начертаниям пошел к мотоциклу.

— О, угадал, — прицокнул языком Пеом, таща ящик и саквояж следом. Устройство трещало, будто в нем сидело два десятка цикад, а от рогатины отскакивали голубые искры. — Я впервые вижу вашу систему расчета Пути, господин.

Надписи Дракона тем временем сами исчезали. Маленькие бороздки засыпались, откинутые в сторону камушки занимали прежние места.

— Мы уезжаем, — повторил Дракон, проигнорировав ученого.

— Извините, — я поспешила следом.

Мне пришлось сесть в середине, за Драконом. Пеом забрался позади, и его ящик больно

уперся ребром в спину.

Несуразный механизм под нами закашлялся, рыкнул, снова закашлялся, выплюнул в воздух облако черного дыма и нехотя тронулся в путь. Я сидела на металлическом бугре, который переходил в крыло над колесом. Называть это сидением я бы не стала, даже несмотря на то, что кто-то заботливо примотал сверху кусок шерстяного одеяла. Все скрипело и бряцало, да и ехало не слишком быстро.

Пеом время от времени что-то дергал сзади, и тогда мне в затылок ударял хор рассерженных цикад. Я радовалась, что убрала волосы под шапку, та еще вышла бы картина — намотаться на рогатину с искрами.

Неожиданно мотоцикл просто встал, даже не рыкнув напоследок. Меня бросило Дракону в спину, сзади придавил ящик.

— Ох, вот незадача! — сказал Пеом и начал что-то отчаянно крутить на своем приборе. Поднялся невообразимый треск.

Локарис попробовал завести мотор, но ничего не вышло. Тогда он слез, выдвинул подножку, и мотоцикл скособочился в сторону. Высадились и мы с ученым. Пеом поставил агрегат на землю и продолжал крутить ручку, совсем, как у шарманки, постоянно приговаривая:

— Как не везет, как не везет.

— Сейчас все починим, — сказала я, и так напряжённость была плотнее, чем туман по утрам. Хотелось прибавить что-то вроде «мы же с Драконом», хотя я ничего не знала способности Дракона чинить мотоциклы. Пеом покачал головой, искры от рогатины на шарманке стали ярче и теперь, отрываясь, улетали в небо. Веранда бункера уже скрылась в темноте, лишь блуждающим огоньком мерцала лампа.

До города еще оставалось больше половины пути.

— Что вы делаете? — спросила я, чтобы ученый перестал причитать.

— Отпугиваю Хаос, мисс, — ответил он, и стал еще быстрее крутить ручку. — Эти разряды насыщают нашу энергию и отпугивают его.

— А мне говорили, что звуки, наоборот, притягивают... конец света.

— Зависит от ритма и частоты.

— Вот как.

— На юге стоят столбы с такими устройствами, — начал объяснять Пеом, хотя меня интересовало только то, как скоро мы снова поедem. — А на севере бьют время от времени пушки.

Так мы разворачиваем наступление Хаоса, как поток воды.

— Теперь понятно, — я оглянулась на Дракона.

Локарис отогнул какую-то железяку и ковырялся в старом механизме того, чему стоило бы развалиться на части десять лет назад. Ничего не происходило. Пропали звуки, даже скрежет отвертки, которой Дракон что-то ковырял, и стрекот из шарманки Пеома. Мне словно заложило уши.

— Как жаль, что осталось мало времени, — сказала я, чтобы отпугнуть тишину и подкатывающую панику. — Наверное, можно было бы спасти этих людей, будь у нас больше этого металла, да?

— Времени нет, — Локарис выпрямился, откидывая на землю отвертку. Ответил он, конечно, не на мой вопрос.

— Может, я могла бы добежать до бункера? Может, у вас, Пеом, найдется... что-то...

какой-нибудь инструмент? — я пожала плечами. В мотоциклах я не разбиралась, могла что-то в телефоне настроить, в параметрах плазмы поковыряться, но на этом все и кончалось.

— Бункера уже нет, — Дракон покачал головой, натягивая перчатки на испачканные маслом руки. — Пропадает все, откуда уходят люди. Мы должны поспешить в город.

Я посмотрела назад. Бледной отметины от лампы уже не было. Может, потухла, а может, темнота съела. Морось тоже пропала. Я обернулась обратно и обнаружила, что Локарис успел отойти на добрую сотню шагов вперед, а Пеом с ящиком — на пятьдесят. Беззвучно, несоизмеримо со временем.

— Не бросайте меня! — я побежала следом.

Я отталкивалась ногами от земли, но та словно не отпускала, и шаг получался меньше, чем я делала. Чтобы нагнать Дракона, я потратила куда больше времени, чем он, чтобы отойти. Схватила за его руку, но пальцы прошли сквозь нее. Мираж рассыпался.

— Господин Дракон! — я огляделась, но нигде не видела темного силуэта в плаще. Не видела и сторбленного от тяжести ученого. Не видела брошенного мотоцикла, более того, потеряла направление! — Господин Дракон!

— Что ты застряла? — Дракон положил руку мне на плечо. Слава богам!

— Что происходит? — я схватила за него, пусть теперь хоть отбивается, не отпущу.

— Ломается структура мира. Нам придется бежать, — сказал он, забирая ящик у Пеома, неожиданно возникшего рядом. Дракон перехватил свободной рукой мою.

Не знаю, как он угадывал направление — впереди и позади было совсем темно. Путь на мотоцикле-развалюхе до бункера занял где-то час, и если раньше мне казалось, что я бежала бы быстрее, чем он ползет, то сейчас понимала, насколько ошиблась. Очень скоро силы стали покидать, а ноги путаться. Я держалась только благодаря тому, что Дракон тянул вперед. Пеом тяжело пыхтел рядом, то отставая, то нагоняя.

Тишина больше не волновала. Я хорошо слышала, как начинаю сама хрипло дышать, как громко бухает сердце.

— Не бросайте меня. Только не бросайте!

Я споткнулась, а Дракон не успел, да и не попытался подхватить. Моя перчатка осталась в его руке. Я перевернулась, темнота подползала к самым ногам.

Локарис отступил на шаг. Холодный ветер вырвался из настигающей нас дымчатой черной стены и сорвал с головы Дракона капюшон. Мужчина выставил руки вперед, и тьма коснулась его ладоней. Замерла, только ветер продолжал стегать порывами.

Пеом заскочил за спину Дракона, подтянул к себе ящик, который тот бросил, и начал крутить ручку. Но искр от рогатины почти не было.

— Беги в город, — если бы не дар, я бы и не услышала Локариса. — Возьми мой пистолет и стреляй, пока будешь бежать, мы должны развернуть поток.

— Мне бежать к тому ангару? К точке? — я поднялась сначала на колени, потом на ноги. Ветер норовил уложить меня обратно на землю, я дотянулась до Локариса. Пола плаща грубо шлепнула меня по руке, зато я сразу увидела кобуру.

Темнота медленно обтекала Локариса, и за его спиной растянулся коридор. Я отстегнула и вытащила пистолет, не думая о том, как буду стрелять. Сейчас казалось, что урока Майкла по стрельбе и не было.

— Наверняка точка перехода блокирована людьми, — сказал Локарис. — Будь рядом, но не подходи близко. Я найду.

Я побежала в сторону города. Ветер толкал в спину. Вскоре показали первые ржавые

лачуги. Не хотела стрелять и тем самым рисковать и подгонять по своему следу черную стену пустоты, но мне нужно было время — сама не знаю почему, но я хотела спасти детей мэра. Не то чтобы думала, что эти дети больше заслуживают спасения, чем все остальные дети в этом городе. Но и два выживших ребенка — уже хорошо.

Пистолет Локариса был не таким, как у Майкла. Я нашла только один предохранитель и решила — будь что будет. Ведь в противном случае, пистолет просто не выстрелит? Я подняла руку вверх, чтобы уж точно никого не задеть, но спусковой крючок не поддался. Пришлось обхватить оружие обеими руками и давить двумя пальцами.

Грохнул выстрел, и мне на голову посыпался мусор с бетонного навеса. Руки загудели, но, спасибо Великим провидцам, их не выбило из плеч. Я решила больше не стрелять, это оружие явно не по мне, и просто побежала к базе, но за полквартала до ангара с Точкой пришлось остановиться.

Всю улицу заполняли люди. Они кричали, вскидывали руки, у многих были ножи или ружья. В толпе встречались и женщины, и дети, и старики. Весь город собрался на осаду базы. Локарис это предвидел, он знал, что люди захотят спастись за счет Странников, поэтому велел мне держаться только рядом с базой, но не подходить близко.

Но как же жена мэра и ее дети? Она же обещала ждать в ангаре.

— Где бензин?

Около меня остановился человек с деятельной паникой в глазах. Он махал руками в разные стороны, посылая прохожих то в одну сторону, то в другую. Он походил на пожилого фермера или старосту деревни. Впечатление усиливало широкое мачете в его руке.

— Запалим правый выход! С него начнем! — кричал он. — Нил, закройте подвалы! Взорвем к Шинорду в зад уродов! Где динамит?

Я подбежала к мужчине и дернула его за рукав:

— Где мэр? — я, как и другие, была одета в кожаный, изъеденный кислотой плащ, на мне была такая же черная шапка, как и у многих других. И пистолет. Я надеялась, что мужчина не поймет, что я из тех, кого они собирались взрывать. — Мэр может быть в ангаре! Там может быть его семья. Они ничего не знают!

— Что тебе до мэра? К черту мэра! — ответил мужчина, потом крикнул другому с канистрой в руках:

— Пали правый выход!

— В ангаре дети, там его семья!

— Никто не покинет этот мир! — деятель с мачете повернулся ко мне, в его глазах горел еще не разожженный в дверях ангара огонь. — Мы предложили вам спасти нас. Вы отказались! Теперь знайте, это был и ваш шанс спастись, Странники!

Я наставила на мужчину пистолет, но меня не атаковал, просто отвернулся. По его плану, мы тут и так все мертвецы, думал, к чему лишние телодвижения, или я даже с пистолетом не могла никого напугать? Он снова закричал:

— Пали правый!

Мужчина уже не думал обо мне, тогда я побежала в обход, чтобы по соседним улицам пробраться к задней части ангара. Обходной маневр занял, как мне показалось, много времени, я здорово устала и два раза останавливалась, чтобы отдышаться.

К задней стене ангара почти прилегала стена другого здания, образуя узкий проход. Поскольку ни один взрослый человек не смог бы в него протиснуться, он весь был завален мусором и коробками. В полумраке виднелась железная лестница.

Пришлось сбросить плащ, спрятать пистолет, а рюкзак взять в руку. Где-то я слышала, что если в отверстие пролезает голова, то пролезет и сам человек. К черту! Я втиснулась между шершавыми стенами. Кривые куски арматуры и пустые коробки также не упрощали дело. Но, если не думать, что здание хотят вот-вот взорвать, все не так плохо.

Когда я добралась до крыши ангара, я вся взмокла. Пригибаясь, чтобы ненароком не получить пулю, подобралась к краю. Толпа внизу волновалась. Кто-то пытался защитить ангар и отталкивал людей с канистрами, кто-то кричал оскорбления в адрес Странников и их защитников. Послышались первые выстрелы.

С севера города уже не существовало. Не существовало даже черной стены. Просто ничто. Это завораживало, настолько, что я забыла все, выпрямилась на крыше и смотрела, как стирается лачуга за лачугой, как пропадает один широкий столб навеса за другим. Кажется, даже стихли крики толпы внизу.

Раздался первый взрыв, и меня отбросило на спину. Звуки снова вернулись: выстрелы, крики, треск огня, охватившего правый угол ангара. Больше смотреть на Хаос я не собиралась. Встала, и локти и спина отозвались болью, оглядела крышу. Здесь тоже хватало мусора, покореженной ржавой обшивки, гнутых антенн и оборванных проводов. С левого края виднелась маленькая будочка — выход на крышу.

На двери висел замок, тоже проржавевший. Можно попробовать сбить... Но я замерла перед дверью, как минутой раньше, наблюдая, как пустота пожирает город. Теперь это были сомнение и страх. Не знаю, почему я не испытывала их раньше. Чем вообще думала, забираясь на крышу, когда мне следовало молиться о том, чтобы не разминуться с Локарисом и Пеомом на улице? Я еще могу слезть отсюда, еще могу надеяться найти Дракона. Сколько я потратила времени? Времени на то, чтобы сейчас стоять у закрытой двери и дальше терять минуту за минутой? За дверью раздался глухой удар. Еще удар. Кто-то пытался выбраться на крышу. Поскольку дверь даже не шаталась, я приникла к ней и прислушалась.

— Замолчи же... замолчи... — слышался хриплый женский голос, потом снова глухое «бум». За ним тонкий детский плач.

— Я помогу вам! — крикнула я.

Подходящий обрезок трубы нашелся легко. Сначала я попыталась разломить дужку замка, ведь он старый, это казалось не таким сложным. С той стороны двери притихли, прислушались. Я снова вставила трубу в дужку и попробовала разворотить замок. В фильмах в таких случаях стреляют в замок. Пистолет у меня был, но я боялась. Вдруг пуля срикошетит в меня? Или пробьет дверь и попадет в них. Конечно, женщину с детьми можно попросить отойти в сторону... Нет, слишком рискованно.

Пламя от взорванного правого угла ангара добралось до крыши. Не знаю, почему так легко загоралось металлическое с виду здание, но огонь продвигался быстро и яростно, трещал, извергая яркие искры. Загорелись связки проводов под навесом, повалил едкий черный дым. Пять минут, не меньше, я потратила на то, чтобы расшатать дужку замка. Наконец, он свалился в кучу мусора. Теперь оставалось открыть дверь, которую не открывали уже много лет.

— Если мы найдем Дракона... — крикнула я, дергая ручку, и тут же расплачиваясь болью в плечах, — если мы его найдем, вы должны держаться в стороне! Еще рывок. Снова. Ладони саднило, я ободрала их, сначала забираясь на крышу, потом о трубу, теперь о старую ручку.

— Если он вас заметит сразу, — еще рывок и боль, которая заставила меня замолчать и вздохнуть поглубже. — Если заметит, то он не станет нас переводить. Наконец, нам удалось отодвинуть дверь настолько, чтобы в щель смогли пролезть не только дети, но и сама женщина. Она протиснулась и молча окинула меня взглядом, словно осуждала за беспорядки у базы, за задержку.

— Я здорово рискую, — сказала я, взгляд жены мэра меня задел. — И только дети. Дракон сказал, что он может взять не больше двух спутников.

— Он сможет, — ответила женщина. На ее лице не отражалось ни страха, ни отчаяния, лишь мрачное упрямство. — Я знаю, как спуститься. Идем.

Мы спустились с крыши и оказались среди людей, рассеянно ходивших вокруг ангара. Никто не обращал на нас внимания, они словно забыли об осаде ангара, о конце света, просто ходили потерянными тенями.

— Где Дракон? — спросила женщина.

— Если нам повезет, он все еще где-то в городе, — я вспомнила о пистолете. Выстрел поможет ему нас найти. — Только держитесь так, чтобы он не заметил вас сразу.

Выйдя на пустую улицу, где уже не было людей, но не удаляясь слишком от ангара, мы нашли мусорные баки, за которым могло спрятаться семейство мэра. Где сам мэр, я не стала спрашивать. Измотанные и испуганные мальчик с девочкой уже не плакали и покорно прижались к матери.

Я отошла на середину перекрестка двух узких улиц. Сжала пистолет обоими руками. Сама устала так, что не хотела стрелять, не хотела бегать, даже думать. Я просто хотела сесть на землю и полюбоваться подползающим Хаосом, стать одной из теней. Выстрел. Снова что-то упало сверху и легко ударило по макушке.

— Локарис! — крикнула я. А что еще оставалось делать? Я все же села на землю, положила на колени пистолет. Если я начну смотреть по сторонам, снова могу засмотреться. Надо просто ждать. Должно быть, если бы рядом стояла жена мэра, она смотрела бы на меня с осуждением. Что это я не бегаю в поисках Дракона? Что это я...

— Вставай, мы переходим.

Сзади стояли Локарис и совсем выбившийся из сил Пеом. Серые волосы ученого торчали в стороны, лоб покрывали капельки пота, сам он сипло и тяжело дышал. Я встала, растерянно улыбнулась:

— Вы только пришли?

Дракон не ответил, протянул руку: коснись ее — и мир погаснет. И только Локарис знает, где мы окажемся в следующее мгновение.

У меня заныл живот, я не знала как себя вести, чтобы не выдать жену мэра. Мысли в голове проносились быстро, целым роем, пока я тянула руку к мужчине. Я могла замешкаться, оступиться, что угодно, чтобы дать женщине время спастись с моей помощью. Но если я помедлю, Локарис может догадаться. Мне не была безразлична судьба детей, но я коснулась протянутой руки, не задерживаясь.

Мир стремительно сократился до размеров теплой ладони Дракона. Кроме этой ладони уже не существовало всего остального. Только чуть слышно — чьи-то быстрые шаги и тяжесть, повисшая на моем, будто совсем невесомом теле.

Они успели...

*Майкл. База? А-2,
Пути Кестра.*

Вторая центральная база Кестра номер А-2. Двенадцать зданий: администрация, командный пункт, казармы, узел связи, автопарк, ангар, склады, караульные вышки. Взлетная полоса и стоянка на семь самолетов. Внешние и внутренние ограждения на расстоянии пяти ста метров друг от друга. Минирование по периметру, новейшая охранная система и видеонаблюдение.

Скоро, от команды «Штурм» до команды «Закат», на месте базы останутся лишь руины. Перебивая вертолетный шум, до Майкла доносилось:

— Сотый, я десятый, на точку базирования вышли.

— Сотый, я двадцатый, на точку базирования вышли.

Помощник Дракона летел над сине-зелеными просторами. С высоты деревья казались мягким плотным массивом с редкими провалами болотистых земель.

Пилот чуть нервничал, и Майкл чувствовал это.

— Сотый, тропинка сделана. Туман опустился.

— Сотый, я ноль пятый. Колокольчик выключен.

Уши Майкла настолько привыкли к шуму вертолета, что он различал малейшие изменения в голосах своих бойцов.

Круговая охрана. Железобетонный забор высотой три метра с установленными камерами видеонаблюдения и лазерными датчиками. Помимо всего прочего, периметр охраняется постами наблюдения с вышек. Единственный въезд на территорию оснащен подъемными барьерами, мощными воротами с электромеханическими замками.

Майкл уже видел вдалеке очертания базы.

— Бах! Бах! — он сложил пальцы пистолетом и кивнул пару раз воображаемым дулом в сторону серой ленты забора и светлого пятна взлетной полосы. Его ждала большая охота.

— Сотый, я тридцатый. Аэродром, склады, здание охраны — три пятерки, — доложились саперы.

— Бах! — Майкл «выстрелил» в квадратики домов.

Он знал практически все о базе номер А-2, и это была хорошая база. Недаром Кестр стал одним из первых конкурентов Локариса. Он знал, что территорию объекта охраняет специальный отдельный батальон охраны (ни много, ни мало — около тысячи человек). На вооружении автоматическое оружие, пулеметы на вышках, гранатометы, а также противоракетный комплекс. Но самое сладкое его ждало в конце представления.

Вчера он озвучил задачу:

Склады и здания минировать. Живую силу противника, в том числе и гражданский персонал, — уничтожить. Все технические средства — уничтожить или вывести из строя, патронов и взрывчатки не жалеть — объект должен быть стерт с земли. Нужен только «Паук» и его «паутина».

— Всем, кто работает с сотней — три семерки, — донеслось по радиации.

Начало операции. Не совсем «мигрень», как приказал Дракон, скорее крепкое сотрясение мозга для Кестра, но Локарис знал, кому поручает операцию.

— Штурм! — скомандовал Майкл.

Аккуратные бруски зданий — склады, охранка, ангары — взбухли мгновенной янтарно-алой вспышкой. Еще один цветок взрыва разорвал покрытие взлетной полосы, занялись пламенем два ближайших самолета. В морозно-свежую высь потянулись черные столбы плотного дыма.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Майкл думал только о своей жертве — о «пауке». Сам человек его интересовал мало, но не терпелось выяснить секрет Локариса. Что такое нашел Кестр, раз Дракон подорвался на поиски?

Гарнитура без конца сыпала отчетами, Майкл и сам видел все представление сверху. Вот уже донесся запах гари, приближалась крыша научного центра базы. Двое бойцов, сидящих слева, подготовились к высадке.

Доложили, что тридцатая группа прорвалась на территорию со стороны въезда. Отчитались, что сороковая принялась за основную задачу по захвату главного этажа центра. Майкл приказал сохранить два кестровских вертолета, на которых уцелевшие группы улетят с базы, напоследок взорвав и научный центр.

Вертолет тряхнуло, полозья опустились на гладкую крышу центра. Саймон и Ник тут же выпрыгнули и побежали к двери, ведущий на чердак. Майкл приказал пилоту ждать.

Коридоры агонизировали воем сирен, писком приборов, исчерпывающих запас экстренной энергии. На этаже встречались только свои. Майкл шел широким шагом, но не слишком спешил — операция шла секунда в секунду согласно плану. Поворот за угол, дверь в серверную еще не снесена. Он тут же отдал команду остановиться.

Паук — его жертва — находился за простой деревянной дверью вместе с еще двумя системными администраторами. Прошла ровно минута после того, как компьютерные человечки ввели команду уничтожения всей информации. Через две минуты цель Майкла превратится в набор бесполезного железа.

Ногой он вышиб дверь. Выстрелил. Один из администраторов дернулся и упал на клавиатуру, пуля пробила голову и большой монитор. Обломки плоского экрана обагрились кровью, что-то моргнуло слабой искрой. Неважная техника, неважный человек. Второй компьютерщик оказался женщиной, она закричала, рванулась в сторону двери, но там ее уже ждали бойцы Майкла. Женщина осторожно осела на пол, подняв руки.

Майкл ударил ногой в кресло третьего администратора, и того резко развернуло. В лице молодого, не старше тридцати, мужчины застыло удивление. Майкл знал, что тот отсчитывает время про себя.

До уничтожения информации осталась минута.

— Введи, пожалуйста, пароль, — тихо и вежливо проговорил Майкл. — Отмени уничтожение.

«Паук» молча сглотнул. Он считал вовсе не секунды до уничтожения, а секунды до того, как выстрел разнесет и его голову, после того, как захватчик не получит желаемого.

— Это не будет так просто, я тебя не убью быстро, — покачал головой Майкл. — Выбирай, это будет непросто для тебя или для нее? Кого мне заставлять? — он указал на испуганную коллегу Паука.

Компьютерщик судорожно кивнул. Майкл развернул его кресло и склонился к уху:

— Вот так. Только не дури.

Десять секунд до уничтожения. Введен код непослушными пальцами. Отмена.

— Отлично, — Майкл похлопал парня по плечу. — Теперь поговорим...

Не поворачиваясь, помощник Дракона выстрелил, и женщина на полу даже не успела вскрикнуть.

— Ты же не хочешь, чтобы секретную информацию слышало слишком много лишних ушей? Ребята, тут я закончу сам.

Майкл остался один на один с Пауком и двумя его мертвыми коллегами.

— Я не стану этого делать, — неуверенно сказал администратор.

— Ну-у... — Майкл все еще опирался рукой на его плечо. — Я же сразу понял, в кого стрелять. Только вошел и понял: у этого в середине кишка тонка. Ни он, ни она, — Майкл указал дулом на каждого мертвеца, — они бы дотянули последние десять секунд. Но не ты, ты ввел код. Майкл прижал еще теплое дуло к затылку компьютерщика.

— Но герой, на самом деле, ты. То, что я приготовил тебе, не сравнится с пулей в затылок, — он убрал пистолет от шеи Паука, потрепал его по волосам. — У меня, знаешь ли, есть одно хобби. Я покажу? Или ты первый что-нибудь мне расскажешь?

— Что искать?

— Новая Ветка Кестра. Координаты, выгода, Странники, высланные на Путь.

— Не имею доступа.

— Ну... — Майкл устало вздохнул. — Знаешь, друг, я не люблю долго болтать. Но я расскажу тебе. Мне пять сотен лет, и моя первая профессия — хирург. Представляешь, какая у меня квалификация за пять веков? Я могу разделить тебя канцелярской скрепкой.

— Не имею доступа, — повторил Паук, что-то набив на клавиатуре. На экране замигала красная табличка с сообщением об ошибке доступа.

— Постарайся еще, — скучаяще попросил Майкл. Он подался вперед, задумавшись, простучал пальцами по столу. — Я не только штопал плохих парней, но и немало уложил их в могилу. И не было ни одного, кто не рассказал бы мне то, что я хочу. Майкл нашел на столе набор отверток и стал рассматривать, вытаскивая то одну, то другую. Бледный компьютерщик начал что-то печатать. По данным разведки Майкл знал, что этот парень работает на базе не больше двух лет. Совсем мало времени, чтобы закалиться.

Компьютер выдал вторую табличку об ошибке, третью. По шее Паука побежали капли пота.

— В умелых руках... Кстати, я еще и неплохой пианист, — сказал Майкл. — Даже самый простой предмет может получить самое неожиданное применение.

Он убрал пистолет и взял компьютерщика за короткие взмокшие вихры на макушке. Холодная отвертка коснулась ушной раковины Паука.

— Вот! Вот, открылось, — боясь пошевелиться, вскрикнул администратор. — Исследование нового Пути закрыто. Все Странники отозваны. Данные о координатах удалены из всех баз!

Майкл не ответил. Он смотрел в монитор и видел именно то, что озвучил компьютерщик. Майкл знал, что он не врет и не подсовывает левую информацию.

— Причина закрытия Пути?

— Непреодолимые условия мира. Это все, что есть!

Майкл вытащил отвертку из уха Паука. Непреодолимые условия мира. Все Странники отозваны. Не значит ли это, что Дракон, ведомый своей жадностью и любопытством, добровольно движется в западню? Если так — то пара очков в пользу Кестра.

— Вот еще, друг, пробей: не из ваших ли некая Айниппа Малакион? Паук застучал пс

клавиатуре:

— Вот. Анна Калашникова — присвоено имя: Айниппа Малакион. Способность ходить мирами — отсутствует. Полезность — не оценена. Ценность — не имеет. Статус агента — в работе.

* * *

*Айн. Промирок.
Безымянный лес.*

Я проснулась от холода. Было темно и свежо. Пахло хвоей.

Судя по гудящей голове и ломоте в теле, мы смогли перейти. Глаза все еще застила мутная пелена, звуки только подкрадывались. Не успев понять, где мы, я снова провалилась в забытье.

Потянулись такие же мутные, непонятные и сбивчивые видения. Россыпи искр били от загоревшихся проводов под бетонным навесом. На крышу ангара карабкались люди. Они кричали и стреляли в воздух. Потом в один миг их снесла волна черного ветра, и они так же рассыпались яркими вспышками.

Потом я держала Дракона за руку, и он так сильно сжимал ее, что хотелось кричать. За другую мою руку схватилась жена мэра, ее глаза пылали гневом, дети цеплялись за ее ноги, за пояс юбки. Она повисла на мне невообразимой тяжестью.

Следующий кадр я видела, словно выскочив из своего тела и наблюдая за всем сверху. Черная лавина Хаоса настигала нас и с севера, и с юга. Пеом одной рукой держал свой саквояж и касался Локариса, другой судорожно распахивал ворот рубашки. Волны Хаоса схлынули и закрутились воронкой вокруг последних в мире людей. Всех, кроме Дракона, объяло желтое свечение.

Я снова почувствовала холод.

Открыла глаза и поняла: то, что я сначала приняла за ослепление после перехода, оказалось просто темной лесной ночью. Опускалась влажная прохлада. В свежем воздухе витал запах влажной земли и дыма от костра. Я вздрогнула, окончательно проснувшись.

Но не спешила вставать, лежала на подкладке большого плаща Локариса. Сам Дракон сидел у костра, привалившись спиной к высокой сосне. Ореол света только чуть касался его, больше я никого не видела. Хотелось бы думать, что другие просто спят, но это было бы ложью. Короткие видения совсем не казались снами, они источали тревогу и неотвратимый страх перед чем-то необъяснимым и слишком большим для понимания — Хаосом.

Я поднялась и, шатаясь, подошла к Локарису. Мне казалось, что я совсем ничего не вешу, и если сильно оттолкнуть от земли, смогу взлететь выше вековых сосен. Теплые блики от огня скользили по отстраненному лицу Дракона, вспыхивали в чуть прикрытых глазах. Игра света придавала ему вид усталого демона. В уголке плотно сомкнутых губ поблескивала красная отметина крови.

— Вы ранены? — я хотела сразу спросить, что случилось с остальными, но в последнюю минуту струсила.

— Обратный отток от перехода разбередил старые раны, — Дракон стер кровь куском белой ткани, усеянной темными отметинами. — Ты все мне сбила, все пошло не так.

Я молчала и злилась на себя за трусость.

— Удивительно, что ты послушалась меня, — продолжал он, — после того, как сама видела, что происходит, когда Странник не может удержать обратный отток.

— Она сказала, что вы дюжинами перевозили рабов в их мир, что вы... Что сейчас вы просто не желаете брать лишний груз.

— Доставка людей — выгодный бизнес, но я им не занимаюсь, — Дракон не смотрел на меня. Стоило ли его спрашивать, выжили остальные или нет? — На моих ветках запрещена торговля душами, должна знать.

Я хотела, чтобы его голос, звучащий в моем сознании, прибрел хоть какие-то оттенки, хотя бы гнев. Но могут ли считаться настоящими эмоции в голосе, которого на самом деле не существует?

— Они остались там? Я не смогла их спасти?

— Да, эта женщина и ее дети. И треклятый Пеом, — ответил Дракон. — Пеом сам себя погубил. Но твой проступок просто непозволительный. Не только Хвост должен доверять

Страннику, но и Странник должен быть уверен в том, что второй выполнит все, что ему прикажут. Я с самого начала не хотел тебя брать.

— Я вас тоже не выбирала! — «злись, если облажался» — вот мой девиз. — Я не подписывалась на то, чтобы меня душили, чтобы стреляли в людей! — мой взгляд упал на коричневый саквояж Пеома, Дракон опирался на него локтем. — Я не чертов чемодан, которой можно выкинуть на любой остановке, если он надоел!

Я пнула саквояж, Локарис лениво убрал руку. Потом в глазах помутилось, ноги подогнулись, и не в силах устоять, я плюхнулась рядом.

— Ты еще не восстановилась после перехода, — сказал Дракон, как мне показалось, немного печально.

Злость схлынула, теперь было бесконечно жалко себя. Жалко погибших вместе с миром детей, и их неприятную мать тоже. Зря я дала им надежду. Я за свою-то жизнь не отвечаю, куда мне чужие спасать.

— Кто тебя душил? — Дракон толкнул меня в плечо и подал флягу.

— На меня напали, когда я ехала в электричке, — ответила я. Горлышко фляги оказалось солоноватым от крови. Но дорожный чай прояснил голову. Жаль, что он так же не мог прояснить все остальное. — Разве Майкл вам не сказал?

Я отдала флягу Дракону.

— Вот как. Моего предыдущего помощника убили. Как и еще одного «переводчика», — Локарис тоже пригубил чай, вытер губы мокрым от крови платком. — Значит, и тебя думали убить.

— ... да.

Теперь-то я понимала, после послания, которое получила в туалете CBS: нападение в электричке было спектаклем. Значит, мой кровитель, иметь которого я никогда не стремилась, методично уничтожал всех, кто имел способность слышать Локариса, чтобы приставить меня к нему! Если бы на меня не попытались напасть — это вызвало бы подозрения. А так Дракон наверняка теперь подумает, что за всем стоит Кестр, но сама я к нему не отношусь.

Только вот Майкл обо всем догадался. Но не сдал меня. Почему?

Какую игру он вел? И в какую влипла я? У Майкла явно имелись мотивы идти против Дракона. Возможно, он хотел отомстить за то, что тот сделал с его обликом? А может, как

все остальные, мечтал занять его место в CBS?

— Майкл сказал: ты работала на Базе. Что ты там искала? — Локарис откинул голову к сухому стволу сосны, прикрыл глаза.

— Разве не очевидно? — мне даже врать не требовалось. Сейчас я понимала, что там сверху все так продумали, что и такой совершенно неподходящий для интриг и слезки человек, как я, не мог ошибиться. Моей легендой была моя жизнь. — Майкл этого не рассказал?

— Значит, пыталась найти родителей?

— Да. А потом я узнала основное правило Путей: «Странников не ждут».

— Как-то так. Открой мою сумку, достань флакон с зеленой жидкостью и обработай свои царапины, — Дракон указал рукой на холщовую сумку.

Про царапины я совсем забыла. Но по сравнению со слабостью и ломотой по всему телу после перехода, они были пустяком. Не став спорить, достала флакон. Зеленая вязкая жидкость чуть пощипывала и холодила кожу.

Повисло молчание, возможно, Дракон задремал. Я не знала, насколько сильно он злится, но между нами состоялся первый настоящий диалог. Я почти перестала чувствовать себя раздражающим чемоданом, а его внутренний голос хотелось слушать и дальше, было в нем что-то необъяснимо притягательное.

— Майкл сказал, что мне стоит иногда спрашивать людей, кто вы, — сказала я, пряча обратно пузырек. — И что буду получать в основном два ответа...

— Оба вполне правдивы, — перебил Локарис, не открывая глаз. — Но иногда можно спрашивать у людей: «кто они сами?». Чтобы получать верные ответы.

— Простите, что подвела. Я постоянно думала, что вот-вот взлечу на воздух вместе с базой, но все равно продолжала лезть на чертову крышу. Эта женщина подошла ко мне, когда я была в туалете. Она была очень убедительна... Да и ваша репутация...

— Хэдра Теген — необычная женщина для этого мира. Она умеет убеждать, — Дракон открыл глаза и снова отпил из фляги. — Я внушил мэру и остальным, что стоит смириться с неизбежным. И только она не поддавалась чарам.

— Она хотела спасти детей. Я бы поступила точно так же. А что случилось с Пеомом?

— У него был удачный образец нового металла с энергией для перехода. Ее не хватило бы для перехода из того мира, и он надеялся, что когда прибавится и моя энергия — он сможет сбежать. Если бы не твое геройство, я бы его удержал.

— Он мог перейти и выжить? — я честно хотела бы этого. Слишком много смертей за последнюю неделю.

— Нет, — Дракон снова закрыл глаза. Наверняка, сейчас я докучала ему, но не могла остановиться:

— Значит, теперь вы не знаете, в какой мир идти, и некому добыть для вас карты?

— Я смог рассчитать, где находится база, от которой они должны выходить на новый Путь. Саквояж Пеома подтвердил мои догадки.

— Я могу его посмотреть?

— Только если дашь мне выспаться перед переходом.

Я дотянулась до саквояжа, что мог бы оказаться замечательным музейным экспонатом в нашем мире. Была в нем практичная красота и любовь к деталям, которую давно утратили мои современники. Но в его содержимом не нашлось ничего особенного и интересного. Две мужских белых блузы, обтянутый бархатом чехол для старинной, но до сих пор острой

бритвы, мужские черные ботинки, мягкий бумажный сверток, наверняка с одеждой, кошелек с деньгами, ноутбук с треснувшим корпусом. Где-то между блузами и ботинками я нашла бумаги. Язык, на котором они были написаны, я не знала, но, судя по печатям, это были документы. Может, они и дали Дракону зацепку?

Я стала убирать вещи обратно, и тут мне на колени выпала маленькая, с куриное яйцо вещичка. Это оказался овалный медальон. Еще одна старинная штучка. Я знала, что он должен открываться — все самое интересное в таких вещах внутри.

На одной створке слева было вставлено черно-белое фото молодой девушки в кружевах и шляпе с очень большими полями. Девушка смотрела томно и таинственно, мне даже стало неловко, что я открыла медальон. Справа портрета не было, но лежала свернутая в несколько раз записка. Скорее всего, она предназначалась некой Sisil. Больше ничего прочитать в записке я не смогла.

* * *

*Айн. Город Гиндельм.
Мир первого порядка.*

— Вот чудная шляпка, миссис Пеом. Позвольте, я помогу вам!

На мою голову опустилась широкополая шляпа, похожая на больше блюдо с экзотическими цветами. В такой я и в дверной проем-то не пройду, или меня сдует ветром вместе с ней.

— Знаете, сейчас магазины готовой одежды ничем не уступают ателье, — молоденькая помощница хозяйки взяла со столика длинную шляпную иголку и чуть сдвинула шляпу вперед.

— Ваш магазин — наше спасение, — кивнул ей Локарис.

Он сидел в кресле, уже в костюме, купленном в другом, мужском, магазине. Из-за его высокого роста это вылилось в целое испытание для портного. Одной рукой Дракон держал черную трость, другой изредка подносил к губам белоснежный платок.

— Ох, сэр, ваше спасение — чудо божие!

— Видели бы вы, во что нам пришлось одеваться после крушения, — Дракон спрятал платок, ленивым движением взял со стеклянного столика чашечку кофе. — Волны стащили с моей супруги даже сапожки. И, конечно же, все наши вещи утонули.

— Ох, — только и ответила девушка.

В залу вошла хозяйка магазина, вынужденная отвлечься на других посетителей.

— Вам очень идет, мисс, — сказала она, потом улыбнулась и исправилась, — миссис Пеом. Простите, вы так юны.

— Эта шляпка одна из лучших, посмотрите, — помощница хозяйки закончила крепить шляпку и выжидающе посмотрела на меня.

— Может, у вас есть что-то с меньшими полями? — я чувствовала себя неудобно. И на мне была целая куча одежды! Какие-то сорочки, корсаж, панталоны, само длинное платье и еще эта огромная шляпа.

— Это последнее веяние моды, но есть у нас кое-что и полегче, — сказала хозяйка. — Я сейчас принесу. Джули, помоги мне.

— Миссис Пеом! Это же нелепо, — шепнула я, когда мы с самозванным мистером Пеомом остались одни. — Ваша супруга — кто в это поверит?

— Это важный момент. Скоро сама увидишь, — Локарис отставил чашку и поднялся.

Он встал рядом. Теперь я видела в зеркале и его отражение. Он выглядел естественно, так, будто всю жизнь носил сюртук, жилетку и рубашку с накрахмаленным воротничком. Так, будто давно привык вертеть в пальцах набалдашник трости и пользоваться пенсне. Прирожденный Странник. А сейчас серьезный джентльмен с хорошим достатком и скучающе-высокомерным выражением лица.

Не сказать, что я смотрелась хуже в костюме этого мира. Платье цвета морской волны, нежное, отделанное воздушным кружевом. Темно-синие ленты контрастом и ярко-рыжая прическа. Но вместе мы все же выглядели нелепо. Если в какой-то вселенной два таких разных существа, как я и Дракон, могли оказаться парой — то я бы не хотела туда попадать.

— Ну а вы, мистер Пеом? Ученому было за шестьдесят, вы все же немного моложе, вас разоблачат.

— Доктор Пеом, — поправил Локарис. — Скорее, Пеом чуть моложе меня. Но что возраст для Странника? Мне шестьсот четыре года — я справлюсь с его ролью. Заканчивай со шляпами, и посмотрим, что за квартиру он нам оставил.

* * *

Город Гиндельм.

Центральный почтамт — секретная база? 17.

Терри Салтон сонно посмотрел на часы. Стрелка лениво ползла к двенадцати, до обеда оставалась вечность. Почтамт наполнял гул голосов и шелест. За спиной стучала печать в натренированной руке Берти. Пахло весной, бумагой и сургучом.

— Добрый день, — к окошечку Терри подошел джентльмен со старомодно собранными в хвост темными волосами с проседью. Терри уже хотел привычно отрезать «письма только с особой ценностью», но мужчина хрипло продолжил:

— Я хочу заявить о пропаже посылки. Тридцать семь бокалов гиндельского хрусталя.

— Кто адресат, сэр? — Терри тут же выпрямился и насторожился.

— Доктор Гернард Пеом с супругой.

— Минуту, сэр, я проверю.

Терри Салтон отдаленно помнил имя ученого, которого ожидали год назад (все же на секретной базе новые люди были редкостью), но все равно позвонил на базу и уточнил.

— Доктор Пеом, боюсь, ваша посылка сильно пострадала, — сказал он, вернувшись к окошку. — Прошу вас пройти со мной, я помогу составить претензию.

Особый служащий почтамта оставил ученого с супругой во внутреннем кабинете и поспешил к главному. Терри ввалился в кабинет и с порога выпалил:

— Сэр, ученый объявился!

— Ученый? — Мартин Смит, или на Путиях — Рыжий Ворон, нахмурил медные брови.

— Да, этот — Гернард Пеом — наша ценная посылочка от Кестра. Я бы сразу его привел, да он с девицей.

— Веди, — Ворон повелительно махнул загорелой ручицей. — С центральной

предупредили, что старый Пеом без «лаборанток» не приезжает.

Терри вернулся в кабинет почтамта. Доктор Пеом стоял у окна и покашливал в платок, его молоденькая жена сидела на стуле. Она скромно улыбнулась Терри. Очень хорошенькая девушка, интересно, тоже из Странников?

— Прощу за мной, доктор Пеом и миссис...

— Айлена Пеом, — ответила девушка.

— Миссис Айлена Пеом, — расплылся в улыбке Терри, но быстро посерьезнел. — Простите, сэр, но я должен спросить, имеете ли вы при себе оружие?

Ученый отдал служителю базы пистолет, Терри сразу понял, что пистолет лишь переделан, чтобы вписываться в мир, а на самом деле это куда более мощное оружие. Девушка же отдала простой револьвер. Значит, тоже с Путей.

При появлении доктора Пеома Рыжий Ворон потерял часть своей монументальности и уже не так страшил Терри. Впрочем, главный тут же отправил его за чаем, и Салтону пришлось уйти.

— Мы вас здорово заждались, доктор Пеом, — рыжий громила Мартин Смит всмотрелся в резкие черты ученого.

По личным данным, присланным на базу, вроде бы все сходилось, но детали, как всегда, различались. В такие миры, как этот, информация всегда приходила искаженной. Пеом оказался не так стар, как описывали. Седина хоть и тронула его виски, но все же старым его назвать было трудно. Скорее всего, помимо личного амулета и документов на выделенную базой квартиру, Ворона в подлинности Пеома больше всего убедила его юная супруга. Пометка о любви к молоденьким девушкам в личном деле ученого была подчеркнута — как примечание, что не стоит лишать уважаемого и ценного для Кестра человека радостей.

— Вы же знаете, что случилось... — доктор Пеом закашлялся, — на второй центральной...

— Ох, да! — Ворон треснул кулаком по столу, от чего чернильница испуганно звякнула. — Эта тварь, этот Дракон совсем зарвался! Одно пепелище от второй центральной. Но разве вы добирались к нам через вторую?

— Должен был... — очередной приступ кашля перебил ученого.

— Извините, сэр, — сказала девушка, касаясь плеча супруга, — наш путь оказался очень сложным и полным препятствий. В предыдущем мире доктору пришлось много работать, чтобы мы смогли нанять Проводника. Гернард повредил себе горло вредными испарениями. Сказать честно, сэр, врачи запретили ему даже говорить какое-то время.

— Да, я представляю, какие сейчас сложности с нашими Проводниками! — Смит покачал головой, он надеялся, что с ученым сможет обсудить последние новости с Путей, но тот еле говорил.

— Из-за налета на вторую, пришлось идти обходными Путями, — отдышавшись, сказал Пеом. Его жена, не спрашивая разрешения, налила воды из стоящего на столе графина и подала мужу. После паузы Пеом продолжил:

— Все основные силы Кестр перебросил в район второй, а так же... к первой. Думает, что Дракон... — голос ученого стал совсем тих. — Что Дракон нанесет следующий удар по первой.

— Да еще и это различие во времени. Перевернись все Множество, но мы тут словно в забытом мире! Извините, — Ворон отвлекся на звонок телефона, но брать трубку не стал. — Для нас вы задержались на целый год...

— Ох, но наш путь занял всего месяц, — сказала девушка.

— Разница во времени, мисс... миссис Пеом, — Ворон развел ручищами, чуть не задел передвинутый девушкой графин. — Дело в том, доктор Пеом, что пока вы до нас добирались, проект закрыли.

— Мне известно... что были трудности, — сказал ученый, но в его лице отразилось неподдельное удивление и растерянность. — Но закрыть проект?

— Видно, что трудности оказались непреодолимыми, — вздохнул Смит, — Понимаю, вы проделали такой путь, и все зря!

— Но я могу хотя бы привести в порядок свои разработки? — Пеом закашлялся, его уже почти не было слышно. — Простите.

— Думаю, вы можете поработать в приготовленной для вас лаборатории. Я прикажу отдать вам ключи и убраться там к утру. Пыль, знаете ли.

— И она... — ученый показал на девушку, но договорить пришлось ей:

— Я помогаю Гернardu сконструировать аппарат, с которым ему будет легче говорить. Он уверен, что частые ингаляции смогут возродить горло, а усилители звука — голос. Мы все придумали, но не можем собрать аппарат в условиях нашей квартиры.

— Конечно, — кивнул Ворон. — Понимаю — ученые штучки.

Он поднял трубку телефона, коротко отдал распоряжение насчет лаборатории.

— Терри передаст вам ключи, доктор Пеом. Работайте, приходите в себя.

— Благодарю.

Ученый протянул руку, порадовав Ворона первым за долгое время достаточно крепким рукопожатием.

* * *

Айн. Город Гиндельм.

Квартира доктора Пеома.

За окном разливалось весеннее утро. Еще несмелый солнечный свет проникал в комнату и ложился рассеянными пятнами на блестящий паркет. В стекло приветливо скреблась ветвь белой сирени.

Я открыла ставни. Улица была тиха, лишь отдаленно слышался стук копыт или звонок трамвая, редкий клекот птиц. Покой старого города. Совсем иная тишина, не сравнимая с безмолвием умирающего мира.

Пятое легкое и солнечное утро за последнее время. Уже после того, как ко мне пришли одни люди и сказали: «ты работаешь на нас». После них пришли другие и сказали то же самое. Люди, с которыми не торгуются, от предложений которых не отказываются — люди Путей. Мафия многомирового масштаба.

Но сейчас я наслаждалась покоем. На кухне звякала посудой Роберта — горничная, которая следила за квартирой Пеома. Хозяйина она никогда не видела. Для серьезных на Путях людей обычное дело иметь дома в разных мирах. Этой прекрасной, в десять комнат, квартирой Пеома обеспечила База, когда Кестр собрался перебросить ученого на изучение нового Пути. Все выходило складно: Пеома командировали в этот мир для изучения новой Ветки, но он задержался. Пути такое дело — это не в соседний город приехать, время не

просчитать. Пеом здорово опоздал, но, наконец, прибыл на Базу.

До того, как поймут, где ученый был на самом деле, и что с ним случилось, Дракон надеялся раздобыть карты и перейти на открытую ветку. Пока же он каждый день уходил на базу и искал. Я присоединялась к нему вечером и помогала с собранным нами аппаратом, который, конечно же, не имел никакого отношения ни к голосу, ни к ингаляциям.

Роберта позвала к чаю. Она оказалась приятной, чуть полноватой кудрявой шатенкой с удивительными глазами, с которыми умела делать все, что угодно. Они становились очень большими, стоило ей сказать или услышать какую-то интересную новость, или чуть закатывались и наполнялись мечтательностью, когда девушка говорила о чем-то приятном, или лучились светом и шурились, стоило ей выдать что-то смешное или дерзкое.

— Миссис Пеом, вы сегодня изволите ужинать, или снова задержитесь? — Роберта наполнила фарфоровую чашечку горячим чаем. Потянуло ароматом бергамота.

— Я еще не знаю, — ответила я. Дракон, как обычно, не делился планами заранее.

— Вполне возможно, что мы снова придем поздно. Ложитесь спать, не стоит нас ждать.

— Вы пойдете после обеда к доктору Пеому? — горничная оставила чайничек на столе, бросила смущенный взгляд в окно.

— Если вы хотите куда-то отлучиться, то можете идти, — улыбнулась я.

Роберта быстро смекнула, кто из ее мнимых хозяев слабое звено. Да и разве я нуждалась в том, чтобы мне подавали чай или ужин? Перспектива побыть одной только радовала меня.

— Спасибо! Я вернусь в десять, миссис Пеом, — карие глаза горничной уже искали свои мечты где-то у густых ресниц. — Я побегу собираться.

Роберта шмыгнула в свою комнату, и я осталась одна. Через три часа я должна была отправиться к Локарису на базу, но еще могла посидеть за чаем, просто наслаждаясь бездействием, потом стоило начать собираться — одну шляпку приладить целое испытание.

Дракону приходилось помогать мне одеваться по утрам. Неловко, но он явно лучше разбирался во всех этих крючках, шнуровках и пуговицах, молча, отстраненно, словно стягивал корсет на магазинном манекене.

Раздался робкий звонок в дверь.

— Миссис Пеом, кто-то пришел! — крикнула Роберта из своей комнаты. — Откройте, умоляю, я только одеваюсь!

Я отставила кружку, наступила себе на юбку, споткнулась, выходя из-за стола, и поспешила открыть дверь. На пороге стояла молодая женщина, теребя в обтянутых атласом руках изящный зонт. Спадающая со шляпки вуаль отбрасывала узорную тень на скуластое лицо и растерянные зеленые глаза.

— Я просто хотела посмотреть на вас, — сказала она с печальным вызовом.

Эта леди точно ошиблась, но почему-то я напряглась от ее фразы. Какой-то образ закрутился в мыслях, но так и не обозначился.

— Извините? — переспросила я.

— Ох, я не должна была приходить! — женщина отступила назад, она хотела сказать что-то еще, но тут вырвалась жизнерадостная Роберта.

— Миссис Пеом, обещаю, что не позже одиннадцати!

Горничная обогнула растерянную незнакомку, и, натягивая на ходу перчатки, выбежала на улицу.

— Вы наверняка ошиблись, — сказала я женщине.

— Ох, я не ошиблась, — ответила она, срывающимся голосом. — Знайте, миссис Пеом,

вы супруга лгуна и мерзавца!

— Что случилось, миссис Пеом? — со второго этажа спустился обеспокоенный консьерж. Пришлось уверить его, что все хорошо и затащить женщину в квартиру.

— Я зря пришла к вам!

— Пожалуйста, успокойтесь, миссис...

— Мисс Сисиль Мортон.

— Уже лучше. Проходите в комнату и расскажите, что случилось, — я указала в сторону каминной залы. Лучшим решением было бы дать ей уйти. С другой стороны, вдруг она придет снова и застанет совсем не того лгуна и мерзавца, на которого надеялась.

Сисиль Мортон опустилась в кресло, отказалась от чая, извинилась, что забыла оставить зонт в парадной.

— Вы знакомая доктора Пеома? — я села напротив. В большое окно каминной залы проникало достаточно разгоревшегося утреннего света, и я видела те самые таинственные и томные глаза со снимка в медальоне Пеома. Sisil...

Женщина молчала, теперь я понимала ее нерешительность. Мне и самой стало неловко, может, даже больше, чем обманутой невесте ученого. Тем более, что сам Пеом был мертв.

И ведь Пеом не обманывал ее! У Дракона даже остался медальон и записка для Сисисль.

— Откуда вы приехали, мисс Мортон? Ведь доктор Пеом впервые в городе Гиндельме, — спросила я. Более того, насколько мне известно, Пеом не только в городе, но и в этом мире еще не бывал.

— Мы должны были с ним встретиться здесь, — Сисиль замялась, стала подбирать слова осторожнее. — Я приехала раньше, а он задержался. Это место — город, похож на тот, в котором я жила раньше, а Гернард должен был отправиться сюда для работы... Но вот я узнаю, что он приехал с супругой! И это после года ожидания в этом чужом мире! Городе... Мисс Мортон прижала к губам платок. Она была удивительно красивой и так убивалась по седому лысеющему ученому, который ей в деда годился... А я совсем не знала, что ей говорить, я никогда не была хорошим собеседником.

— Я от всего отказалась ради него!

— Успокойтесь, давайте я принесу вам воды?

— Если вам не сложно...

Прежде чем зайти на кухню за водой, я заглянула в комнату, нашла в саквояже медальон с запиской. Я не могла его отдать Сисиль сейчас. Что случится, если она узнает правду?

— Вот, пожалуйста, — я передала женщине стакан с водой. Медальон остался в саквояже. — Знаете, мисс Мортон, я тоже впервые в этом месте и тоже из другого...

— Ох, он и вас выдернул из привычного мира! — сказала она гневно, но хотя бы уже с сухими глазами. — И вы так молоды, что за низость!

— Вы тоже... молоды... — я начинала мямлить, и это здорово злило меня. — Мисс Мортон, скоро вы узнаете всю правду. Не делайте сейчас поспешных выводов. Обещаю вам, что позже я постараюсь сделать так, чтобы вы все поймете.

— Так вы тоже, — Сисиль перешла на шепот, — тоже из другого мира?

Женщина приложила руку к шее, коснулась украшения. Сначала я не заметила в нем ничего особенного, но теперь видела, что никакой красоты не было в висящем на цепочке круглом куске серого камня. Точно такой же «камень» Пеом отдал Локарису.

— Да, — ответила я, с трудом отводя взгляд от знакомой вещички. — Я работаю над

проектом Пеома. Это очень серьезное дело. Для удобства, я должна быть миссис Пеом.

— О, скажите, что я смогу его увидеть!

— Нет... — я не смогла договорить то, что хотела. — Не сейчас... Может быть, потом...

Я опаздывала в Лабораторию к Дракону, и все еще не знала, стоит ли рассказывать ему о Сисиль. От быстрого шага под весенним, хоть и уходящим за горизонт, солнцем я запыхалась, но вскоре оказалась в прохладе большого холла почтамта.

— Бокалы гиндельского хрусталя, — выпалила я в окошечко.

— Что, мисс? То есть, миссис.

— Терри, ну вы же помните меня, к чему все снова? Доктор Пеом взбесится, если я опоздаю.

— Если бы вы так спешили ко мне... — ухмыльнулся особый служащий почтамта. Терри задвинул окошечко и повел меня на базу.

Длинный коридор, пахнувший лаком и старым зданием. Высокие окна, в которых мелькает краснота уходящего дня. Разморенные скучным днем охранники, дубовая дверь кабинета рыжего громилы Смита, который всем тут управляет. Снова коридор, небольшой кабинет и, наконец, лаборатория.

— Простите, я опоздала, — выпалила я с порога. — Знаете ли, не так просто придумать ужин с этой печкой.

— Почему его не приготовила Роберта? — Локарис отложил в сторону какие-то бумаги, обогнул стол, обитый сталью, и заглянул в корзину с ужином.

Ничего особенного я не принесла. По чести сказать, я приготовила только бутерброды, а мясной пирог был вчерашний и делом рук Роберты. Что поделать — я из мира, где готовка сводится к выбору забегаловки или набору номера службы доставки.

— Убежала на свидание, — я сняла перчатки и шляпку, начала разбирать корзину.

Должно быть, на улице уже стемнело, а на базе остались только мы и пара сторожей. После громады CBS и вездесущих камер, замков и охранников, это казалось странным, но и кому бы пришло в голову нападать на почтамт?

— Помоги-ка снять эту штуку, — Дракон поставил на стол закипевший чайник и повернулся ко мне спиной. — Просто расстегни ремешки под рубашкой. Не хочу раздеваться.

— Сколько вам еще осталось? — я отложила салфетки и запустила руки под жилетку и белую рубашку Дракона, пытаясь нащупать застёжки. — Просто сегодня ко мне неожиданно пришла невеста Пеома...

— Невеста?

— Да, та девушка, на фото в его медальоне, — я нашарила ремешок, но не застёжку. Дракон подсказал «выше», пришлось задрать его рубашку. Показалась часть темной татуировки: острый угол с какими-то знаками внутри. — Она как-то узнала, что Пеом въехал в квартиру, да еще и с женой.

— Что ты ей сказала?

— Выяснила, что она тоже из другого мира. Сказала, что я не настоящая жена Пеома и скоро все ей расскажу, — я отстегнула лямки аппарата, который помогал Локарису не говорить, а шифровать координаты нужных миров, и тут же отвернулась к корзине.

Локарис вытащил из-под рубашки аппарат — небольшую плоскую коробку с ремешками и трубками (трубки были для видимости, как и добрая часть внешних деталей) и отложил на стол.

— Заберешь его и спрячешь. Отвечаешь за него головой.

— О, как все серьезно! — моей улыбки Дракон не увидел.

Сказывалось затишье после последних нервных событий. Как я не заставляла себя держаться серьезно и готовой ко всему — весеннее солнце делало свое дело, и я искренне завидовала беззаботной и свободной Роберте.

— Все думаю о том, что новую ветку закрыли. Вас не беспокоит, что тот мир может оказаться той еще задницей?

Дракон укоризненно посмотрел на меня.

— Простите, доктор Пеом. Вы не думали о том, что впереди нас могут ждать... боль, ужас и страдания? Недаром же Кестр отказался от такой выгодной вещи, как эти амулеты для переходов. Непреодолимые условия, это вообще что значит?

— Я думаю, что это интересная задача для меня, — ответил Дракон. Он вылил кипяток в заварочный чайничек, оставил большой чайник обратно на горелку. Потом отошел к вытяжке над столом, включил ее и достал сигареты. — Дело не в амулетах, не в том, что мне нужно это преимущество, — Дракон закурил, шум допотопной вытяжки не мешал его слышать: сейчас он даже не утруждался шевелить губами. — Главное, отобрать его у Кестра. Выяснить, что он действительно не сможет им когда-либо воспользоваться.

— А мне кажется, что вы не договариваете, — я кинула взгляд на Дракона. Тот слегка ухмыльнулся.

Все думала, что смущает меня в Локарисе, когда он перестает играть роль, необходимую для определенного мира. Когда он один. И сейчас я поняла — отсутствие тех движений, что мы совершаем произвольно. Человек не может делать только то, что нужно: он вздыхает, шмыгает носом, чешется или просто в задумчивости что-то перебирает пальцами. Да мало ли. Даже когда Дракон курил и смотрел куда-то в сторону, создавалось впечатление его полной отстраненности, отличности от окружающей действительности. Он находился в той же комнате, что и я, но видел явно больше и будто был где-то еще.

Шестьсот четыре года — немыслимо для одной жизни...

— Почему вы все это делаете сами? Отчего не приказали разнести эту базу, как сделали со второй центральной Кестра? Вам бы вынесли на блюдечке эти карты! — то, что рассказывал Рыжий Ворон об уничтожении одной из основных баз конкурента Локариса, было ужасно. И очень по-драконовски — море огня, и нет города. — Сидели бы себе в своем небоскребе и раздавали бы на все стороны приказы, кому рубить головы!

Дракон не ответил. Докурил, отключил вытяжку, снова взял подогревшийся чайник и разбавил разлитую по стеклянным стаканам заварку. Я разложила бутерброды, разрешила пирог. Я и без его ответа знала: «кого волнует твое мнение, детка?».

Весеннего настроения как не бывало. Скоро мы снова отправимся на Пути, скоро нас ждут «непреодолимые трудности», и все ради какой-то невнятной, полной самомнения и самодурства игры больших Странников.

— Что это вы достали?

— Это виски. Ворон принес, — Локарис взял с подноса пустой стакан, откупорил бутылку.

— Налейте и мне.

— Ты на работе, — Дракон плеснул в стакан напиток, оставил бутылку, взял бутерброд. — А я не пьянею, мне можно.

— Тогда смысл пить? Уж вряд ли ради вкуса... — я надулась. Не из-за выпивки,

конечно. — Это очень похоже на то, что вы делаете. Пытаетесь победить не ради выгоды, руководите CBS не ради того, чтобы она работала так, как должно. Просто сами ходите мирами и играете жизнями и задачами, как мальчишка в игре на приставке. Вам, должно быть, совсем границы снесло за шестьсот лет!

— Монстр? — Локарис опустошил стакан и отставил его на поднос. Вряд ли он даже слушал меня, не то что придавал моим словам значение.

— Дракон...

— Я просто сам пишу правила. Если найдется тот, кто заставит меня подчиняться его правилам — я буду рад. Борьба наполнит смыслом лишние пятьдесят, а может, и больше, лет.

Локарис долил виски в бокал и придвинул ко мне. Я не стала брать.

* * *

Город Гиндельм.

Центральный почтамт — секретная база? 17.

Весеннее воскресное утро сгоняло с сонных улиц туман. В здание почтамта быстрым, но легким шагом вошла отчаявшаяся в поисках молодая женщина. Она неуверенно оглянулась в тени пустой в выходной день залы.

«Зря я пришла!» — думала она, но уже не могла остановиться. Столько бесконечных дней ожидания! Столько дней неизвестности! Принцесса в прошлой жизни, она не ошиблась, что прихватила с собой фамильные сережки. Не простой горничной их носить, но что ж — такова цена правды, эта Роберта легко выболтала все.

Впрочем, всю правду еще предстоит узнать.

— Я хочу заявить о пропаже посылки, мистер, — решительно сказала она в окошечко. — Тридцать семь бокалов гиндельского хрусталя!

Перед Терри Салтоном на серебряной цепочке опустилось самое неопровержимое доказательство личности невесты Пеома. Странное для женщины, совсем неизящное украшение в виде серого камня.

Глава 4

Чужая кровь

Айн. Город Гиндельм.

Позавчерашний разговор с Драконом в лаборатории заставил прокрутиться без сна две ночи к ряду.

Я перешла черту. Пускай выведать о нем как можно больше информации и есть моя цель, но не так. Так не работало. Бесплезно обвинять или провоцировать, глупо ждать откровенностей и разговоров по душам. Расспрашивать тоже некого, Майкл отделился, а все остальные как один утверждают, что глава CBS монстр во плоти. И как мне быть?

В большом зеркале синим контуром отражалась спинка кровати, белел неровный край одеяла, моя всклокоченная макушка. Я сидела, прислонившись к прохладной стене, без сна и даже без самой завалящей идеи. За окном беззвучно дремал старый город, ни шороха не проникало в приоткрытое окно, ни звука не слышалось из каминной залы, где читал Дракон, щедро предоставив в мое распоряжение «супружеское ложе». Только запах сирени украдкой доносился извне.

Наверное, я могла бы даже остаться в этом мире. Пускай прогресс отстает, пускай приходится носить неудобные платья и топить камин, чтобы согреться, но все вокруг так спокойно, чинно, как на отретушированном старом фото, где черно-белым красавицам красили розовым щеки, а желтым какой-нибудь бант на пояске, а сами они, что фарфоровые куколки. Здесь абсурдно и представить, что кто-то будет вышибать кому-то мозги или душить девиц в поездах. Интересно... а Майкл бы смог вписаться в этот мир так же ловко, как и Локарис?

Я уснула, утонув в путаных мыслях, когда уже светлело, и проснулась через пару часов, когда за окном только-только начал голосить последними новостями мальчишка-газетчик, заскрипел механический козырек булочной в доме напротив и пошли первые трамваи. Усталости не чувствовала, не было и тяжести после полночных дум. Странно, никогда не замечала за собой способности просыпаться бодрой после такого короткого сна, но то ли адреналин все еще не отпускал, после нападения в электричке и умирающего мира, то ли что-то после переходов во Множестве поменялось.

Я умылась и оделась, просто и достаточно быстро. После того, как купила корсет со шнуровкой спереди и блузки, надобность в помощи Дракона отпала. В этом мире и ему моя помощь с голосом требовалась очень редко, вся работа сводилась к тому, что я носила в лабораторию корзину с ужином или обедом.

Часы в каминной зале показывали семь тридцать утра. Квартира безмолвствовала. На подлокотнике кресла лежала оставленная Драконом книга, на столике рядом пустая кружка с кофейной гущей на доньшке и горсткой пепла в середине.

Что ж, согласно времени, меня уже должен ждать завтрак, я даже припаздываю. Странно, как тиха сегодня Роберта, да и из кухни не тянет ни печеным, ни бергамотом, ни кофе. Стол оказался пуст, хотя обычно, если я даже приходила в столовую чуть раньше, видела по крайней мере свежие цветы, сахарницу и салфетки. Не став звать горничную, я села за стол. Весь дом словно остался законсервированным в ночной предвещающей недоброе тишине, вроде бы, даже проходя в ванную, я не слышала ни звука из кухни. Может,

девушка проспала?

Я уже было встала, чтобы отыскать Роберту, но вдруг за стеклом серванта увидела конверт, торчащий между дверцами. Письмо мне или Дракону, или почившему Пеому? Принесли уже после ухода Локариса, иначе бы он заметил.

На конверте значилось «от Роберты», что ж, можно смело вскрывать. Круглые женские буковки с завитушками, краткая записка:

«Уважаемые доктор и миссис Пеом!

Приношу вам свои извинения, но я вынуждена оставить службу в вашем доме по семейным обстоятельствам. Выходного пособия и оплаты за последний месяц не прошу».

Вот и все, а мне казалось, что мы сдружились, и она бы написала как-то побольше, даже прощания не чиркнула, да и слова словно не ее. А может, случилось что-то действительно плохое, и оттого краткость и спешка? А Локарис знает? Но если у Роберты серьезные проблемы, разве она отказалась бы от денег? В любом случае, зачем вообще писать о пособии?

Комната Роберты оказалась маленькой, без окна, очень скромной и чистой, и отнюдь не выглядела покинутой в спешке. Идеально заправленная кровать, светло-синее шерстяное покрывало без единой складки, ни книги, ни листочка, забытых на столике, будто и не жил никто. Не нравилось мне неожиданное бегство нашей горничной и вицзит этой Сисиль двумя днями ранее тоже.

Я вернулась в спальню и выудила из-под кровати саквояж Пеома, надо бы его перепрятать на всякий случай. Думаю, узкая дверь между кухней и комнатой Роберты не что иное, как кладовая, туда и спрячу. Комнатка была полна запасов на год, а то и больше, пришлось несколько коробок отнести на кухню, чтобы освободить нишу для вещей ученого. Я встала на табуретку, подняла саквояж и задвинула его подальше на верхнюю полку.

Показалось, скрипнула дверь в одной из комнат, я подумала на сквозняк, но потом совершенно отчетливо различила шаги в коридоре. Вздвогнув, неловко повернулась, и одна из банок покатила с полки, только чудом ее поймала. Я боялась даже дышать.

Так, стоя на табуретке в тесной кладовой, с банкой джема в руках, меня и застали люди с секретной базы. Здесь были все: и Терри Салтон, и его здоровенный начальник Рыжий Ворон, и еще двое охранников, которых я видела раньше, но не потрудились запомнить имен.

— Добрый день, господа, — я поставила банку на место. — Наша горничная уехала к родным, и сегодня весь дом на мне. Сожалею, что не смогла встретить вас в прихожей.

— И тебе добрый день, — ответил Терри, и от его тона стало сразу не по себе. Не было больше не обращения на «вы», ни «миссис Пеом», ни добродушной улыбки. Насмешливое приветствие звучало вполне себе так, как звучало бы на Путях, ничего хорошего не предвещая.

— А где доктор Пеом? — я старалась не терять самообладания и держаться уверенно, но согласно миру, мне прощались и растерянность и даже страх: четверо мужчин в моем доме, а супруга нет.

— Именно это мы и пришли выяснить. Обыскать тут все, — скомандовал Рыжий Ворон.

— Ее на кухню, Терри.

— Но что происходит? — негодовала я, хотя уже и поняла, что нас с Локарисом просто-напросто раскрыли. — Почему на кухню?

Терри грубо стащил меня с табуретки и вытолкнул из кладовки.

— На кухне пол кафельный, — его пальцы сдавили мою руку мертвой хваткой. — Сейчас мы будем беседовать, миссис Пеом, и ты нам все расскажешь.

Тщедушный и простоватый на вид Салтон, специальный служащий почтамта, уже не казался рубахой-парнем. Не менее грубо он усадил меня табурет посреди кухни, а Ворон заслонил своей громадой дверной проем. Из коридора послышался грохот падающих на пол шкафчиков, вещей, книг, бьющейся посуды.

Дела обстояли чертовски плохо. От этих ребят просто веяло опасностью, и неожиданно изменившийся Терри пугал больше всего.

— Попробуем поговорить добровольно, девочка, — спокойно сказал Ворон. Так, Айн, сказала я сама себе, они люди Кестра, и ты человек Кестра. Если я признаюсь, что слежу за Драконом, и они поверят, в теории пачкать кафельный пол не придется. А мне этого очень не хотелось, да и жертвовать своей целостностью ради Дракона я не собиралась.

С другой стороны, кто сильнее, они или Дракон?

— Если расскажу все, я хочу рассчитывать на вашу защиту. Терри, только ухмыльнулся, что ж, не в моем положении что-то требовать, сама знаю.

— Ну, или защита понадобится вам, — добавила я, — Вы сейчас между двух огней, вовсе не я.

Один из охранников приволок саквояж Пеома, странно, что они сразу не обыскали кладовую, ведь застали меня именно там. Белоснежные рубашки, ботинки, страницы документов, все полетело на пол. Через несколько минут в руки Ворона лег кулон с фотографией Сисиль. Украшение коротко скрипнуло в грубых пальцах и раскрыло свой секрет. Мартин Смит кинул короткий взгляд на девушку, а потом пристально посмотрел на меня:

— Кто вы оба такие? Люди Дракона, не так ли?

— Нет, я человек Кестра, — я понимала что, никак не могу этого доказать, да и своего «покровителя» никогда в глаза не видела.

Кустистая бровь Ворона приподнялась:

— А этот «доктор»? От него ты хочешь защиту, когда все нам расскажешь?

Я не спешила отвечать. Что будет, если сдам Дракона сейчас? Им займутся они, а я окажусь не нужна и смогу забыть о чертовом задании? Неплохой расклад. Я бы предпочла именно так: Локарису я ничего не должна, а он тот еще работодатель. Да и рисковать жизнью ради задания Кестра — и тут увольте. Пусть Странники жрут друг друга без моего участия.

Но если Дракон снова улизнет? Что если эта горстка людей вообще не соперники великому и ужасному? Вот тогда никому не позавидуешь, особенно мне. Но и люди Кестра, так или иначе, выпытают из меня правду. А то, что этот Терри умеет выбивать из людей ответы, я не сомневалась. А добившись своего, они, скорее всего, меня убьют, так что лучше уж сотрудничать...

— Ты уснула? — Салтон толкнул меня в спину, и я чуть не упала в кучу пеомовских вещей. — Отвечай! Не тебе тут условия ставить.

— Вы не понимаете! — голос дрогнул. — Вы не понимаете, что один неверный шаг, и все будет потеряно. Да вот даже, если он сейчас позвонит, Смит, из лаборатории, а вы не ответите, он все поймет, и вы его упустите. И если меня покалечите, он тоже все поймет! А уж Кестр не будет рад, что вы его упустили!

— Кого? — вопрос Терри сопровождал крепкой оплеухой, и в голове зазвенело.

— Салтон, осажди, — строго сказал Ворон, и Терри отошел от меня на пару шагов. — С кем ты, девочка? Кто выдает себя за Пеома? Была не была...

— Дракон. Глава CBS собственной персоной, — я держалась за горящую щеку, а во рту солоновело. Еще немного, и я буду не против, если Дракон прикончит парочку из них. — Противник, который вам не по зубам.

— И что же ты делаешь при Драконе? — в тоне Смита ясно читалось неверие. Что ж, на его месте любой бы был ошарашен, узнай вдруг, что твою базу посетил сам Дракон. В голове тут же взрывается мысль, что поймай легенду Путей, и сам тут же станешь новой легендой на все Множество.

Я рассказала все. Рассказала про способность слышать внутренний голос, про нападение в электричке, про немоту Дракона и убийства других «переводчиков». Рассказала все, что знала о новой ветке Кестра, о том, как погиб Пеом, о сером камне, способном впитать энергию для перехода в другой мир. Все.

Ворон и Терри только слушали и задавали вопросы, никак не комментируя рассказ, не выражая не своего доверия, ни сомнений. Спросили, что Дракону известно о непреодолимых условиях мира с необычной рудой, но если Локарис и понял что-то, то мне не рассказывал. «Что ж, все это можно проверить», завершил трехчасовой допрос Ворон, и меня заперли в бывшей комнате Роберты.

— Ты прости за оплеуху, — Терри остался охранять меня. — Лучше показать сразу, в каком ключе пойдет разговор, если допрашиваемый будет упорствовать.

Я не собиралась отвечать, и так уже рассказала слишком много, и сейчас было просто приятно помолчать наконец, обдумать все еще раз. Остаться бы одной, но, видимо, это мне не удастся. Дьявол, в комнате не было даже окна, не к стене же отворачиваться. Я села на край кровати, все еще намереваясь игнорировать мужчину.

— Тебе все равно повезло бы, даже если бы не была такой разговорчивой, — Терри присел на прикроватную тумбочку и закинул ногу на ногу, такое вот удивительное перевоплощение, вплоть до жестов, мне казалось, что даже голос его изменился. — В принципе, я не могу сделать ничего страшнее того, что сделал бы маг, будь у нас такой на базе. Эти ребята умеют превращать мозг в отбивную, и пальцем тебя не тронув!

Невольно всплыло воспоминание о мужчине, пришедшем в детский дом. Его знающий, пробирающий до сокровенного взгляд. Кажется, я понимала, о каких людях говорит Салтон.

Дракон тоже мог одним взглядом превратить чей-то мозг в фарш. Только сейчас я задумалась: а что он делает? Неужели работает в лаборатории, ни о чем не подозревая? Половина секретной базы разрушает нашу квартиру, а он спокойно высчитывает координаты Путей? Сомневаюсь. С другой стороны, лаборатория располагалась в подвале, в самой глубине базы и потерять ощущение времени там было очень просто.

И все же, а что если Дракон что-то понял и давно уже сбежал из мира? А я осталась тут одна, и люди Кестра будут очень недовольны, упустив легенду Путей. Кто за все ответит? Думаю, очевидно.

— Во сколько ты должна нести ужин Дракону? — распахнул дверь Ворон, разбивая душное молчание в спертom воздухе комнатки, когда прошло, без понятия, сколько времени, но одна или две вечности, не меньше.

— Она приходит к шести или к семи, — ответил Салтон.

— Иди, собирай корзину, — Ворон махнул рукой.

На кухне прибавилось персонажей. Один мужчина, облокотившись на подоконник, попивал чай, другой высокий и седовласый складывал какие-то склянки и пузырьки в чемоданчик. Пахло печеным тестом, в раковине лежала грязная посуда, а на столе стояла корзина, бутылка вина и что-то хорошо завернутое в бумагу, по форме напоминающее пирог. Они что тут, готовили Дракону ужин?

— Собирай, — Терри подтолкнул меня к столу. — Времени не так много.

— Что это? Я, я не буду травить Дракона!

— Во-первых, ты сделаешь все, что будет нужно, — рука Ворона убеждающей тяжестью опустилась на мое плечо.

— Во-вторых, это не убьет Дракона, и, конечно, если твой «доктор» никакой ни глава CBS, ему вообще ничего не будет, — добавил седой, защелкивая чемоданчик.

— Как я сказал, все легко проверить. Яд ослабит его и не даст совершить переход. Слушай, девочка, — Смит сжал пальцы. — Ты принесешь ужин, как ни в чем не бывало, накормишь Дракона. Можешь спокойно есть пирог и пить вино, тебе яд вреда не принесет. Если будешь умницей, Дракон ничего не заподозрит.

Экипаж быстро домчал нас до здания почтамта. Погода портилась, завеса серой мороси скрывала оскверненную и выпотрошенную квартиру Пеома, и я знала, что уже никогда не вернусь в этот оплот спокойствия, пропитанный ароматом сирени и бергамота. Улицы же пахли мокрым камнем, экипаж старой кожей и конским потом, безысходным унынием.

Почтамт уже закрылся, и мы прошли со служебного входа, коридоры секретной базы поглощали звуки, слизывали шаги. Постепенно из моего конвоя испарились седой с чемоданом, двое охранников и Терри.

— Доктор Пеом, добрый вечер! — Рыжий Ворон пропустил меня вперед, следом прошел сам и тут же пожал Локарису руку. Тяжелая дверь лениво отсекала лабораторию от остального мира.

— А я вот случайно встретил вашу прелестную супругу. Думаю, не согреть ли хмурый вечер бокальчиком-другим в вашей компании.

— Приветствую, мистер Смит. Отличная идея, — Дракон изобразил улыбку, его «голос» все еще был хрипл и тих, но трубки фальшивого ингалятора и маска сейчас болталась на шее, не подключенные.

Я прошла к столу, чтобы выложить из корзины ужин, стараясь не смотреть на Дракона и на Ворона тоже. Думаю, прочесть мой взгляд и понять, что что-то не ладно, было проще простого. Смит еще раз пожаловался на погоду, после мужчины перешли к беседе о Путях. Я же разрезала мясной пирог, разложила по тарелкам. Вздрыгнула, когда Локарис поставил рядом три стакана, и его плечо коснулось моего.

— А как ты, Айлена? — спросил он.

— Все хорошо, — я выудила из корзины бутылку вина и передала Дракону. — Ах да, Роберта уволилась. Вы знали? Ты...

Оба, и Дракон, и Ворон посмотрели на меня, но в следующий миг все сделали вид, что оговорки не заметили.

— Нет, я не знал. Что же случилось? — Локарис открыл бутылку, разлил вино, а после взял кусок пирога. — Смит, угощайтесь. Хм, и это приготовила ты?

— Роберта, — я смотрела, как Дракон откусывает от пирога снова и снова. Сердце билось так, что казалось невозможным, что другие не слышат этого. — О, я не знаю, почему ушла Роберта, она написала про «семейные проблемы»...

— Миссис, прошу, — Мартин всунул в мою руку стакан с вином. Давясь, я сделала пару глотков. — Какие ваши планы теперь, доктор? Хотите остаться в нашем мире, или вернетесь к Кестру на первую центральную?

— Конечно же, я должен вернуться. Вы не могли бы найти для меня Проводника? — Локарис тоже взял стакан и отпил вина. — Думаю, никакой срочности, раз миссия закрылась сама собой. Мое горло намного лучше, аппарат еще послужит мне, а наработки по закрытой ветке я разобрал и составил отчет. Хотите, можете просмотреть, до того, как отвезу его на центральную,

— Дракон опустошил стакан и налил себе еще вина.

Мужчины разговаривали долго. Дракон прекрасно играл роль ученого: что ж, о Путиях Кестра он, похоже, знал не меньше самого Кестра. Ворон ушел чуть раньше, но и мы не остались недолго в лаборатории, так и не перекинувшись даже короткой фразой.

На улице уже совсем стемнело, мутная небесная синь стекала густыми чернилами к горизонту. Все еще моросило, в воздухе сгушалось ожидание проливного дождя. Локарис сбавил шаг только тогда, когда вышли в сквер и слились с потоком гуляющих, несмотря на непогоду, горожан. Мелкие капли искрились оранжевым ореолом вокруг фонарей, кроны черных в вечерних сумерках деревьев сплетались в одну густую ограду. Слышалось, как за ней проезжают по мокрой мостовой повозки и редкие авто.

— Прогуляемся немного, свернем к мосту, — впервые заговорил Локарис, кивнув в сторону набережной.

Прохожие провожали нас взглядом, дивясь тому, что идем без зонтов и шляп. Наши волосы потяжелели от капель, а плечи намокли. С Локариса слетел лоск высокомерного джентльмена, и он выделялся в толпе, словно волк в собачьей стае. Это скорее чувствовалось внутренне, чем бросалось в глаза. А я все старалась разглядеть, действует ли яд. Просто так ли распахнут плащ Дракона, случаен ли быстрый шаг и сама вечерняя прогулка? Я хотела, чтобы яд не подействовал, я и боялась, и было паршиво на душе что я участвовала во всем этом.

На мосту поток прохожих стал плотнее. Кто-то нарядный спешил в театр или на встречу, а тот, кто работал в выходной, торопился домой к ужину. Кто-то прогуливался по мосту, любуясь, как дробятся в темной воде огни города. Кто-то останавливался послушать скрипача. Лицо музыканта из полутьмы выхватывали два небольших факела, установленных на столик с футляром от скрипки, куда прохожие кидали монеты. Скрипач играл волшебным, и его окружила немалая толпа. Остановился и Локарис.

Печальная и пронзительная мелодия резонировала с душой старого города. С извилистыми улицами, небольшими домиками в темноте, мостовыми из выглаженных веками бульжников. Прохожие отеснили меня от Локариса, и в какой-то момент я потеряла его из виду, но потом увидела в образовавшейся вокруг музыканта толпе. Загипнотизированный мелодией Дракон был прекрасен. Он напоминал опасную змею, попавшую во власть дудочки в человеческих руках.

Очаровалась и я появившейся в его угрюмом лице мягкостью, но быстро отрезвела и подумала, не спутала ли это короткое умиротворение со слабостью и дезориентацией от действия яда?

— Вы любите музыку? — спросила я, когда мелодия стихла, и скрипач начал собирать вещи. Лишь ночной воздух и плеск воды в реке продолжали мотив его мелодий.

— Пожалуй, — согласился с задержкой Дракон, вытирая лоб рукой, нетерпеливо

расстегивая ворот рубашки.

Мы все удалялись и удалялись от центра, и вот уже скверы и элитные дома сменили кривые узкие улочки, изящные фасады сменились неровностью пристроек и нелепо натянутых бедных домов.

— Сними, сними с меня это, — Дракон остуился и тяжело привалился к стене, в один миг ноги перестали его держать. Он дышал тяжело, и прерывисто, смотря куда-то сквозь грязные стены.

Я запустила руки под взмокшую рубашку, чтобы расстегнуть ремешки аппарата, кожа мужчины полыхала жаром. В темноте переулка проплывали тени, слышались разные голоса. Окраины города взбухали в ночи своей скрытой днем сущностью: отворилась облупленная зеленая дверь, вышла проститутка, устало прислонилась к косяку и неспешно обвела взглядом улицу; двое пьяниц, заметив нас, решили идти другой дорогой; где-то в окнах над головами разразилась ругань.

— Ты должна сохранить его, — Дракон оторвал лишние трубки, и от аппарата остался лишь короб с ляжками. — Постарайся.

Вскоре мы остановили повозку и выехали из города. Локарис выглядел все хуже, казалось, не сможет и шага сделать, когда остановится повозка. Он прикрыл глаза, а его пальцы, побелев, сжимали дугу дверцы. Я сомневалась, что он сможет совершить переход из мира, на что он надеялся? Повсюду мерещились люди Рыжего Ворона, слежка, в каждом прохожем угадывалась походка пережившего Салтона.

Извозчик остановился на темной, безлюдной станции. В сгущающейся ночи тусклыми силуэтами на дождливом небе вырисовались одноэтажное здание и будка сторожа, чуть блестели железнодорожные пути, терявшиеся в тени густого леса.

— Здесь так пустынно... — если бы не тусклый свет в окошке покосившейся будки, я бы решила, что станция заброшена, помогла Дракону спуститься на землю. — Вы думаете перейти, но ваше состояние...

— Здесь нас ждет засада, осторожно. Дойдем до леса, и будем ловить поезд, нужно добраться до Точки.

Мы пошли в обход, чтобы в тени деревьев обогнуть станцию и выйти к путям. Приходилось иногда поддерживать Дракона и продираться сквозь лесной кустарник, и как апогей паршивости, небо разразилось холодным ливнем. Под ногами постоянно что-то скрипело, ломалось, ветки скребли по одежде, а тяжелое дыхание Локариса слышалось и через гневный шум дождя. Платье вымокло и потяжелело, нервы натянулись струнами, и теперь уже волны жара обдавали мое тело.

Раздался гудок прибывающего поезда. Я схватилась от неожиданности за рукав Локариса.

— Простите, — шепнула я.

— Постарайся попасть на поезд, во что бы то ни стало, — сказал он. — Если тебя поймут, будут выяснять, кто я, выяснят кто, замучают другими вопросами. На Путиях умеют заставлять говорить, — Дракон остановился, прислушиваясь. Стук колес паровоза замедлился, потом и вовсе прекратился, поезд встал. Ах, если бы он знал, что я уже давно все выложила! — У нас пара минут, пока не перевели стрелки.

Я кивнула. Сквозь заросли и стену дождя просачивался свет с платформы и прожектора паровоза. В его луче мелькали силуэты. Люди Кестра двигались ловко и быстро — засада, о которой говорил Локарис. Дракон достал пистолет и прицелился, три выстрела с нашей

стороны взорвали ночь. Три тени завалились в кусты. Я успела насчитать восемь силуэтов, и теперь остальные пятеро знали, где мы находимся.

— Вперед, но не выбегай на пути, пока не поравняешься с поездом! — скомандовал Локарис, и я подбежала.

Если бы не четкие приказы Дракона, не знаю, что бы я делала. Может, как раз и выбралась из зарослей на пути — там бежать проще, ровно как и быть подстреленной. Больше всего пугала не перспектива упасть, запутавшись в юбке или ветках, а ощущать затылком погоню. Было страшно даже обернуться, вся спина ныла в тревожном ожидании пули, а ночь разразилась скрипом ломаемых веток, хлопками выстрелов.

Луч прожектора пронзил лес и наши фигуры. Завыл гудок, и поезд тронулся. Локарис схватил меня за локоть, вырывая из кустов. Он достал из кармана цепочку с круглым камнем и надел мне на шею:

— Прыгай на поезд и не потеряй аппарат, — если бы не мой дар, я бы не услышала ничего, что он сказал, перестрелка совершенно оглушила.

Дракон подтолкнул меня, потом остановился, снова отстреливаясь. Я побежала за поездом, не зная, за что схватиться. Он ехал еще не с полной скоростью, но уже успел разогнаться. Железные бока громыхали совсем близко. Я прыгнула, пытаясь зацепиться за поручень.

Одной рукой держалась крепко, но в другой был аппарат, и подтянуться до ступени я не смогла и упала на мокрый щебень, перед этим встретившись бедром с железной подножкой. Удар заставил прокатиться вперед, аппарат вылетел из руки и брякнулся в траву. Я поднялась, хромя, сделала пару шагов и снова упала. Бесполезно, не смогу снова прыгнуть. Вся нога от бедра просто онемела.

— Быстрее! — Локарис оказался рядом, вздернул меня с земли, сунул в руки упавший аппарат.

С неизбежно увеличивающейся скоростью приближался последний вагон поезда. Секунда, и он поравнялся с нами.

— Готовься! — Локарис обхватил меня рукой и прыгнул на железный уступ последнего вагона.

Я перевалилась через перила. Поднялась, чтобы помочь забраться Дракону, но тот, отцепившись от поручня, снова стрелял в выбежавших на пути преследователей. Они палили в ответ, и пули впивались в обшивку вагона, чиркали искрами совсем рядом со мной. Мир сократился до громких хлопков, взрывающих воздух, до пульсирующей боли в бедре и ледяного железа под щекой.

Я почувствовала, что кто-то встал на уступ. Это был Локарис: добежав до вагона, он схватился свободной рукой за перила, но видно, собрав перед этим последние силы, сейчас не мог даже подтянуться. Я поднялась на колени и взяла его за рукав, почти затянула на поручни, но он был невообразимо тяжел, а мокрая ткань плаща только усложняла дело. Перетянуть его через перила, не стоило и надеяться, я потянула за ткань, обнимая его. Руки пугались в расстегнутой одежде, горячий лоб мужчины уперся мне в висок, из его ослабленной руки выпал пистолет и тут же сгинул в темноте рельс.

Если бы я смогла взять его под подмышки, все было бы иначе. Огненный щепой в плечо впиалась резкая боль, и я разжала пальцы и отшатнулась к стене вагона. Понадобилось несколько долгих секунд, чтобы понять, что меня ранили.

Я не думала, просто ухватила действующей рукой за перила, собираясь выпрыгнуть,

добежать до стремительно удаляющегося силуэта Дракона на путях, но намерение потонуло в ослепительной вспышке. Тугой поток воздуха подхватил меня, дернул и понес сквозь состав. Я оказалась прямо перед прожектором несущегося поезда. На мгновение замерла, а после пропала в ярком свете.

* * *

*Айн. Промирок.
Пути Дракона, база.*

Кровь капала на белоснежный кафель. Небольшой, похожий на черепаху аппарат иногда прокатывался в поле зрения, замывая темные капли. Я сидела на длинной скамье и пыталась прийти в себя. Хотя бы осознать свое тело, ведь боли еще не было. Словно все физическое еще не догнало переместившуюся между мирами меня.

Я подняла тяжелую голову, заставила себя осмотреться. В конце белого коридора было светло, за стеклянными дверьми мелькали фигуры людей. Если бы не надоедливый пылесос, недовольно обхаживающий подол грязной юбки, можно было подумать, что я в долбанном переходе к дверям рая.

Никто не спешил подойти. Никто не удивлялся моему неожиданному появлению.

Сидеть дальше было бесполезно. Я дождалась, когда людей станет меньше, поднялась и побрела на свет, ощущая, как возвращается боль, как ноет бедро, делая шаги неуверенными и заставляя хромать, как горит плечо и как неприятно прилипла к коже намокшая от крови ткань.

Стеклянные двери послушно распахнулись, объяла прохлада кондиционированного воздуха. Вышедших из коридора встречала длинная стойка с тремя служителями базы — мужчиной и двумя молодыми брюнетками-близняшками. По наставлению Локариса, на базе мне и следовало его ждать, если нас раскидает в мире по разным Точкам. Но стоило ли на это надеяться?

Сначала я помогла отравить его, а потом разжала руки, и он упал. Что теперь с ним? Как я перешла в этот мир? Даже не так. Я ведь перешла, и тут было только три варианта. Либо Локарису удалось передать свою волю для перехода в амулет, либо нас просто раскидало, как он и говорил. Либо его схватили. Либо он попытался перейти, но, слабый, не выдержал обратного оттока и умер, как погибли Пеом и жена мэра. Четвертый вариант...

Последнее предположение остановило меня на полпути к стойке. Спина неприятно взмокла под плотной тканью платья. Мужчина в форме махнул рукой, только на мгновение опередив своих сотрудниц:

— Я приму девушку, на сегодня переходов уже не будет, — сказал он близняшкам.

— Окей, Август, до завтра, — девушки поцеловали клавиатурами, и, подхватив висящие на спинках кресел темно-синие пиджачки, оставили нас с Августом одних в опустевшей зале.

— Значит, сегодня уже никто не сможет перейти? Где еще есть Точки перехода? А когда смогут переходить на эту? — я старалась держаться уверенно, но получалось плохо.

— Доступ в мир открыт периодами. Спрячьте ваш амулет, и я провожу вас в медотсек, — Август указал себе на грудь, я не сразу поняла о каком амулете идет речь.

Круглый камушек, который Локарис повесил мне на шею, выпал из памяти.

— А когда будет следующий раз? — затолкав за воротник амулет, я обошла стойку, чтобы проследовать за Августом, но тот посчитал, что этого недостаточно:

— Чтобы обработать рану на руке, вам придется расстегивать платье. Спрячьте получше, это очень дорогая вещь, она просто кричит, что вы потеряли кого-то могущественного. Вон хотя бы в вашу коробку.

— Не буду я прятать в коробку, — разозлилась я. Показывать содержимое коробки, в которой был аппарат с зашифрованными данными по новой ветке, перед Августом, я не хотела. Из-за этой вещи нас уже чуть не убили, по крайней мере, меня чуть не убили, а вот Дракона пока не известно.

— Ну, дело ваше, — мужчина пожал плечами. В медотсеке со мной провозились недолго. Обработали рассеченную пулей кожу, наложили швы и большой пластырь, с которым разрешили принимать душ, не боясь намочить рану. Выдали мазь для бедра, украсившегося темно-бордовым синяком — все это заняло не больше получаса. Август терпеливо ждал у кабинета.

— Так когда будут следующие переходы? — напомнила я. Плечо уже не болело, мне дали обезболивающее, но я все еще продолжала хромать.

— Два через два открыт переход, завтра будет второй день. Кого вы потеряли? Понимаю, что Проводника, но кто он? Выбор ведь невелик. Дракон?

— С чего вы решили?

Находиться в постоянном напряжении и подозревать любого встречного — кажется, это станет моей профессиональной травмой. Но Август почему-то вызывал доверие. Может, дело в его абсолютном спокойствии и несуетливости, а может, в совете спрятать амулет. Или в располагающей внешности: не высокий, но крепкий, со светлой короткой стрижкой и голубыми глазами. Его хотелось назвать «хорошим солдатом». А может быть, мне требовался хоть кто-то, кто не станет мне угрожать и заставлять делать подлости.

— Я не встречал ничего похожего на этот амулет, но чувствую то, что в нем было, — сказал он. — Запечатать энергию для перехода в амулет — звучит как байка, но я могу представить, что кто-то мог бы это сделать. Лично я знаком только с одним странником, способным изготовить такое в одиночку, а их вряд ли наберется более трех.

— Возможно, его ранили в предыдущем мире, за какое-то мгновение до перехода. Нас могло раскидать в разные места? — не знаю, стоило ли все рассказывать о случившемся...

— Вряд ли. Однозначно, вы перешли с помощью амулета. Наше оборудование не засекало других попыток вторгнуться в мир, — теперь в светлых глазах Августа появилась тревога.

— Во сколько снова откроется выход в мир?

— О, для Дракона он открыт всегда.

— Так эта Ветка принадлежит ему? — Август кивнул. Появилась надежда, что теперь, в самом ужасном исходе этой ситуации — в том, что раненного Локариса схватили, есть шанс на его спасение. — Тогда нужно собрать людей и перейти, как только будет открыт выход!

— Нет, к сожалению. Все, что вы можете — это три дня прождать своего Проводника на базе.

— Но это же Дракон, он не просто Странник! — меня несло: надежда вспыхивала и надежда умирала, встречаясь со светлыми глазами Августа. Самое забавное то, что, если Локарис погиб — то мне автоматически засчитается задание покровителя. Возможно, меня

даже будут ждать золотые горы.

— Не просто. Он тот Странник, который и дал распоряжение, как действовать в такой ситуации, — мужчина пожал плечами: мол, он тоже переживает за Локариса, но приказ есть приказ.

— И распоряжение было — сидеть и ждать?

— Странников не ждут. Разве вы не знаете?

— Так эта Ветка принадлежит ему? — Август кивнул. Появилась надежда, что теперь, в самом ужасном исходе этой ситуации — в том, что раненного Локариса схватили, есть шанс на его спасение. — Тогда нужно собрать людей и перейти, как только будет открыт выход!

— Нет, к сожалению. Все, что вы можете — это три дня прождать своего Проводника на базе.

— Но это же Дракон, он не просто Странник! — меня несло: надежда вспыхивала и надежда умирала, встречаясь со светлыми глазами Августа. Самое забавное то, что, если Локарис погиб — то мне автоматически засчитается задание покровителя. Возможно, меня даже будут ждать золотые горы.

— Не просто. Он тот Странник, который и дал распоряжение, как действовать в такой ситуации, — мужчина пожал плечами: мол, он тоже переживает за Локариса, но приказ есть приказ.

— И распоряжение было — сидеть и ждать?

— Странников не ждут. Разве вы не знаете?

Знаю, как же. Я убила еще минут пятнадцать на требования отвести меня к главному на Пути, показать это чертово распоряжение, но позиция Августа осталось прежней:

— Леди, честно, за Дракона я бы пошел в бой, пусть один, пусть вопреки правилам, но, во-первых, это бесполезно, во-вторых, до одиннадцати часов выход из мира все равно закрыт.

— Тогда, я могу остаться тут — в холле?

— Это тоже против правил, но оставайтесь. Вот ключ от номера, если решите отдохнуть и переодеться, — Август смерил меня взглядом. — Попрошу что-нибудь принести вам из одежды, и будем надеяться, что Дракон потом оплатит это.

Будем надеяться. Я села на лавку в холле, свет Август выключать не стал, а вот коридор, из которого я вышла, был темен. До одиннадцати утра оставалось десять с половиной часов...

Можно пойти в номер, принять горячий душ, мне принесут одежду. Потом найти способ связаться с покровителем. А что еще делать? Вроде бы, ничего себе план — можно жить дальше.

Я сняла с плеча лямку ящика с аппаратом. Десять с половиной часов дум о том, что могут сделать люди, без зазрения совести палящие по пассажирскому поезду, или действию неизвестного мне яда, или о мучительной смерти в Хаосе. Воображение, словно назло, подкидывало самые красочные картины. Они сами собой вырисовывались на прозрачном стекле дверей, за которыми тянулся темный коридор. Не было ничего более зловещего во всех мирах, чем эта темнота! И не было ничего более щедрого на надежду, чем густой мрак в конце. Ведь будь там свет, все было бы видно так, как есть. Но я могла без конца представлять, как из этих теней, словно соткавшись, выходит Дракон.

Зачем? Почему? Не мое ли дело побыстрее отделаться от всего? Получить оплату и забыть о мирах, как о страшном сне? Закончится ли все со смертью главы CBS? Смогу ли

жить спокойно и не бояться того, что в дверь снова постучат те или другие люди с Путей и скажут: «есть работа для тебя»?

В медленном течении минут... часов... я различала каждый шум по отдельности. А звуков в тишине оказалось не так много: тихий шелест воздуха в вентиляции, какой-то тихий гул за стенкой — тихие, тихие, и ничего похожего на шаги или чье-то дыхание.

Усталость и слабость взяли свое.

— Айн? — он коснулся моей головы.

Я уснула сидя, и сейчас смотрела на колени, не решаясь поднять голову.

— Поднимайся, еще предстоит расшифровать координаты, — Локарис стоял рядом, уже не касаясь меня. Я чувствовала его присутствие кожей и, кажется, узнала бы, даже не слыша его истинного голоса.

* * *

Айн. Мир из новой ветки Кестра.

Клуб в столичном городе.

Назвать музыку приятной язык не поворачивался. Непонятные звуки наперебой колебали воздух, сливаясь в одно монотонное «бум-бум-бум», но танец, исполняемый посередине клуба, меня заморозил. Четыре человека, одетые в обтягивающие светящиеся костюмы, выделяли разнообразные трюки в аэродинамической трубе. Двигались они красиво и слаженно, похожие на юрких рыбок в аквариуме.

— Идем, наша очередь, — Локарис махнул рукой в направлении выхода и затерялся в шумной толпе танцующего люда.

Бледная зеленоватая табличка над дверью тускло мерцала в прокуренном пространстве, а вклинилась в извивающиеся тела танцующих, перемазанных светящейся краской людей.

— Все удалось? — как только я протолкнулась к мужчине, тут же ухватила его за руку.

— Последний этап.

Мы вырвались на улицу. Здесь было тише, но ненамного: из динамиков наперебой выкрикивали зазывные приглашения клубы, заманивая заглянуть именно в их дверь, звучал хрипловатый из-за помех мужской голос, поздравляя с местным праздником. Ходила гуляющая разношерстная и разновозрастная толпа, кто группами, кто поодиночке.

Нас ждал худой парень в драной, забрызганной мерцающей краской футболке и бесформенных штанах. Он неторопливо докурил сигарету, вдавил грязным кедом бычок в асфальт, и кивнул, приглашая следовать за ним.

По узким, освещенным мигающими лампочками коридорам, он провел нас до небольшой комнатки, разделенной несколькими перегородками. За одной такой перегородкой Дракона и меня сфотографировали, за другой заполнили поддельные паспорта и удостоверения на имя научного сотрудника Лорена Гейнса и его дочери Александры. Оставалось приклеить фото на все документы и подделать печати.

Этим занимался совсем молодой парень, бритый, так же как и наш проводник. Руки паренька ловко летали над страницами удостоверений, наборами печатей, над нашими с Локарисом угрюмыми лицами, которые почему-то никогда не получаются иными на фото для документов. Его красные, то ли от прокуренного воздуха, то ли от работы, глаза

смотрели на нас с опаской поверх дыхательной маски.

— Недавно работает, но клеит — не подкопаешься! — кивнул на напарника парень, который нас привел. — Как его взяли, ни одного прокола.

— Значит, частенько приходится работать с группой риска? — Локарис рассматривал одно из уже готовых удостоверений. Погладил большим пальцем уголок фото, проверяя, как оно приклеено, посмотрел под настольной лампой — в общем, делал вид человека, выдавшего немало настоящих документов этого мира.

— В последнее время меньше. «Чистую бумагу» все сложнее подделать. Опять вернули микросхемы, да и тех, кто готов работать с группой риска после третьей вспышки немного. Вот и этот, — парень кивнул на молодого подельщика, прикуривая вторую сигарету, — боится каждого чиха. Но мы делаем на совесть, брат. Дальше дело только вашей осторожности.

— Почему чистый лист датирован тремя неделями ранее?

— Приехавших в две предпраздничные недели проверяют придирчивее. Эйк поставит вам гостиничных штампов, отметок с клубов и пару штампов о проверке. Все будет — не подкопаешься.

Закончив с документами, мы снова вышли на шумящую расстроенными динамиками улицу. Где-то вдалеке, прерывая гул музыки и выкриков, гремел и вспыхивал салют, разлетаясь под темно-серым отсутствием неба. Еще один город под бетонным колпаком, еще одна мировая катастрофа.

— Ну, теперь рассказывайте, с какими непреодолимыми препятствиями мы встретились? — я взяла Локариса под руку, чтобы было проще до него во всей этой какофонии докричаться.

— Вирус, — ответил Локарис.

В предыдущем промирке мы всю ночь просидели за расшифровкой данных с аппарата, после того, как в медотсеке подлатали и Дракона. Я не особо понимала процесс расшифровки и под конец уснула, так что подробностей не знала. Но стоит отдать должное Дракону, на следующее утро, перед переходом последний мир новой ветки Кестра, он спросил, хочу ли я остаться в промирке и не продолжать с ним путешествие. Я чувствовала себя виновато после истории с ядом, и мы сошлись на том, что по возвращению в мой мир у меня будет квартира, ничем не уступающая хоромам Пеома. Локарис сказал, что год-два мне придется пожить в CBS, что-то вроде карантина, чтобы никто не попытался через меня подобраться к нему. Специфика работы. Все это, конечно, зависело от непреодолимых обстоятельств мира, в который мы перешли вчера ночью.

— Сейчас мы немного погуляем, нужно получить несколько отметок в лист, — сказал Дракон. — Сидеть в праздник Завтрашнего дня на квартире подозрительно.

— Праздник Завтрашнего дня?

— Местные празднуют перспективу изобретения лекарства, которое убьет вирус. Каждый год они приближаются к цели на два процента, каждые пятнадцать вирус дает новый виток, и они начинают заново.

— Странный праздник. Значит, Кестр отозвал всех Странников из-за вируса? Слишком сложно для того, чтобы сделать бизнес на амулетах?

— По данным, что я смог раздобыть, погибло девять Странников. Это непростительно много. Восемь из них даже не смогли покинуть мир.

Дракон стал рассказывать о вирусе, а я погрузилась в удивительное звучание его

истинного голоса.

Когда-то был другой город, и стоял он в другом месте. Город процветал благодаря добыче полезных пород, залегающих на большой глубине. Однажды земные чертоги, что дарили людям богатство и топливо, принесли смерть.

Жившие под землей бактерии, где представить живой организм, казалось бы, невозможно, прижились и на поверхности. Это не могло не нарушить жизнь людей. Вспышки эпидемии, словно в наказание за особо глубокую рану в земной коре, косили десятки городов, пока не загнали людей в выстроенные убежища у редких источников, где сквозь гейзеры в воздух поступал газ, смертельный для вируса. Но газа было мало.

Так серыми монолитными громадами выросло пять городов под колпаками. Другие же, обезлюдившие города, становились высушенными жарким солнцем или изъеденными плесенью и влажностью развалинами.

Чистый лист, означал то, что последние пятнадцать лет мы не выходили за пределы убежищ, не считая переезда в специально оборудованных подземных поездах. Это, конечно, не было правдой: переходя из предыдущего мира, мы оказались в точке за пределами города, но Локарис утверждал, что за несколько минут к нам ничего не привяжется — согласно отчетам, которые он украл.

Мы добрались до съемной квартиры под утро. Временное жилище встретило стерильной белизной и минимализмом. По сравнению с уличным неоном на черно-сером фоне, эта отчасти больничная обстановка показалась мне приятным контрастом.

Во время прогулки я здорово продрогла от влажного холодного воздуха и решила согреться каким-то цветастым коктейльчиком в клубе. Пережила короткое отравление, которое и привело к тому, что я, стораю от стыда, сидела на полу возле белоснежного унитаза, а Дракон намывался в душевой кабинке.

Шум воды за матовым пластиком прекратился, силуэт мужчины развернулся в мою сторону:

— Я приготовлю тебе чай, — сказал Локарис. Загородка отъехала в сторону, выпуская теплую влагу. Я отвела взгляд.

— Мне уже лучше, — буркнула я. — Я не совсем понимаю, что вы задумали. Если месторождения руды с нужным металлом — в зараженной местности, то что мы можем сделать, чтобы его добыть?

— У меня есть некоторые идеи, — Локарис, завернув бедра полотенцем, встал у раковины, неторопливо отделяя защитный пластырь с раненой ладони. Рана от пули в предыдущем мире еще была влажной, но Дракон, обмыв руку, только смазал ладонь мазью из своих запасов, и обмотал несколько раз бинтом.

— Ну да, я так и подумала, — после букета впечатлений от коктейля мне не хотелось лишней раз думать. Спрашивала я только для того, чтобы хоть как-то реабилитироваться в глазах Дракона. Мол, я в порядке и серьезна, а не готова уснуть от слабости в обнимку с толчком.

— Здесь есть приборы, которые решат проблему с моим голосом, так что ты сможешь отдохнуть пару недель, пока я не проведу несколько экспериментов, — Дракон собрал пятерней мокрые волосы к затылку, и вода с них заструилась по коже, вплетаясь в рисунок на спине. Теперь я видела всю татуировку. Неправильная семиконечная звезда с лучами разной длины, заполненная внутри знаками, похожими на руны. Из центра звезды отходило три тонких луча: один вдоль шеи в переплетение мокрых волос, два других — к плечам.

— Что у вас за татуировка?

— Знак не моего рода. Иди в кровать, я принесу чай.

Я, покачиваясь, поднялась на ноги:

— Мне действительно жаль, что все так произошло в мире Пеома, что не смогла предупредить.

— Не будем больше об этом. Ты сделала то, что должна была, — донеслось из кухни.

Локарис ушел через пару часов после того, как я уснула, согретая горячим дорожным чаем. Дракону чтобы восстановиться требовалось меньше времени, и его подхлестывал азарт. Ему была интересна природа вируса — новая сложная задача.

Я же, проспав от силы часа четыре, проснулась, снова чувствуя слабость и озноб. Откуда-то тянулся интересный запах, похожий на аромат тмина. Сначала он был приятен, но потом стал навязчивым. Я поискала в квартире его источник, но не нашла: консервы и прочие запечатанные продукты быстрого приготовления, иных похоже просто не существовало в этом мире, не могли пахнуть. Никаких освежителей замечено не было, и с улицы тоже не тянуло тмином. Оставалось грешить на систему вентиляции.

День проходил в вялом шатании по квартире. Телевидение оказалось скучным — я могла понимать чужой язык, только когда говорящий хотел что-то сказать мне, но относительно телевидения, радио и газет мой дар оказывался бесполезен. Голова сделалась тяжелой и оупелой, глаза слезились, стоило сфокусировать взгляд хоть на чем-то. Какая я все же неудачница — отравиться, а потом и простудиться в первый же день в новом мире. Это мне воздается за Дракона!

Кое-как я домучилась до вечера. До обещанного возвращения Локариса оставалось полчаса, и я приступила к изучению пестрых упаковок с продуктами. Впрочем, картинки не давали особого понимания, а инструкцию я прочитать не могла. Молоко в порошке, картошка в порошке, еще что-то неизвестное в гранулах — ужас.

С картошкой получилось легко, правда, масла не было, а вот молоко удалось только со второй попытки. На небольшой кухоньке имелась и специальная печка, но кнопок было на ней такое множество, что я решила обойтись плиткой, чтобы согреть разведенное для пюре молоко. В это мгновение и вернулся Локарис.

— Привет. У нас будет пюре из клея и молоко из побелки, — доложила я, пока мужчина разувался. Он в какой-то задумчивости снял левый ботинок, потом, так и оставшись в правом, в решительности прошагал на кухню и выплеснул ковшик молока на раскаленную комфорку.

— Быстро в ванную! — скомандовал он.

— Что такое?

Вонь от горевшего на раскрасневшемся блине плитки молока поднялась невероятная, на некоторое время перекрывая запах тмина. Дракон, не ответив, подхватил меня под локоть и затолкал в ванную.

— Включи воду посильнее! — уже через закрытую дверь добавил Локарис.

Я понимала, что странная выходка Дракона не связана с оглашенным меню, он способен есть практически что угодно и не выражать своего недовольствия — несколько очков в его пользу. Я прижалась ухом к двери, пытаюсь расслышать, что происходит в коридоре, хотя шум воды сильно мешал. Раздался звонок в дверь.

— Александра, ты скоро? — через несколько минут я услышала короткий деликатный

стук в дверь и вопрошающий голос Локариса.

Потеряв всякую надежду что-либо услышать за дверью, я села на край ванны, все еще ощущая отвратительный запах горелого химического молока и навязчивый — тмина.

— Пааап, отвали, а? — я не знала, что ему ответить, но раз уж он меня запихал в ванную, значит, для чего-то это необходимо.

Судя по звукам, входная дверь открылась и закрылась, гул голосов, снова хлопки дверью. Через минут пять Локарис, наконец, открыл меня. Гарью уже не пахло, только тмином, видно дело было все же в вентиляции.

— Что случилось? Кто приходил? — я поднялась с борта ванны, собираясь выйти, но Дракон загородил своей огромной фигурой дверной проем. На его лице мелькнуло выражение озадаченности, и он ответил:

— Это была проверка. Нам сделали качественные документы, они даже не стали настаивать на том, чтобы ты вышла, для подтверждения личности, хотя это нарушение. Впрочем, не важно... — Локарис прошел дальше в ванную, остановился передо мной, и его спокойные глаза заглянули в мои. — Ты заболела.

— Да, простудилась вчера немного. Или вы... — я осеклась, не договорив.

За вчерашнюю ночь, когда город не спал, праздная перспективу избавления от смерти, витающей в воздухе за пределами убежищ, Локарис в общих чертах рассказал о вирусе.

Сначала не все случаи заражения были смертельными, и некоторые люди, переболев, получали иммунитет. Но потом — это называлось «второй вспышкой» — теперь болезнь приводила только к летальному исходу. До третьей вспышки те, кто получил иммунитет, был в безопасности, но после третьей и эти люди имели все шансы заразиться снова.

Мне не были известны симптомы. Я знала только, что зараженные теряли обоняние, осязая лишь один специфический запах, они и сами им пахли, за счет чего их легко выделяли из толпы здоровых.

Я отвернулась от Дракона и схватила один из пузырьков, стоящих у зеркала, поспешно открутила крышечку, вылила немного геля на ладонь — он пах чертовым тмином! Бросив бутылочку в раковину, я обогнула Локариса и кинулась на кухню: пряный перец, джем, апельсиновый сок — все пахло тмином!

— У них же есть свой запах! — пачка сока полетела на пол, разбрызгав по белоснежным плиткам оранжевое содержимое.

— Успокойся, — Локарис ходивший за мной, пока я металась по кухне, протянул руку.

— Вы сказали, что я не заболею! — в мужчину полетел пакетик с прессованными макаронами и, миновав его плечо, приземлился где-то в коридоре.

— Так и было. То, что ты из другого мира и пробыла в зоне заражения всего несколько минут, должно было уберечь тебя. Если, конечно, мы не стали свидетелями четвертой вспышки, — Дракон поймал меня за руку, заставил посмотреть ему в глаза. Меня окутало успокоение, близкое к апатии. Я медленно опустилась на диванчик, но где-то внутри все еще хотела метаться по квартирке и крушить от досады все, что попадется под руку.

— Мы пробыли на открытом воздухе не более трех минут, это даже для местных не особо опасно, — оправдания Локариса тонули в глухих ударах сердца, постепенно возвращавшихся к нормальному ритму.

— Теперь я умру? — покой все больше захватывал меня, я сидела, смотря на свои еще дрожащие руки.

— Нет, я тебя вылечу, — Локарис сел рядом, притянул к себе мое одеревеневшее тело. Я

так и завалилась головой к нему на колени. — Моя кровь должна убить вирус. Правда, теперь придется быть осторожной, если узнают, что ты больна, тебя арестуют.

— Арестуют за то, что я больна?

— Ты переносчик вируса, с этим строго. Заболев, ты можешь согласиться на то, что с тобой будут работать в лаборатории в качестве научного материала, либо умертвят. До следующей проверки у нас есть два дня, будешь сидеть в квартире и никому не открывать. Потом я что-нибудь придумаю.

Повисло молчание. Дракон, должно быть, обдумывал план действий, а я лежала, смотря куда-то в темнеющую белизну коридора, несмотря на его чары, ощущая страх. Боялась не только болезни и возможной смерти, боялась остаться одна. Ведь Локарис уже думал отказаться от моего сопровождения, да и я никак не справлялась с ролью спутника, которому можно доверять. Если стану обузой, он бросит меня?

* * *

Майкл. CBS, личный кабинет.

Нетерпеливое затишье. Заместитель главы CBS откинулся в кресле. Он надеялся, что разгром второй центральной базы Кестра заставит конкурента Дракона действовать. Но Кестр, этот трусливый торговец, молчал.

Экран ноутбука мерцал заставкой — черно-серебряной эмблемой Базы. Пора бы уже ее сменить, раздраженно подумал Майкл. Он ненавидел скрытые войны, ненавидел молчаливые интриги и хитрую политику. Он дотянулся до клавиатуры, заставка моргнула и пропала, Майкл увидел оповещение в электронной почте.

Засекреченный адрес отправителя. Он открыл письмо, и сразу же стала загружаться полоса изображений. Прогрузилась целая вереница лиц, тел и частей тела. Кое-где встречались подписи к фото, описание стадий заболевания.

На первом фото была бледная девушка с покрасневшими глазами. Ее ресницы слиплись, а в уголках глаз желтой коркой засох гной. Светлые волосы прилипли к высокому мокрому лбу. Взгляд больной казался потерянным и равнодушным.

Далее следовало несколько снимков разных глаз с прогрессирующими симптомами. Сухая корка, вспухшие веки, бледные мутные зрачки.

Раздался звонок телефона. Номер не отразился. Майкл взял трубку:

— Какая пошлость, — сказал он, — слать мне фото. Смотри, Кестр, скоро докатишься до отрезанных пальцев в конверте.

— Ты не менее банален, — отозвался хриловатый голос, — добраться до мозга через ухо с помощью отвертки.

— Возможно, я старею, как и Дракон, — Майкл ухмыльнулся, продолжая прокручивать фото.

Несколько кадров со вскрытия, труп мужчины, те же раздутые веки, почерневшие узловатые вены. Короткие медицинские ремарки.

— Это даже не насилие. Болезни не в моем вкусе. К чему ты это прислал? — Впрочем, Майкл отлично все понимал по коротким подписям к фото, знаний ему хватало, чтобы представить последствия вируса и его симптомы. — Это, я так понимаю, ваши

«непреодолимые трудности»?

— Совершенно верно, — согласился Кестр. — Как жаль, что я не успел объявить на все Пути, что этот мир смертелен. Конечно же, я сегодня это сделаю, но боюсь, кто-то из Странников мог туда добраться.

— Ох, неплохая партия! — Майкл присвистнул. — Какая ловушка! Ты растешь в моих глазах, Кестр. Но что если Дракон догадается раньше и свернет с пути?

— Я думаю, что ты отлично знаешь своего хозяина и понимаешь, что он не сможет отступить от нового испытания.

— Сколько ты погубил Странников в этом мире, чтобы подготовить Дракону ловушку?

— Восемь, даже девять, Перемота в итоге погиб от оттока. И еще ученые, но не много, мы следили, чтобы не выпустить вирус на Пути.

— Дороговато...

— Бесценно. Убрать Дракона бесценно, — самодовольство Кестра лилось через трубку Майклу в ухо, он не стал включать громкую связь. — В любом случае, на его руках куда больше крови, чем на моих или твоих.

— А если наш монстр выкарабкается? Он же особенный. С него станется даже найти панацею от твоей заразы.

— Тогда я заплачу тебе за нее сполна, — Кестр засмеялся. — Я бы хотел такого человека, как ты.

— А если я планирую встать во главе CBS вместо Дракона?

— Тогда тебе придется сидеть в кабинете и ворочать бумаги. А ты человек боя, действия. Именно поэтому ты сейчас разговариваешь со мной, именно поэтому ты не предупредил Дракона об опасности, когда разрушил мою базу. Ты хочешь куражиться, а я дам тебе такую возможность. Я дам тебе еще больше, если ты откроешь мне координаты родного мира Дракона.

— Дракон, конечно, стал зануден с возрастом... — Майкл вернулся на самое первое фото с девушкой, в чьих глазах застыла печальная смиренность. У самого порога смерти, это будоражило куда больше, чем фото со вскрытий. — Но я же не предатель. Я его давний товарищ, знаю его несколько веков.

— Так ты имеешь планы не на CBS, а на мир Дракона? У него и там есть, чем поживиться? — Кестр сопел в трубку, это раздражало. Тупой толстяк, неожиданно разыгравший хорошую партию. Дуракам везет, ничего не скажешь. — Я посылал пару агентов за Драконом в мир, но никто не вернулся.

— Думаешь, сможет добраться девчонка?

— Сейчас это уже не важно. Знаешь, я пытался подкупить его полуслеплого помощника. Как его?

— Норман, — напомнил Майкл, хотя знал, что Кестр отлично помнил не только фамилию бывшего пилота, но и всю его историю.

— Дракон разрушил его карьеру и жизнь, но Норман отказался продать информацию. Теперь отказываешься и ты.

— Моего бездействия недостаточно?

— Вполне. Просто я удивляюсь, что кто-то предан ему.

— Он в каком-то смысле харизматичен, — Майкл дотянулся до стакана с недопитым виски, кивнул им в сторону большой девушки на мониторе. Подмигнул ей. — Но я хочу тебе сказать одно: Пути Дракона тебе не взять, пока на каждой базе не будет достоверных

сведений о его смерти. Несмотря на все, на Путиях достаточно людей, которые обязаны ему.

— Я умею ждать, у меня есть пара веков в запасе. Но уверен, что весьма скоро мы станем с тобой партнерами.

* * *

Айн. Мир из новой ветки Кестра.

Съемная квартира.

На следующее утро я проснулась одна. И это была последняя ночь нормального сна. Потом, если и удавалось заснуть, то не больше, чем на три мучительных, удушающих тмином часа. Наша маленькая белая квартирка окончательно приобрела схожесть с больничной палатой, только запаха лекарств не хватало. Хотя, может, и лекарствами пахло — я не чувствовала.

Локарис раздобыл несколько препаратов, снимающих жар, здесь помогло знакомство с теми ребятами, что подделывали документы. Еще один препарат я сама нашла в аптечке. Его иногда показывали по телевидению, да и на обложке была реклама и инструкция — я уже могла кое-что прочитать. Пестрая обложка призывала запереть вирус в себе, тем самым на шестьдесят процентов снизив возможность кого-то заразить, а потом сдать на волю ученых. Но Локарис сразу забрал у меня шприц, сказав, что это лишь ускорит смерть.

Перед проверкой, он, придя поздно вечером, быстро собрал наши рюкзаки, отдельно упаковал купленные заранее остатки одноразовых шприцов, с помощью которых он делился своей, как он сказал, «уникальной кровью». Сначала мне было от нее только хуже, но сейчас привыкла, правда, сама болезнь давала о себе знать все больше и больше.

Так мы покинули квартиру. До нового места пришлось идти далеко, мы не решились воспользоваться транспортом, в котором бывали случайные проверки. Только через три часа дошли до подземной стоянки под одним из больших заброшенных торговых центров.

— Пальцы немеют, — призналась я, оглядывая холодное помещение, — То немеют, то болят.

Локарис взял мои руки в свои, и режущая неприятная боль истончилась, сбегая с кончиков пальцев, уступая место теплу драконовых рук. Закусила губу, стараясь не дать воли слезам. Я расклеивалась и теряла надежду.

— Когда ты уйдешь, снова заболит.

Локарис кивнул. Он тоже окинул взглядом темную стоянку. Моего зрения не хватало, чтобы видеть что-то дальше нескольких метров, но он видел в темноте лучше. Дракон отпустил мои руки.

— Не уходи, не надо бросать меня, — я сказала тихо, иной бы, с менее чутким слухом, не услышал.

— Я вернусь завтра. Пройду проверку, скажу, что моя дочь осталась где-то у друзей, пусть сами ищут, — Локарис опустил рюкзак поменьше у стенки, подвинул ближе ободранное кресло. — Старайся держать вещи собранными, не раздевайся и не снимай обувь, на случай, если придется бежать.

Я закрыла ладонями лицо, нырнув в еще более густой запах тмина. Под пальцами были горячие веки и влажные дорожки на щеках, потому, что глаза постоянно слезились. Горячая

боль в голове словно выжимала вязкие слезы, как смолу из дерева. Я не могла даже представить, что останусь одна в этом сыром и темном подземелье.

— Я вернусь завтра, — повторил мужчина. — Жди.

Я кивнула. Что еще делать? Некоторое время со мной оставался звук его шагов, но через пару минут стих и он. Подземелье заброшенной стоянки погрузилось в тишину, а я — в тревожное ожидание.

* * *

Дракон. Мир из новой ветки Кестра.

Центральная лаборатория.

Не сказать, что обстоятельства, вынудившие съехать с квартиры, особо нарушили его планы. Так было на первый взгляд, но на самом деле все шло, как он и запланировал.

Он взял в четырех разных аптеках по пачке одноразовых шприцов, чтобы не возникло вопросов. Выслеживание всех, кто мог стать переносчиком вируса, доходило до паранойи — ограничься он одной аптекой, попал бы под подозрение.

После закупил еду. В этом мире любая еда могла десятилетиями не менять своего вкуса, так что проблем с провизией не было. Еще взял одеяло, с трудом нашел железную кастрюлю на полках, забитых пластиком. В завершении — последний визит в лабораторию. Два вчерашних эксперимента еще не дали результатов, и пришлось все смыть, уж за своей кровью Дракон следил. Он успел мало, но не огорчился. Знал, что сможет поработать над панацеей и в другом месте, а потом вернуться и все проверить. Но сначала стоило завершить самый главный эксперимент.

К шестой сотне лет осталось не так много того, что задевало за живое. Того, что «давило на нерв». Чем больше веков оставалось у Локариса за плечами, тем яростнее он проверял себя и множество миров на прочность. Иногда в проверках не было видимого смысла, но неизменно с каждым разом они становились опаснее.

Игрушки Дракона, как и у любого представителя его рода, имели масштаб городов, народов, а порой и целых миров. Но хуже оказывалось тем, кто находился в непосредственной близости. Реальность представала в глазах Локариса шахматной доской, и напротив часто не находилось достойного противника. Поэтому он играл против себя же, переставляя пешки, снося ферзей, придумывая новые партии.

В этот раз битва разыгрывалась между вирусом и уникальной, совершенно чужой этому миру кровью Дракона. Кровью, тайну которой он берег от всего Множества.

Он мог рискнуть и заразиться сам. Только удалось бы? Такая вероятность близилась к нулю. А даже если бы вирус взялся за него, партия оказалась бы слишком короткой, и он не смог бы проверить — есть ли возможность изобрести лекарство для его Странников, которые займутся добычей руды.

А вот Айн — идеально. Он в любой момент, как ящерица, может откинуть этот хвост, если станет слишком жарко. Да и заразилась она быстро, хватило пары минут.

* * *

Айн. Мир из новой ветки Кестра.

Город под колпаком.

На подземной стоянке сырость и холод пробрали меня до самых костей. Или меня знобило. Я сидела, вжавшись в кресло, и боялась даже встать и размять ноги. Во мне кипела обида, концентрированная и отчаянная. Как я могла заболеть? Почему так не повезло?

Темные своды проснулись приглушенными звуками. Тихое постукивание раздалось со стороны входа. Я быстро натянула лямки рюкзака, соскользнула с кресла и спряталась за его спинкой. От резких движений перед глазами замигали красные пятна. Хорошо бы это был Локарис, вряд ли в таком состоянии я смогу бежать.

Луч фонарика забегал по стене. Яркий круг дергался в каких-то сантиметрах от кресла. Я сжала пистолет, но через мгновение услышала Дракона:

— Нам пора уходить из города.

Выбравшись из подземки, мы попали на первый этаж торгового центра. Здесь, куда проникал хоть какой-то свет, было видно, что здание не заброшено, а просто не достроено. Бетонные стены, оконные рамы, сваленные на полу, с потолка свисали провода, тянулись пыльные трубы, перекатывались в коробках вентиляторы, тревожимые сквозняком.

Подъем на крышу оказался мучителен и долог. Я стала задыхаться уже через четыре лестничных пролета. Дракону пришлось нести меня остальные двадцать этажей.

— Сейчас возьмешься по-другому, — мужчина опустил меня на землю, прислонил спиной к выходящей на крышу вентиляционной трубе.

Над нашими головами нависала громада защитного серого купола, к которому с крыши тянулась пара кривеньких тонких лестниц. Локарис посмотрел на меня. Сама я видела лишь его мутный силуэт, глаза слезились.

— Не знаю, когда мы доберемся до сколько-нибудь подходящего места. Наверху сделаю пару уколов, и немного отдохнем, — он достал бутылку с водой и умыл меня.

— Я такая неудачница... — жаловалась я.

— Держись за меня, — Локарис закинул мои руки себе на шею, и я ухватилась за лямки его рюкзака. — Поднимемся на купол.

Я кивнула. Сейчас меня уже не знобило, а, наоборот, поднялась температура. Дракон оказался приятно прохладным на ощупь. Одной рукой он обнял меня, другой зацепился за лестницу. От резких его движений кружилась голова, я закрыла глаза и уткнулась мужчине в плечо.

Сложно сказать, через сколько времени я лежала на пыльной бетонной плите, где-то у самого верха защитного купола — на искусственном небе города-убежища. Это небо было путаницей перекрытий, проводов, всевозможных вентиляторов и шумящих фильтров. Даже я бы не смогла встать тут в полный рост. Не знаю, как здесь пахло, но вряд ли проклятым тмином.

Спине не было ни жестко, ни холодно. Я лежала, стараясь отделиться от ощущений большого тела, от жара в голове, который соленой смолой выходил из уставших глаз. От опротивевшего запаха. От того, как, щекоча и покусывая, вбегает в мои вены кровь Дракона.

Может, отключилась, а может, Локарис зачаровал сном. Когда я очнулась, он так же сидел рядом, но мы уже были за пределами города. Я не верила своим глазам. Вместо вечного грязно-серого бетона и запыленного пластика города, я видела настоящую природу. Насыщенно-зеленые деревья справа, слева — поле с редкими кустами. Где-то впереди

виднелись развалины домов, а позади, уже весьма далеко, словно перевернутый наперсток, город-убежище.

В городе мы не пробыли и восьми дней, но эта ничем не примечательная природа оказалась таким контрастом, что я готова была назвать ее раем. Раем, из которого смертельный вирус изгнал людей. Немало бы я отдала за глоток свежего воздуха, который бы мог пахнуть солнцем, травой, но не тмином.

Локарис выкинул в траву окурок, снова поднял меня с земли.

К вечеру он отыскал небольшой дом с более-менее целой крышей в заброшенном, давно изъеденном гнилью и плесенью городе.

Локарис убил два дня, чтобы как-то укрепить крышу над ночлегом, расчистить от травы и кустарника пол.

Мне было все равно.

Болезнь выпила последние силы, эмоций не осталось. Иногда я пыталась заговорить с Локарисом, но ничего не выходило. Может, это и к лучшему, потому что порой хотелось попросить его перестать продлевать мои мучения, перестать спасать с помощью своей крови и отпустить.

Но Дракон продолжал делать уколы, заставлял есть. Иногда уходил почти на весь день, чтобы где-то у бродячих, таких же, как и мы, сбжавших зараженных выкупить лекарства. Эти лекарства давали передышку не больше чем на полчаса, в которые я могла забыться сном. Потом закончились и лекарства, и одноразовые шприцы.

Локарис уходил дважды, каждый раз он возвращался все позже, но так ничего не смог добыть. Видно, вирус доконал и торговцев.

Последние два дня превратились в ад.

Опухшие, тяжелые веки пылали огнем, тело скручивала боль, будто его прошило стальными струнами, и теперь они то натягивались, то ослабевали и вспучивались нервной судорогой. Спас положение найденный Драконом стеклянный шприц. Но чтобы его простерилизовать в кипятке, пришлось пожертвовать остатками газа и фильтрованной водой. Это был конец.

— Пить хочется, — на слова ушли последние силы.

Я не знала, ответил ли Локарис. Давно уже была слишком слаба, чтобы слышать его. Он мутным силуэтом маячил рядом. Не знаю, почему не уходил. Сначала он спал рядом, так было теплее, но теперь я мерзла одна, и думала, что Дракон разумно решил не рисковать заразиться сам.

У нас оставалась озерная вода, относительно чистая, но пить ее было нельзя. Вирус был повсюду, но особенно хорошо ему жилось в живых организмах. Моя кровь была самой благодатной для него средой. И когда мужчина, засучил рукав, перетянул руку шнуром, взял в другую шприц, которым колол меня вчера, у меня не хватило сил ему возразить. Последние силы я истратила на глупую жалобу о жажде.

Не на чем кипятить воду, нечем простерилизовать уже использованный шприц. Но я получила свои полчаса передышки и усталый сон на краю жизни.

После опасной инъекции прошел день.

Еще один.

И еще дважды Локарис использовал старый шприц и дважды уходил на поиски. Он смог раздобыть только питьевую воду, для этого он ходил к самому убежищу и возвращался только под утро.

В одно такое утро мужчина уснул, измученный дорогой и недельным голоданием. Я встала.

Невесомое тело было так легко, будто бы за ночь его покинуло все земное, все пропитанное болезнью. Голова кружилась и словно не относилась к телу, а летела где-то рядом, вся звеня тихой мелодией, похожей на звук колокольчиков. Виляя, словно сухой лист, упавший в быстрый извилистый ручей, я добралась до выхода из дома. Двери давно не было, и я ухватилась за косяк, чтобы не улететь. Облупившаяся краска посыпалась под пальцами.

Сощурила сухие глаза, ослепленные солнцем. Полдень, свет. Я видела, как ветер играет с висящей на одном гвозде табличкой у дома напротив. Надпись на пластике давно побледнела, и прочитать ее было невозможно. Я видела, как влево тянется улица разбитой асфальтовой полосой, как венами покрытой трещины и пучки травы, она вела к далеким деревьям. Я была испугана и счастлива одновременно. И не хотела понимать, что происходит. Откуда эта легкость? Почему так свободно дышу? И как прекрасен десятки лет назад покинутый город, словно сухой хитин, сброшенный необычайно большим насекомым.

Выходя, я не обратила внимания, в доме ли Локарис, видит ли он меня? Или может, я уже не в том городе, в котором в болезненной горячке уснула вечера? Может, я лишь призрак, выскользнувший из умирающего тела?

Прижала к лицу ладони, и кусочки жесткой краски прилипли к коже. Они пахли пылью, пахли сухим деревом, не тмином! Кончиков пальцев коснулись первые слезы, теплые, влажные, быстро остывающие на ветру. Кажется, я все же жива...

Дом... Локарис... Нет, я не вернусь туда, где так долго меня скручивала болезнь и отчаяние! А из-за спины все еще тянуло тмином, словно из кошмара. Я хотела позвать Локариса, пусть выйдет. Не переступлю снова дряхлый порог, и ничто не заставит меня окунуться в этот запах!

Но Дракон спит, он устал... Нет, не это, что-то другое подсказывало, что я должна пройти в дом. Снова накрыла духота. Я прислонилась к стене, не в силах заставить себя войти. Но шаг, еще один, и я нырнула во влажную тень.

В перекрестье белых пятен света сквозь дырявую крышу, виднелась спина Дракона.

— Локарис? — я почти упала на постель рядом. Легкость пропала, тело отяжелело, стало неповоротливо. Хотелось лечь рядом, но еще было рано. — Локарис, ты заразился?

Вопрос уже ничего не стоил. Дракон перевернулся на спину, открыл покрасневшие веки. Его взгляд был мутным, уставшим, ресницы слиплись. Должно быть, он заболел еще раньше, ведь я сама не сразу дошла до такого состояния...

Он протянул ко мне руку, словно собираясь, как это было не раз, стереть липкие слезы. Коснулся щеки, а потом повернулся спиной, так ничего и не сказав. Я снова осталась наедине с болезнью. В удушающем запахе тмина, с неясной надеждой на выздоровление Дракона и на то, что я не заражусь снова.

Он не просыпался. Первое время я держалась подальше от него, пыталась разыскать больных торговцев, но была слишком слаба и не доходила даже до полосы деревьев. На третий я пыталась разбудить Дракона, но только чуть заметный пульс говорил о том, что он жив.

Без него мне не покинуть мир, без него не попасть в город-убежище. Да и кто пустит выходца из зоны заражения? Я могла лишь подобно собаке шататься по городу-помойке, неизменно возвращаясь к своему (живому ли?) хозяину. Из всего сколько-то реального остался лишь запах тмина и еле заметное, если сильнее прижаться грудью к спине, дыхание

мужчины.

Но он проснулся, вынырнул из спячки, когда я уже потеряла счет голодным дням и часам. Перевернулся, обнял за плечи.

— Ты пахнешь, как последний бродяга, — услышала я.

— И ты прекрасно, ничего общего с тмином.

* * *

Айн. Мир четвертого разряда.

Город Бенну. Ресторан Кёдо-Рёри.

Очередной огрызок мира. Ощущение, что попал на дно муравейника — город-громада из переходов, многоэтажек, многоуровневых улиц, и даже неба не видно. Соты-балкончики, соты-оконца. Узкие, едва один человек пройдет, улочки. Все в агонии неоновых вывесок и цветастых иероглифов.

Верный способ почувствовать себя одиноким, когда люди сбоку, сверху, снизу, и за каждой картонной стеной бьется чья-то жизнь. Вечный галдеж, вечный треск рекламных стендов и мутных ламп. Но сегодня я, удивляясь сама себе, не чувствовала одиночества.

Ресторанчик был тесным и душным. Маленькие столики и вынужденные принимать еду в неудобной близости незнакомцы. Рядом со мной две подружки — яркие, молодые, подвижные. Одна, привстав, перегнулась через столик, и, умудряясь двигаться в такт музыке, протягивала подруге капельку наушника от плеера.

Я ждала Дракона. Легкое черное платье на бретельках было моей первой осознанно купленной вещью, принадлежащей только к женскому гардеробу. До этого, кроме мира с конными повозками и бумажной почтой, я никогда не носила платьев. Но это и не считается, те корсажи и нижние юбки — скорее театральный костюм или маскировка.

— Ты что-то заказала? — Дракон протиснулся между посетителями и сел напротив. Неизменно сдержанный в одежде, с собранными в хвост волосами.

— А что ты хочешь? Вы... хотите... — в горячке болезни я как-то перешла на «ты», но к чему вежливости в аду?

— Мне все равно, — Локарис, махнув рукой, ответил на высказанный и не высказанный вопросы. — Вот ключ от номера и мобильный телефон. Я уже занес в контакты номер Проводника, — Дракон выложил на стол ключ и черненький мобильник. — Проводника зовут Лаэрт, в телефоне есть его фото. Он будет ждать в полпятого утра.

— Да, — я отложила в сторону пестрое меню. Прочитать состав блюд я не могла, да и картинки ничего не говорили о том, из чего это приготовлено. Я посмотрела на выложенные предметы:

— Спасибо...

— Не опаздывай, он ждать не будет.

— Да...

Подошел официант, и Дракон что-то надиктовал ему, не смотря меню.

— Я надеюсь, это будет более съедобно, чем смотрится на картинке, — сказала я, глупо ухмыльнувшись, когда официант ушел. Мне чертовски не хотелось брать эти два предмета — ключ и телефон.

Локарис не ответил. Он откинулся, насколько позволяло свободное пространство, на спинку стула и медленно скользил взглядом по ресторанчику. Ни одного следа болезни на его лице не осталось, мне даже казалось, что он выглядит лучше, чем когда я увидела его впервые.

— Что теперь? — спросила я, отлично понимая, что Дракон не станет делиться своими планами на счет панацеи от вируса. Но мужчина понял вопрос по-своему:

— Прибудешь в CBS, получишь оплату за работу и неудобства. Отсидишь на Базе карантин и сможешь купить квартиру, которую захочешь.

— Да, это я поняла... А вы? Ты.

Принесли заказ: много риса, много каких-то жутковатых на вид продуктов, но пахло хорошо. В качестве напитка — сладкая газировка. Локарис взял приборы, снова так просто, будто всю жизнь ел не иначе, как палочками.

— Я вернусь в свой родной мир, — сказал он. — На какой-то срок, для CBS из-за разницы во времени это не будет долго. Подумаю о панацее и формулах.

— А какой твой мир? — ответит, не ответит? Я отпила газировки, сегодня отчего-то слова застревали в горле, и фразы выходили с трудом. Будто каждое слово, которое я произносила, было неверным, и я знала это, но не могла понять, почему. Будто должна была говорить что-то другое. Но что?

— Меньше техники, большая концентрация природной Силы.

— Значит, там нет проблем с голосом?

— Нет, там все иначе.

— Вот как, — я замолчала, начала ковырять палочками рис, хотя аппетит пропал.

Дракон неторопливо ел, иногда в задумчивости смотрел куда-то поверх моей головы. Я должна была поблагодарить его за лечение, и я хотела сделать это искренне, ведь действительно была признательна ему. Благодарна за отчаянную заботу и помощь, которую мне никто никогда не оказывал. Но стоило взглянуть на сомкнутые твердой полосой губы, на холодные, несмотря на карий шоколадно-янтарный цвет, глаза, на этот взгляд, проходящий сквозь, будто меня и нет, как слова пропадали.

— Спасибо, что не бросили меня и вылечили, — сказала я, наконец. Локарис кивнул, поднес к губам стакан. Теперь он смотрел влево.

— Знаете, я... — я повернулась в ту же сторону, что и Дракон.

В ресторанчик вошла женщина в узкой юбке до колен и белой блузе, с черным портфелем в руках. Навстречу ей тут же выбежал официант и с легким поклоном отдал коробочку с ужином на вынос. Черноволосая дама, похожая на фарфоровую статуэтку с нарисованными тушью раскосыми глазами, кивнула, но смотрела она не на официанта.

— Я знала, что ты придешь сегодня, — сказала она, подойдя к нашему столику.

— Нарушаешь правила, — Локарис улыбнулся и поставил стакан на стол. Он хотел было отодвинуть для женщины стул, но та покачала головой.

— Придешь? — легкая улыбка тронула ее красивые губы.

— Ненадолго, утром перехожу из другого города.

— Тогда я возьму машину и утром отвезу тебя. А сейчас, — она кивнула на свой портфель, но не стала договаривать. Снова улыбнулась. — Через полчаса. Ты знаешь мой адрес.

Локарис кивнул, и незнакомка, легко скользя между столиков, покинула ресторанчик.

Через пятнадцать минут, дрожа от ночного воздуха, я шла к отелю, сжимая в одной руке

мобильный телефон, в другой ключ от номера. Дракон сказал еще что-то о том, что мне стоит говорить, прибыв в CBS, что-то о Проводнике Лаэрте, но я ничего не помнила, не слушала его и все еще не осознавала, что все, наконец-таки, кончилось.

Город дрожал от кишачей жизни. Люди сверху, люди снизу, люди сбоку — верный способ почувствовать себя одиноко.

Лифт, точно фанерный коробок с мигающей лампочкой и цветными размашистыми надписями. Тоннель коридора, треск электричества, запах хлорки и сигаретного дыма. Коричневая тонкая дверь с номером, который указан на моем ключе.

Я не открывала. Стояла и смотрела на чертову дверь, будто, войдя в комнату, сразу окажусь в другом мире. Даже хуже: в знакомом мире, в котором все будет ровно так же, как и было, когда я его покинула. И ни вожделенная собственная жилплощадь, и ни какие-то там деньги на самом деле ничего не изменят.

Я просто потерялась. Стала чужаком сразу же после рождения, как только какой-то неизвестный Странник оставил младенца на нулевом этаже CBS. Но я не злилась на него, да уже и не думала о нем или о ней, не знаю, почему всегда представляла возможного родителя именно мужчиной. Что ж, скоро перестану думать и о неделях работы с Драконом. Впервой, что ли?

Щелкнул замок, картонная дверка отворилась легко. Свет из коридора рассеял мрак. На фоне окна вырисовывался силуэт сидящего на кровати человека, второй стоял у окна. Первый поднялся мне навстречу.

Глава 5

Волчья память

*Дракон. Мир второго порядка.
Лес Мертвых богов.*

Покосившаяся от времени смотровая башня стояла у самого подножия леса Мертвых богов серым, поблескивающим от влаги камнем. Неровные, сложенные из грубых булыжников стены поросли мхом, да и лес, подкрадываясь молодыми деревцами, медленно прибирал башенку к своим владениям.

В высоком небе звенели яркие зеленые звезды, словно изумрудная крошка. Лес вспыхивал горячими сгустками жизни, уснувшей дневной и оживившейся ночной. Он чувствовал все, каждого зверя, каждый живой организм, каждый лист и каждую травинку. В чаще, к югу от башенки, пробежал волк-одиночка, стая, от которой он ушел, была еще дальше. Волков приманивали развалины храма Зосмитт. От храма почти не тянуло памятью, древние камни уже разучились говорить, а бывшее величие помнили только те, кто с ними связан — волки, Локарис, и те, кто нашел приют в подземных комнатах и между мраморными плитами — змеи, грызуны и черви.

Но башня помнила Дракона, именно его шаги были последними и все еще отдавались в памяти стертых ступеней. Внутри, как обычно, сыро, винтовая лестница склизкая от влажного мха и травы. Небольшая круглая комната, маленькое стрельчатое окно, затянутое заплесневелой тряпкой. Линялое большое кресло угрюмым троллем сгорбилось в углу. Локарис первым делом передвинул его, потом смахнул мусор с покореженного временем стола, расчистил старое кострище на полу.

В щелях башни обитала своя жизнь, деловито бегая в сырых туннелях. Громада древнего леса ощущалась даже через стену, оглушала Странника после его долгого отсутствия. И не мудрено, лес обитель древней Силы — кладбище богов.

Дракон быстро справился с костром, обложил камнями, сдернул с окна тряпку. Он наслаждался тем, как его природа открывается в родном мире. Как его энергия, искрящаяся паутина, как он объяснил Норману, распрямляется, как каждая нить вплетается в родное пространство, как мир снова объединяется с душой и разумом Локариса.

Одна из этих незримых нитей дернулась, и Дракон, как паук, насторожился. Привязалась, значит — сам виноват, знал, что делится слишком ценным, слишком сильным. Существо было не молодым волчонком-одиночкой, но так же тряслось в густой темноте леса, так же втягивало носом пронзительный ночной воздух, пытаясь понять, что будет дальше и куда бежать, чтобы выжить.

В высоких кронах ухнул филин, и вся природа существа сжалась, вспыхнула алым страхом, паникой. Но существо не побежало, у него не было выбора, оно лишь прижалось к стволу старого дерева и замигало отчаянными ударами сердца.

Тогда Дракон поставил на огонь котелок с дорожным чаем, повесил пару сарделек, и покинув согретую башенку, спустился по винтовой лестнице.

— Могли бы дать тебе одежду к случаю... — сказал он, продравшись через молодой кустарник.

Существо вздрогнуло в последний раз. Перестал гореть красным страх, и послышался

измученный вздох облегчения. Девушка вышла навстречу, выделяясь в черной листве влажными глазами и голыми плечами. Она беззвучно шепнула извинение, подошла к нему, неловко переступая в босоножках.

— Простите, — сказала Айн снова, когда чуть согрелась в старом кресле, завернутая в плащ. — Вы ведь все уже поняли?

— Еще раньше понял. Отдай амулет.

Девушка выпутала бледную руку, протянула Дракону серый камень, а он вручил ей кружку с горячим чаем. На ее почти белых щеках темными отметинами виднелись отпечатки чьих-то сильных пальцев. Локарис обхватил ее скулы, накрыв синяки, Айн дернулась.

— Они допрашивали тебя?

— Пытались понять, что правда из того, что я рассказала. Они сказали, что мне достаточно просто быть рядом, и тогда энергия амулета привяжется к вашей, и я окажусь там же, где и вы. Они послали меня, потому, что Странника вы бы почувствовали, но не меня... Я этого не хотела.

— Что ты им рассказала? — Локарис перетянул на себя немного ее волнения, потом передал девушке хлеб с запеченной колбасой. Он чувствовал, что она голодна, сбита с толку и не врет.

— Я рассказала абсолютно все, кроме лечения кровью... Не рассказала, что мы болели, а сказала, что просто посмотрели мир, что вы оценили обстановку, и мы ушли. Они проверили меня, — Айн повернула руку, показывая свежий укол, — но не нашли следов вируса. Почему?

— Моя кровь полностью справилась с ним, — Дракон не ел. Завтрака в предыдущем мире, на квартире у Яно Изэнэми ему хватило, ел он не часто и сейчас просто смотрел на непрошенную попутчицу.

— А в остальном, я просто поделилась своими наблюдениями. Конечно же, они сказали, что этого не достаточно, и теперь я тут.

— И какие это наблюдения?

Девушка вздохнула, отпила чай. Она боялась его. Видно, люди Кестра напомнили ей о суровых порядках Путей. Локарис сказал, чтобы она сначала поела, собралась с мыслями, а сам стал рассматривать амулет.

Как он выяснил, второй раз зачаровать необычный металл можно, но на это уже потребовалось больше силы. Этот амулет, работа неизвестного ему Странника. Еще тогда, когда выдавал себя за Пеома, он слышал, что первый Странник, который попытался зачаровать металл — Перемота — погиб от оттока, попытавшись повторить все еще раз. Кестр губил Странников с щедрой легкостью, даже Дракон с постоянными войнами за Пути был экономнее.

— Я сказала им, — Айн отставила пустую кружку на подлокотник кресла и завернулась в плащ, — что одна из ваших слабостей — то, что вы гонитесь за сложными задачами. Вы одержимы ими и пренебрегаете опасностью. Что с вирусом вам просто повезло. Но вы поняли, что Кестр специально заманивал вас в этот мир.

— Еще?

— Еще я сказала, что вторая ваша слабость — ваши люди, особенно те, кого вы считаете наиболее близкими. Майкл сразу же понял, что меня подослал Кестр. Более того, он знал, что на меня нападут в электричке. Он же действует за вашей спиной! Вы не видите?

— Конечно, я вижу. Что еще?

— А разве этого не достаточно? Вы специально подпускаете к себе врагов и предателей! Я не понимаю этого...

— Я знал, почему Майкл привел именно тебя, — Локарис встал перед девушкой. Она быстро соображала. Он видел, как в ее сознании страх борется с осмыслением, с логикой, хотя внешне она казалась растерянной, даже подавленной. Она быстро поняла намек и уставилась на него удивленными глазами:

— У меня не было выбора...

— Но ты зашла слишком далеко. Многие мои конкуренты мечтают узнать координаты моего мира и о моей природе. Если я не избавлюсь от тебя, то выйдет так, что снова потворствую своим слабостями и подпускаю врага. Не так ли?

— Но я рассказала вам о Майкле! Я была с вами, когда и вы заболели, — страх заставлял девушку раскрываться, как тогда, в ржавом мире, после которого Локарис только и заметил ее. — Я просто хочу, чтобы вся эта ерунда с Путей оставила меня в покое! Я ни на чьей стороне, это я вам говорю со всей честностью. И если вы пообещаете мне защиту от Кестра и спокойную жизнь, я буду на вашей стороне. Если такое пообещает Кестр, и защиту от ваших людей, я останусь на его стороне. Но сейчас я прошу убежище у вас.

— Ты понимаешь, что больше никогда не покинешь этот мир? Иначе нет гарантии, что никто не узнает его координаты.

— Вы так говорите, как будто у меня есть выбор! — Айн вскочила с кресла и ушла к лестнице, отвернувшись от Дракона. Теперь вокруг девушки кипела рыжая злость и черная досада. Локариса она уже не интересовала. Пешка. Да и ловушка Кестра не сработала, не до конца. Дракон снова вернулся к осязанию родного мира, снова влился в его природу и слышал и видел то, что было недоступно девушке.

Волчья стая подбежала к самой кромке леса, нюхая желтую траву, обежала край поля, не решаясь приблизиться к развалинам храма и снова скрылась в чаще. Только волчонок, почти уже волк, добежал до мраморных плит и улегся на испещренной резьбой поверхности, и лунный свет посеребрил его серую шерсть.

Лес низко гудел, и словно густое море в нем качалась сила, обтекая столетние деревья. В их корнях путались незримые бесформенные сгустки былой разумной энергии — мертвые боги. Какие-то уже почти растворились, какие-то еще могли присниться уснувшему путнику и обрести нового верующего.

В семи часах ходьбы, на юге, дремал маленький город. В тот город тянулась еще одна личная ниточка Дракона — спокойная, древняя связь на крови. А новая подрагивала за его спиной в отчаянии и нерешительности.

— Спи в кресле. Завтра далеко идти, — сказал он.

* * *

*Айн. Лес Мертвых богов.
Дорога в город Андор.*

Старый, судя по многовековым деревьям и упавшим замшелым стволам, лес нашептывал что-то свое. Время подкатилось к полудню, стало жарко, и я скинула драконов плащ. Через высокие кроны до земли добирались желтоватые, разбитые листвой, лучи солнца. Пахло

влажной древесиной, плотным светло-зеленым мхом и свежестью.

Переключались птицы, и разные напевы складывались в одну лесную мелодию, тихую, не громче шелеста ветра в ветвях, но удивительно разнообразную. Я прикрыла глаза, наслаждаясь коротким привалом — мы шли без остановки с самого утра. Под веками забегали пойманные солнечные блики, а потом стало просто темно. Новый мир грел щеки и спину, теплым ветерком скользил по коже. Маленькая комната в отеле сужалась и удалялась, я старалась отправить ее в самые далекие закоулки памяти и никогда не доставать.

— Ночью было куда холоднее, — сказала я, пытаюсь отвлечься, — а теперь душно даже в лесу. Какая здесь зима?

— Ветряная, но шадящая, — ответил Локарис.

Я старалась смотреть на все спокойно. Старалась осознать все, что случилось. Но внутри меня все еще трясло. Неприятный разговор с людьми Кестра, этого треклятого «покровителя», допрос, анализ крови, анализ правдивости моих слов. Тот человек из детства, что пришел в детдом с женщиной — подставной служитель CBS, снова был там и рылся в моей голове. Я все еще не могла отделаться от ощущения, что эти люди вторглись во что-то глубоко личное, только мое, хотя ничего у меня и не было, кроме сознания.

И, конечно же, разговор с Драконом. Снова на «вы», немислимо, как я когда-то могла кидать этому чужому человеку «ты». Но с другой стороны... новый мир, Кестр не знает его координат. Он надеется, что Локарис еще раз прибежит к моему дару и возьмет на Пути, и тогда меня перехватят. Но Дракон решил запереть меня в этом мире. Может, это и к лучшему?

— Идем дальше, — Локарис поднялся, закинул на плечо рюкзак. Лес редел, и сквозь стволы деревьев угадывалось желтое поле. Значит, скоро мы придем. — В этом мире, как и во многих других, о Множестве знают единицы. Не болтай лишнего, больше слушай, учись читать, запомни основных богов.

— Богов? — я догнала Дракона. На одной босоножке порвался ремешок и теперь цеплялся за траву. Дважды я теряла обувь в узловатых корнях. Много-много очков в пользу джинсов и кроссовок, и никаких больше платьев.

— В этом мире боги — разумная сила. Тебе не обязательно что-то делать, просто запомни основных богов, чтобы не попасть впросак. Со временем они сами к тебе привяжутся.

— Хорошо. Что еще?

На Путих принята особая классификация миров — порядки и разряды, по которым можно сразу понять, к какому времени относится мир, к какому типу и насколько он открыт для переходов. Есть маленькие и большие миры, есть разного временного разброса, с разными способностями существ, населяющих их.

В один мир можно войти без особого труда, как через дверь, и этих дверей множество. Весть о том, что ты заглянул из другого мира, там вряд ли удивит, если не прохожего, так особую общность людей, для которых хождение по мирам даже не работа, а образ жизни. Есть миры, вход в которые подобен заколоченной форточке, и попасть туда трудно. Между большими полноправными вселенными — встречаются промирки, похожие на промежуточную станцию.

Родной мир великого Странника относился ко второму порядку, что значило, что мир имеет до тридцати Точек Силы и четыре точки перехода на Пути. Этот мир достаточно

открыт энергии Хаоса, его пронизывает Сила, именно поэтому боги и маги, и драконы вовсе не легенды здесь. Но и технически отсталым назвать мир нельзя. Локарис сказал, что он похож на мир, в котором мы выдавали себя за доктора Пеома и его жену, но еще без автомобилей и телеграфа.

О себе Дракон ничего не сказал, но я еще намеревалась это узнать. Я не собиралась ни на минуту забывать о том, что в любой момент могут прийти люди с Путей и потребовать ответа. Отныне ни один мир не будет для меня достаточно защищен, чтобы забывать о допросе в маленьком номере отеля.

Через час мы вышли на разъезженную дорогу, и скоро с нами поравнялась телега, груженная сеном. Локарис сел рядом с возницей, а я забралась позади, хоть сено здорово колело голые ноги. Дракон о чем-то заговорил с человеком, я не понимала их, только слышала общую мелодию незнакомого языка. Под нее и задремала...

— ...Тпру! — ворвалось в дрему. Телегу тряхнуло.

Я уснула крепче, чем думала — неудивительно после недавнего перехода, да и солнце разморило. Мы остановились у витой кованой калитки, в прорехи которой вырывались усеянные желтыми цветами ветви деревьев. Еще дальше виднелись очертания большого белого дома.

Дракон спрыгнул на землю, отблагодарив возницу монетой. Я тоже слезла с телеги, и, выпутывая на ходу из волос соломинки, поспешила за Драконом.

Пройдя сквозь тень душистых деревьев, мы оказались посреди чистого ухоженного двора. К большому, в два этажа дому вела мощеная дорожка с цветочными тумбами по бокам. Скорее поместье, чем дом, огибало двор длинной террасой со множеством арок, словно подкова. Слева располагалась конюшня, и две гнедые холеные лошади свободно гуляли у ее стен.

— Локарис! — дверь отворил пожилой мужчина, едва Дракон ступил на террасу. — Я уж не надеялся, что ты прибудешь в этом году.

— Как видишь, — Локарис легко поклонился мужчине. Мужчина — тот случай, когда старость лишь пепельное благородство, но спина сохранила гордую осанку, а долгие годы подсушили тело, но не лишили сил — тоже поклонился Дракону.

Когда мы прошли в дом, ныряя в блаженную прохладу, Локарис кивнул на меня:

— Вместо Нормана. Дай ей место в резиденции, так, чтобы была на виду.

— Мое имя Зухас Андор, молодая леди, — улыбнулся хозяин дома. То, что он хозяин, сомнений не было никаких, столько в нем было благородства и спокойной уверенности.

— Айн.

Он взял мою руку двумя сухими ладонями и сказал уже поднимающемуся по лестнице Дракону:

— Вместо Нормана? Но она же совсем дитя!

— В войну ты собирал целые отряды детей, — ответил Локарис, пожимая плечами и не останавливаясь. — Некоторым не было и четырнадцати.

— Так какие были времена... — Зухас Андор покачал головой, но я не поняла, сожалеет он о том, что так приходилось поступать на войне, или о том, что она прошла. — Я поручу вас прекрасной девушке, она, так же как и вы, из другого мира. Но прошу вас, берегите эту тайну.

— Да, Дракон предупредил меня.

— Мессир Локарис или мой император, девочка. Только так. Спуститесь в кухни, Сэйна

проводит вас к Мэл. И будьте уверены, вы полюбите нашу великую Империю!

Сэйна оказалась немолодой, но крепкой и приятной женщиной, в темном платье с длинной юбкой-колоколом и в белом переднике. Она уже сновала между печью и столом, досадовала, что мессир прибыл так неожиданно и надо срочно что-то подать на стол.

— Да ему все равно, что есть, — улыбнулась я, — лишь бы жевалось.

— А мне не все равно, что ставить на стол! — Сейна сурово посмотрела на меня и махнула половником. — Вот что, иди через залу налево, там комнаты прислуги, найдешь Мэл. Мне некогда! И скажи, чтобы велела конюху готовить карету, они к вечеру уедут в Ишеб-Ревер.

Я легко нашла Мэл в первой же комнате. Высокая молодая девушка с густым потоком черных волос ловкими смуглыми руками сворачивала вещи и укладывала их в чемоданы. Порхала к шкафу и снова к кровати, вскакивала на стульчик, снимая с полок разные коробочки.

— Мэл? — я постучала костяшками в дверной косяк.

Девушка обернулась, легко откидывая черную прядь за плечо, и блеснула белой улыбкой. Но улыбка тут же сбежала с ее скуластого лица, и она удивленно окинула мое бедное платье:

— О, боги! Скажи, что тебя никто не видел в городе!

— Да вроде бы нет, у меня был плащ, — я протянула Мэл руку, она так же, как и хозяин дома до этого, обхватила ее двумя ладонями. — Я Айн.

— Меланиппа Тимор или Мэл. Здесь мы обязательно говорим фамилию при знакомстве, это значит, что у тебя чистая кровь. Это очень важно в Арнборе.

— Арнб...

— Арнбор — имя нашего мира. Не волнуйся, я помогу тебе освоиться. Как-никак, сама через все прошла! — Мэл все еще держала мою руку и улыбалась. Красивейшая девушка. Всегда такими представляла амазонок: гордыми, подтянутыми и изящными, как пантеры.

— Ну, тогда: Айниппа Малакион или Айн, — я, наконец, выпутала из мягких ладоней руку.

— О... — только и сказала Мэл. Она удивленно и будто бы даже испуганно отступила назад.

Мы смотрели друг на друга и готова поклясться, что в ее голове рождались те же мысли, что и в моей. Айниппа, Меланиппа, другой мир... Я знала, что я не первая, кого послал покровитель к Дракону. Оба Странника имели своих людей в стане врага. И что же теперь? Еще один «агент»?

— О... — снова повторила Мэл, продолжая бледнеть.

— Наверное, нам стоит поговорить... не в доме, — сказала я. — Сейна просила передать конюху, чтобы готовил карету. Мы могли бы выйти на улицу.

— Ох, я знала, что рано или поздно это случится! — Мэл обняла себя руками, когда мы вышли. Она будто бы мерзла, хотя широкий двор раскалился на солнце, словно большая сковорода. — Я знала, что Пути не оставят меня!

— Я не знала о тебе. Не знала, что в мире Дракона есть еще кто-то от покровителя. Как ты оказалась здесь?

Мэл не обладала каким-то полезным даром, как я. Разве, что красотой. Она была первой, неумелой попыткой Кестра подсунуть Дракону своего человека. Локарис спас ее из подстроенной неприятности, да и как же было не спасти такую? Потом она попросила его

взять с собой в мир. Она надеялась только на тихое место и новую жизнь.

Сначала Мэл еще присматривалась к Дракону, пыталась с ним сблизиться, но быстро бросила эту затею. Новый мир ее очаровал, и она решила (как и я сегодняшней ночью), что, раз никто не знает координат, она может скрыться и забыть о Кестре и его миссии. Но через пять лет пришла я.

— Теперь я знаю, Пути никогда не отпустят меня!

* * *

Зухас Андор. Город Андор.

Поместье.

— Что случилось с Норманом? — спросил Зухас из вежливости. Дела Путей его не сильно интересовали. Он сел в кресло напротив Локариса — когда-то раба, когда-то воспитанника, когда-то мерзкого

метиса, но сейчас первого человека в доброй половине мира и легенду нескольких других.

— Прикрой окно, откат от перехода никак не оставит меня в покое, — Локарис потер переносицу, пытаясь утихомирить головную боль. — Нормана убили.

— Он казался верным человеком, — Зухас дотянулся и задернул плотную штору. Всегда хранящая прохладу комната погрузилась в полумрак, хотя за окном летний полдень дрожал густой жарой.

Сейна — служанка и местная любовница Зухаса, разлила холодное вино в бокалы, унесла пустую посуду, не издав ни одного лишнего звука.

— Как на Путях? — задал очередной вежливый вопрос бывший учитель Дракона, а сейчас его первый советник.

— А как в Империи? — проигнорировав вопрос, спросил Локарис.

— Наши послы в Рорса-Бер сообщили, что королевство Эйтин предложило союз королю Айлипину. Теперь понятно, почему Айлипин так тянул с ответом на наше предложение. А Рорса-Бер для нас выход к южному морю, мы не можем терять эту возможность.

— Айлипин заключит союз с наиболее сильной страной, а это мы, — император пригубил вино. Оно не пьянило, но придавало сил, как и дорожный чай. Наученная советами внимательного Зухаса, Сейна добавила нужных специй и трав. — Но не надо давить, надо держать репутацию, чтобы не получить славу завоевателей и диктаторов.

— О, ну ты знаешь, кто трудится на этой стезе! — Зухас оскалился неприятной ухмылкой, и она исказила его благородное лицо. — Майкл уже начал готовить войска, он хочет войны с Эйтином!

— Мы не можем идти войной на Эйтин, — Дракон снова потер глаза. Видно, он устал от работы на Путях. Но Зухас не жалел своего императора: он считал, что Локарис должен в первую очередь отдавать себя родной Империи.

— Мы можем заключить союз с Рорса-Бер и получить выход к морю, — снова отпив вина, продолжил Локарис. — Но не завоевывать, не воевать с Эйтином. Я ясно дал понять всем, что должно быть затишье после взятия севера. Когда вообще прибыл Майкл?

— Неделю назад, — Зухас успокоился, думая, что ему удалось перекинуть неминуемый

гнев Дракона на военного министра Майкла. — Эйтин — древнее королевство, конечно, мы не можем его захватить и не встретим недовольство остального мира и Хранителей. Но ты же знаешь Майкла!

— Мой император, господин Зухас, — Сейна замерла на пороге, мужчины позволили ей продолжить. — Конюх сказал, карета готова. Я могу сказать Мэл, чтобы она велела грузить вещи?

— Конечно, Сейна. Мы хотим выехать как можно раньше, чтобы к вечеру быть в Ишеб-Ревере, — Зухас отправил женщину и вернулся к прерванному диалогу:

— Ты политик, ты стратег, а Майкл — маньяк, стремящийся видеть страдания. Его необходимо сдерживать: там, где можно применить либо кнут, либо пряник, он применит острый скальпель. Но армия согласна с его решением, ей последние годы затишья не идут на пользу.

— Я займу армию, но не Эйтином. Я нанесу Айлипину визит в Рорса-Бер с небольшим войском. Визит вежливости и желание узнать его решение о союзе — ничего более.

— А что Майкл?

— Займу его тем же.

— Только ты и можешь сдерживать его. Только тебя он и боится.

Локарис кивнул, прикрыл глаза. Головная боль — Зухас знал лишь по рассказам про обратный отток от перехода в другой мир.

Первый советник испытывал и ревность, и тень волнения за императора. Он считал, что Локарис, как и он сам, в первую очередь должен заботиться об Империи. С другой стороны, понимал, что с природой Локариса Империя тесна для него, что скоро ему станет мало даже других, известных ему миров, и однажды он потеряет своего императора где-то во Множестве.

Многие верили в неуязвимость Дракона, многие даже не представляли опасности, которая может встать на его пути. Зухас же понимал, что Локарис не знает и самого себя. Возможности единственного в мире метиса-дракона были покрыты тайной. Но старому философу, проделавшему путь от простого бандита до второго человека в империи, было несложно представить, куда может завести сила и жадность дракона.

* * *

Айниппа. Столица Ишеб-Ревер.

Месяц спустя.

Я остановилась у цветочного магазинчика, любуясь благоухающим буйством красок, которое словно не поместилось за витриной и яркой волной выплеснулось на улицу. Вазы и горшки стояли прямо на мостовой, а продавец расправлял тенты-ракушки, чтобы защитить товар от дневной жары.

— Что смотришь? Нашла что-то? — Мэл вышла из другого магазина, сверток в ее руке пах ароматным мылом.

— Да просто, — я пожалала плечами. — Идем дальше?

Черноволосая амазонка кивнула и подхватила меня под руку:

— План такой: ловим пролетку и едем к Полей Берин. Замечательная швея. Ты не

обманывайся жаркими днями, еще неделя, и осень накинется на Ишеб-Ревер. Тебе нужно шерстяное платье. Потом обедаем у Пышки Эниф, потом пройдемся по набережной, говорят, по реке уже пустили прогулочный парходик, может, увидим!

Думаю, что мы с Мэл сдружились. Мы вместе работали, вместе выезжали в выходные дни в столицу. Она многое рассказывала о мире и вообще была легким и приятным человеком. Немного болтливым, но прекрасным.

Начинался мой пятый выходной за то время, что я работала в резиденции императора. Я, как и Мэл, стала служанкой, и в какой-то мере ничего не изменилось: работа, по вечерам чтение и грамота, множество знаний, которые стоило впихнуть в голову как можно скорее. Но в глубине души я все еще не свыклась с мыслью, что останусь в этом мире. Мне казалось, что скоро я забуду имена этих людей, что мне не пригодятся названия улиц и городов, имена богов. Меня все еще волновали вопросы Путей — о Драконе, о его деле с новой Веткой Кестра. Думала я и о его помощнике Майкле, о тайне его шрамов. О том, как он связан с покровителем.

Я провела с Драконом несколько недель, была в деле, и даже на волосок от смерти. Столько пришлось с ним пережить, и теперь — все? Я на отшибе? Мэл осталась единственной связующей ниточкой между новым миром и Путями.

— Какой Дракон император?

После швеи и галантерейной лавки мы, следуя плану, зашли в булочную Пышки-Эниф, женщины, полностью оправдывающей свое прозвище. Мне хватило чая, а вот Мэл уничтожила уже третье пирожное.

— Хороший. По чести сказать, он лучшее, что случилось с империей, — Мэл поддела ложечкой клубнику и отправила ее в рот. — Только об этом не любят говорить. Император нечистой крови — с таким и за семьдесят лет нелегко смириться.

— Когда ты встретила его, он был таким же?

Мэл поняла меня и засмеялась:

— Если ты о том, был ли он так же высокомерен и угрюм — да! Мессир — нелюдимый император. Он тут, безусловно, пишет для всех сценарий, но в обществе играют его помощники: Зухас и Микаэль.

— А ты не думала, почему он такой?

— Да что ты все о мессире заладила? Мой тебе совет — забудь. Давай я тебе расскажу новость: дом сестер хис Лайош решил пригласить художников и выпускать журнал со своими моделями! Знаю, платья Лайош никогда не будут мне по карману, но журнал-то я смогу купить! В этом была вся Мэл: в бурлении эмоций, в бесполезных новостях и легкости. Она давно считала этот мир своим, а меня все еще не отпускали Пути...

— С ума схожу по их декольтированным моделям!

— Мэл, а в этом мире бывают другие Странники?

— Ох, Айн... Ты просто зациклилась.

— Не так давно меня всю ночь допрашивали люди Кестра. Копались у меня в голове и все вывернули на изнанку. С тобой такого не было?

— Неважно, что со мной было, — Мэл перестала улыбаться, отодвинула пирожное. — Важно то, что я согласна помнить. Я выбираю, какой для меня этот мир. Любой из миров. В этом и я, и ты не слабее Дракона, мы тоже можем менять все. Но ты не хочешь это признать, для тебя все миры, словно один. Ты закрытая и никому не веришь.

— Но ты же испугалась, когда узнала, что я от Кестра...

— То была минута слабости, — подруга вздохнула. — Сходим на службу Арнбора?

— Если хочешь.

Через элитные районы — дома государственных деятелей, военных служащих и квартиры ученых — мы пошли к площади.

На счет Мэл я рассуждала так: если она так избегает темы Дракона, значит, ей есть о чем молчать. Иначе такая болтушка, как она, давно бы уже все выложила.

Самого Локариса я не видела с месяц, ни разу с того момента, как мы вышли из кареты у мрачного здания резиденции. Порой я замечала, как к парадной лестнице подъезжают разные люди, чтобы навестить императора, но ни разу его самого.

Мэл сказала, что историю императора знает любой имперец. Теперь знала и я: Даже в этом полном энергии Хаоса мире, где вера в бога даровала ему жизнь, где драконы и маги не были мифом, образ Локариса был объят невероятным количеством слухов и тайн.

Локарисом восхищались как императором и презирали как метиса — существа с грязной кровью. Только спустя двадцать лет с начала его правления империя узнала о тайне его рождения. До этого Локариса считали захватчиком, зарвавшимся полукровкой, который поставил у трона бандитов — бывшего бунтаря Зухаса Андора и обедневшего аристократа Микаэля диз Шедоу.

Все исторические источники, что я нашла, говорили о Локарисе скупо. Только и смогла выяснить, что он был сыном супруги короля, погибшего во время разгоревшегося в королевстве бунта, и дракона — крылатого властителя, которого мало волновало, как его земли делят люди: те были для него словно зверье, населявшее графские угодья. Так это или же аристократические корни императора приписывались историками специально, дабы опровергнуть сомнения народа в праве Локариса на трон — оставалось загадкой.

Королева погибла, рожая на свет потомка дракона — существа, чье могущество и сила сносили человеческий разум, словно буря пылинку. Но женщина, влюбленная в сумеречного дракона, что, приходя к ней, снисходил до человеческого облика, поклялась, его ребенок будет жив. А преданная ей кормилица обещала, что никто и никогда не узнает тайны о кровосмешении, которая могла повлечь за собой гнев короля и позор.

Кормилица королевы забрала младенца. С самого рождения своей госпожи она не чаяла в ней души и готова была на все. Но, узнав о незаконнорожденном ребенке, король сослал кормилицу в деревню, что находилась далеко за колониями королевства, и ей пришлось забрать и выродка.

Женщина не смогла простить ребенку смерть возлюбленной госпожи, свою ссылку и грязную кровь. До четырнадцати лет метис, словно раб, трудился на хозяйстве, в глубинке королевских колоний, где ненависть к полукровкам подпитывалась предрассудками жителей и проповедями жрецов.

Когда ослабленное междоусобными войнами королевство, словно язвами, покрылось вспышками бунтов, восстали и колонии. Беспорядки оставляли на своем пути руины и пепелища. Дальше был Зухас — авантюрист и разбойник, умело влившийся в идеологию бунтующих. Он подобрал Локариса, разглядел в нем живой ум и покровительствовал ему, зная, что скоро все вложенные в выродка труды окупятся вдвойне.

Еще книги говорили что-то про обучение Локариса в академии, а дальше ничего — словно кто-то вырвал из летописи страницы. Видно, путь Локариса к трону не будил в народе патриотические чувства и любовь к императору, оттого и в книгах этого не писали.

Казалось странным, что Локариса многие все еще презирали как выродка. Ведь за

семьдесят лет его правления маленькое раздробленное королевство превратилось в великую Империю. Неужели смешанная кровь стирала память людей о былой бедности, незащищенности и несправедливости? Но тут уже был вопрос религии...

— У нас два самых больших праздника, — сказала Мэл, все еще обиженная на меня. — Праздник Арнбора — нашего мира, и три дня памяти мертвых богов.

Мы обошли площадь, уже пестрящую праздничными одеждами горожан. Мэл знала лучшее место, и теперь мы стояли на возвышении и видели все приготовления к службе.

— День Арнбора — это день рождения мира. Священные книги пишут, что мир сам создал себя в Хаосе, — подруга уступила мне свободный кусочек тротуара, чтобы я встала повыше. — На самом деле, служба Арнбора проводится еженедельно в храме. Но в праздник жрецы все делают на площади.

Мэл вытянулась струной, нас уже обступили другие люди, оглянулась:

— Главный жрец проводит ритуал, а другие жрецы ходят в толпе и читают сказания. Вот слушай, вот он идет!

«И родился Мир из Хаоса. И подобно тому, как пузырьки воздуха в сосуде с водой сливаются вместе, так собрались родственные силы, носимые в бесконечном пространстве Хаоса. И слияние этих сил породило Арнбор — мир всего живого и сущего. И стал Арнбор творить жизнь в себе, в окружающем пространстве силы, ограждаясь от холодного Хаоса. А сотворив, разделился на три Сущности».

На площадь в окружении шести человек вышел тучный главный жрец в кипенно-белых развевающихся одеждах.

— Верховный Отец — Гуидо Дьеча, — подсказала Мэл.

Трое жрецов в сопровождении Отца несли три больших золотых обруча на длинных ручках. Толпа качнулась слаженной волной в поклоне, Гуидо Дьеча поднял пухлую руку, шелест одежд стих, площадь погрузилась в трепетное молчание.

Только чтецы продолжали распевать цитаты, рассказывая, как подобный сгустку энергии мир обрел форму и как начал творить сам себя. И что мир-отец, Арнбор, это все живое и не живое, населяющее его.

«А сотворив, разделился на три сущности».

Это я уже знала и престала внимательно слушать. Жрец передал Отцу первый обруч, и тот, зачитав низким грудным голосом слова на древнем языке, воткнул ручку в алтарь. Золотой круг вспыхнул бликами на солнце. Он означал первую сущность — Мир Силы или, как говорили в писании — Старшую мать. Эта грань — вся Сила в мире, все, пронизывающее животный и людской мир, и неодоушевленный.

Рядом с первым обручем встал второй и так же ярко засиял, перекрещиваясь с «Миром Силы». Живая грань — вторая сущность. Мир людей, животных, природы и всего того, что можно потрогать, что можно видеть и осязать — материальная сторона.

Третий обруч — Мир за гранью — вместилище мертвых душ и прошлого, сущность, переплетенная с Хаосом, но и неотделимая от всего мира.

«И возникла в Живой грани жизнь, и были ею стихии и природа, и были ею звери и люди. И было в новой жизни многое от матери ее — Мира Силы, как есть капля крови нашей в детях и внуках наших. И каждое чадо в Живой грани имело дары от Старшей матери: наделены были люди великими способностями, наделена природа, и наделены звери. Каждый стал, словно нить в общем полотне, сплетенном Арнбором».

— А драконы к какой Грани ближе? — спросила я, когда служба закончилась, и мы из

душной толпы снова вырвались к набережной.

— «Но было у Старшей матери и дочерей общее творение — драконы. Драконы имели свое отражение во всех трех сущностях, и стали хранителями уз между Матерью и Дочерьми», — без запинки отчеканила Мэл.

— Ты наизусть, что ли, знаешь?

— Сказание о сотворении должен знать каждый имперец, — ответила амазонка, она уже забыла о своей обиде. Она достала булку и, отрывая маленькие кусочки, кидала их на ходу уткам. — Для нас важно чтить традиции.

Буду ли я когда-нибудь считать этот мир своим та же, как и Мэл? Я сомневалась.

— Ну, а метисы чем вам не угодили?

— Понимаешь, изначально ведь было несколько основных народов. И драконы, кстати, ревниво следили за границами этих народов и за их чистотой. Это было давно, в те времена, когда в истинном облике Арнбора кипела Сила во всех ее проявлениях. Но мы утратили этот облик, все перемешалось и стало по-другому. Драконов почти не осталось. А метисы все плодятся, не смотря на труды жрецов сохранить остатки чистоты.

— Выходит, Локарис — то еще святотатство? Метис, рожденный от ревнителя истинной чистоты! — я засмеялась.

Мэл остановилась, перестала терзать булку. Теперь она смотрела на меня даже зло:

— Никогда не смейся над миром, в котором живешь. Никогда не смейся над нами!

— Да боги с тобой, Мэл, — я отмахнулась, сама не заметив, как высказалась в духе имперцев. — Я не хочу тебя обижать, просто я из мира, где главные боги — экономика и политика. Я дитя электроники и технологий. Не обижайся.

— Теперь я не верю твоим извинениям.

Я пожалала плечами. Ну, не верит, и ладно. Пошла дальше в сторону площади Трех дорог. От этой площади мы должны были взять извозчика до резиденции. Выходной подходил к концу.

— Я докажу тебе сегодня, что нельзя смеяться, — Мэл не двинулась с места, и я обернулась. — Ты сама увидишь, что Мир Силы вокруг нас.

— Хорошо. Я буду только рада, — сказала я, а Мэл недовольно пошла вперед. — Спасибо тебе, что учишь меня и помогаешь.

Амазонка только фыркнула:

— Приходи после отбоя к домику садовника. И смотри, чтобы старшая горничная тебя не заметила.

Резиденция утопала в густой растительности запущенного сада. Ночью он превращался в настоящие дебри. Я накинула шерстяной платок и выбралась в холод через черный ход. Не стала брать с собой свечу или фонарь: не хватало еще, чтобы из окон нас заметили.

Над домиком садовника нависали тяжелые ветки деревьев, вверху они поблескивали под луной, а книзу казались вырезанными из черной бумаги. Холодные травинки щекотали ноги и цепляли подол ночной рубахи. И резиденция, и сад стояли в полной тишине и отчужденности от шумной столицы.

— Держи фонарь, но пока не включай, — Мэл оказалась рядом неожиданно. Я как раз уже стала думать, что она решила просто пошутить надо мной.

Подруга держала в руках какую-то миску и так же была закутана в шерстяной платок. На черных волосах белел чепчик.

— Я договорилась с охраной, нас выпустят через калитку. Будем подходить, зажжешь фонарь.

— Что же ты мне собралась показывать?

— Увидишь. Моя тетка кое-чему научила.

— Тетка? Ты же не из этого мира.

— Названная тетка. Понимаешь ли, нельзя человеку без родственников.

— Наверное.

Выйдя в калитку, мы, не отходя от узорной ограды, пошли направо, потом по полю.

В высокую траву уже упала роса, и рубашка быстро стала мокрой, как и туфли.

— Далеко еще?

— До озера.

В озере купалась полная луна. К свинцовой глади вели крутые берега и высокие заросли травы. Мы дошли до большого дерева. Оно склонялось, роняя ветви к самой воде, а узловатые корни ограждали спуск. Я повесила фонарь на ветку, стуча зубами, пожаловалась на холод и то, что мы совсем не выспимся к завтрашней работе. Мэл только отмахнулась.

— На самом деле, нужна проточная вода, — деловито сказала она, снимая с миски крышку. В миске была черная жидкость, амазонка отставила посуду на толстый корень, залезла в карман. — Но, думаю, и эта сойдет. Так...

Она ловко перемахнула через корни и подскочила к самой кромке воды. Огляделась вокруг, потом восхищенно уставилась на круглую монету луны.

— И что же мы будем делать? — я села рядом с миской, поднесла озябшие руки к фонарю. Воздух гудел стрекотом кузнечиков, но больше ничего не тревожило безветренную ночь. — Скажи еще, что духов вызывать.

— Именно! Именно их, — амазонка хлопнула рукой по воде, потом вернулась за миской. — Идем.

— Что у тебя в миске?

— Фазанья кровь. На кухне готовили пироги с дичью, — Мэл снова спустилась к воде, теперь уже осторожнее, чтобы не расплескать кровь. Темная гладь отразила ее высокую стройную фигуру. — Но есть проблема. Нужна еще кровь живого существа. Вот, — амазонка протянула мне маленький ножичек. — Всего капля, давай.

— Вот сама себя и режь, — я, скользя по мокрой земле, оказалась рядом с Мэл и чуть не наступила в воду.

— Нельзя. Я провожу обряд, и моя кровь не подойдет. Нужна чужая. Ты что, боишься? Не бойся, мы увидим ее всего на пару мгновений.

— Черта с два я боюсь, — я забрала нож у Мэл и уколола палец. «В миску», скомандовала подруга, и тугая бордовая бусина упала в фазанью кровь.

— Теперь скажи свое имя. То, что настоящее.

— Анна Калашникова, или Аня, — сказала я так, как принято в Империи, и ухмыльнулась.

— А теперь отойди и смотри на озеро, Анна...

Мэл склонилась над водой. Обхватив миску ладонями, медленно полила кровь, что-то шепча. Черная жидкость завилась дымным узором, но потом вытянулась полосой и поползла к яркому отражению луны. Мэл стала шептать громче, громче загремели и кузнечики.

Ровная тонкая линия крови достигла лунного диска, и его края пошли рябью. Я, следуя взглядом за кровью, уже не видела Мэл. Я смотрела лишь как дрогнула водная луна, как от

нее потянулись белесые завитки дыма. Они взвились легким, еле видимым пламенем, и сложились в женскую фигуру. Обвили крутое бедро, обрисовали талию, рассыпали в стороны густые волны седых волос.

— Ох! — услышала я Мэл и обернулась. Подруга была поражена не меньше меня. — Вот видишь! Видишь, Сила во всем, и все Грани связаны!

Я перестала ее слушать, посмотрела назад, но кроме гладкого блина луны в тугой воде ничего уже не было. Дух исчез.

Высокое небо смотрит изумрудными пронзительными звездами — густой цвет глаз сумеречного дракона. Ясная звенящая ночь.

Луна полная, с серебристым очерком. Ветер в сумерках перекачивает волнами высокую густую траву. Острые края ее жестких листьев режут руки и цепляют ткань. Ветер не холодный. Он нагрет дневным солнцем, плотен и удушлив. Он гонит, подталкивает в спину, приводит к развалинам.

Не время уничтожило древний храм. Не жрецы покинули его стены. А расколотые плиты мрамора, укутанные мхом, помнят яростный стук копыт, звон оружия и кипящие брызги.

Покосившиеся колонны отражают свет и одна за другой становятся все ближе, очерчивают периметр старой залы. И из лунного марева ткутся стены, плетется сводчатый купол.

Непоколебимая ветром, стоит женщина. Густым пепельным потоком волосы ее укрывают плечи. Плотный вихрь воздуха кружит пряди, дергает черный шелк платья. Жрица вся светится.

Она совсем не красива, но руки ее теплы и дарят покой.

— А-н-н-а, — зовет она, и темную залу один за другим освещают огни треножников.

Она стирает кровь с моих исчерченных травой ладоней, опускает руки, и ее красные пальцы лизжут соткавшиеся из темноты волки. Треножники яро трещат и чадят темным дымом, все видение приобретает яркий контраст.

Жрица протягивает чашу с темной озерной водой. От воды пахнет тиной и гнилью, но противиться женщине нельзя. Я вижу боль в ее глазах и делаю глоток.

Вода густеет, становится смолой в горле, и я задыхаюсь...

Я резко села в кровати. Воздух охлаждал взмокнувшую спину. Дурной сон — не удивительно.

В плохо зашторенное окно подглядывала все та же полная луна, на соседних двух кроватях посапывали Мэл и Рабике. Просто дурной сон. Я отерла лоб, покрытый холодным потом. Бред же! Ну, вот еще и порезанный палец закровил.

Я зажала ранку между губ и увидела, что в темных влажных пятнах вся подушка и одеяло. Рот наполнился соленой кровью.

Глава 6

Обращение

Микаэль диз Шедоу.

Резиденция императора.

Майкл наслаждался впечатлением, которое производит его внешность. Особенно, когда чужую реакцию на его шрамы видел тот, кто стал виной уродству. Обычно он закрывал низ лица полосой черной ткани, иногда даже оставлял открытыми только глаза.

Должность военного министра обязывала к подобным мерам. Но сейчас ткань была откинута за плечо и сливалась с черными волосами. Майкл сверлил разноцветными глазами прислугу, пока та накрывала стол в кабинете Локариса. Девушка нервничала и то и дело что-то опрокидывала.

— Папочка все еще продолжает нить насчет войны? — сказал он и потянулся за кусочком сыра, нарочито задевая руку служанки. Девушка отпрянула и смущенно отвела глаза.

— Грета, иди, — Локарис отпустил служанку. — У меня все готово для визита к Айлипину. А что у тебя?

— Ты сказал быть скромным. Тысяча штыков, кавалерия — тысяча двести сабель. Я подумал, что не лишними будут пушки и поддержка магического отряда Гевина Рори.

— Сойдет.

— Скука, — Майкл взял всю тарелку с сыром, и, откинув вилку на поднос, подцепил кусочек пальцами. Он был пьян с утра и сейчас старался не сболтнуть лишнего. Мессир не ответил. Он поднялся с кресла и достал из шкафа бутылку вина. Прекрасное вино в прохладных глиняных кувшинах приносили и из погребов резиденции, но в кабинете Дракона бывали редкости, каких не найти во всем мире.

— Я разделяю мнение Зухаса. В этот раз он высказался насчет войны так же, как высказался бы я.

— Ох, Зухас! Он мешает идти вперед, — военный министр схватил бокал, наполненный императором, и тут же его осушил. — Трясетя за то, что уже стопроцентно наше. Бредил империей с юности, но на трон не сел! А все потому, что у самого мозгов хватает лишь на философские книжки и составление агитационных речей. Для власти над чем-то большим, чем шайка голодранцев, у него кишка тонка.

— И у меня тонка? — спросил Локарис, что-то разглядывая за окном. Дракон был озабочен, он не слушал Майкла. А Майкл так и не узнал ничего о том, что было с главой CBS в вирусном мире. И был ли он там вообще?

Военный министр не стал отвечать на провокационный вопрос. Его грызла мысль о неудавшейся ловушке Кестра. И Дракон будто понял это:

— Как дела у Кестра?

— Откуда мне знать? — Майкл дернулся в кресле, но опомнился и расслабился, вольготно откинувшись вглубь. — Должно быть, зализывает раны после разгрома второй центральной. А что у тебя? Ты нашел, что искал?

— Я больше занимался исследованиями и наблюдениями, — Локарис пригубил вина и отставил бокал.

— Ты же собирался отнять у Кестра какой-то лакомый кусок?

— Непреодолимые условия мира. К чему мне этим заниматься, если и Кестр теперь не сможет?

— А ты стареешь... — Майкл не поверил ни одному слову. — Хочешь, я уничтожу Кестра?

— Я хочу, чтобы ты остался тут.

— На карантин?

— Да. Отдохнешь после представления на второй центральной.

— Но...

— Я не хочу ничего слышать, — Локарис поднялся. — Встретимся завтра.

* * *

Ночной дождь во сне буйствует так же, как и за окном спальни. Ливневые потоки с яростью лупцуют, гнут к земле высокие стебли травы. Порывы ветра то взметывают ее, то низвергают, словно море в шторм. Бледный ореол полной луны размыто светится, заслоненный гущей темных облаков.

Мокрая, потяжелевшая трава мешает идти рыжей девушке в белой рубашке. Ненастье стремится сбить ее с ног, но та, словно зачарованная, упрямо идет к мраморным осколкам, к тонущим в грязи старым плитам.

Едва ее босая нога ступает на первый кусок мрамора, как храм-призрак начинает ткать из ночной непогоды свое былое величие. В темной зале, стены которой будто бы дрожат от беснующихся в блюдцах треножников огней, девушку встречает верховная жрица. Длинные пепельные волосы ее колышутся от жара, блики бегают по строгому лицу.

Рыжая девушка дрожит, несмотря на тепло. Заученно простирает к жрице израненные травой руки, и та собирает кровь ладонями и поит ею пришедших волков. Один зверь, прыгая на задних лапах, приносит женщине пиалу с черной водой. Та принимает ее и передает девушке.

— Золанка, почему ты делаешь это?

Но разве могут женщины во сне услышать постороннего наблюдателя? Незваного гостя, что подглядывает за обрядом. Полудракона, который не может разрушить чары этого сна. Но Золанка вздрагивает. Пиала падает на мрамор. Руки ее опускаются, и их лижут уже не волки, а гиены, оставляя длинные ожоги и язвы там, где их языки коснулись кожи. В глазах Золанки мука и страх.

Она слышит и узнает родство в далеком голосе. Стоит, парализованная испугом, пока гиены стирают кожу с ее рук. Рыжая девушка испугана не меньше, но делает шаг вперед и обнимает жрицу за плечи. Гиены скулят и скалятся, отходя назад. Теперь Локарис вспоминает и ее имя — Айн.

* * *

Айн. Резиденция императора.

— Ах ты ж, Адрамелех тобой займись! — кухарка вскинула руки. У ее ног золотистыми кусками раскинулись запеченные птичьи ножки. — Да чтоб вас!

Посудомойка кинулась все собирать, кухарка снова хлопнула себя по бедрам. Мы с Мэл были вынуждены лишь наблюдать, так как носили подносы с блюдами к столу и не могли запачкаться.

— Отнесите пока кувшины! Что вылупились, как на базаре?

Мы похватали кувшины с вином и поторопились исчезнуть из зоны бедствия.

— В отсутствие императора мы отвыкаем от гостей, — сказала Мэл, семена по лестнице. — А тут еще военный министр. Говорят, он всю неделю пробудет.

Я остановилась у самой двери в обеденную залу для гостей:

— Мэл, я не хочу сегодня подавать на стол.

— Из-за господина Микаэля?

— Отнеси ты, хорошо? Я потом как-нибудь подменю тебя, — я поставила кувшин на столик. Встретаться с помощником Локариса не было никакого желания. Мэл сочувственно покачала головой:

— Ты выглядишь совсем плохо. Тебе нужно попросить лишней выходной.

— Да, как-нибудь. Отнесешь?

— Конечно. Иди в спальни, я прикрою тебя перед старшей горничной.

— Спасибо, Мэл.

Я безумно хотела спать, но и не думала отправляться в кровать. Мэл была права, я выглядела ужасно. Под глазами засели темные круги, пальцы украсились порезами и царапинами, я сама не знала, откуда они берутся. Я стала рассеянной, боялась засыпать. Никогда не думала, что кошмары могут так отравить жизнь, но каждый раз, стоило мне уснуть, я возвращалась в ту лунную ночь в развалинах храма и задыхалась от озерной воды.

— О боги! — задумавшись, я чуть не налетела на Рабике, нашу соседку по спальне.

— Ты напугала меня, Айн! Впрочем, за тобой и иду.

— Извини, не хотела. Я спешила на кухню, мы накрываем стол господину Микаэлю, — Рабике была стукачкой и никогда никого не прикрывала, я напустила на себя озабоченное выражение лица.

— Потом, Мэл справится. Тебя просит мессир.

— Император?

— А ты, что, другого знаешь? — разозлилась девушка. — Сними передник и за мной, живо.

Я впервые шла в левое крыло резиденции — крыло императора. В этой части, помимо покоев Локариса, располагался его кабинет, выход во внутренний двор с садом, коридор в башню-библиотеку и множество других, большей частью закрытых, комнат. Правое же крыло считалось гостевым, в нем размещали визитеров к императору и прислугу.

Крыло императора отличалось особой тишиной. Казалось, вздумай кто прогуляться по длинным коридорам или появиться здесь по делу, будет тут же услышан.

— Хотела бы я знать, что ты натворила, — ухмыльнулась Ребике, когда мы остановились у двери в покои.

Попасть на работу в резиденцию было очень сложно, а вот вылететь проще простого, Ребике знала, что говорила. Но моя совесть была чиста. Да и император не станет заниматься такой мелочью, как отчитывать прислугу. Я поправила волосы и дружелюбно улыбнулась служанке:

— Так ли натворила?

У Ребике перехватило дыхание, но я не стала ждать ее ответа. Повернула ручку, вошла и тут же закрыла дверь.

— Мессир? — торопливо поклонилась.

— Налей чай, — без приветствия сказал Дракон. Он читал в высоком резном кресле у большого стола. — И себе налей.

Стараясь сдерживать улыбку, я подошла к столу. Мне было приятно увидеть его снова. Сервиз из небольшого пузатого чайника и двух кружек с блюдами, терялся в ворохе бумаг и свертков на большом стол.

Стены в покоях императора скрывались за книжными шкапами. Мерное тихое свечение обтекало дымкой разнообразные корешки книг. Кровать занимала почти половину пространства комнаты и была обращена к большому окну, с выходом на балкон. Сейчас окно стегали потоки дождя, зарядившего с самого утра. У левой стены, среди полок с книгами прятался камин, тихо потрескивая углем.

Но самым роскошным предметом мебелировки было кресло, в узорной тени которого скрадывалось лицо императора. Я никогда не видела такой красивой вещи, такой тонкой резьбы по дереву и кости. Черные деревянные драконы боролись с белыми костяными львами по краям спинки. Ближе к центру, как белое пламя, изящными завитками снова шла кость; далее черным тонким кружевом черное дерево. Элементы резьбы вплетались узором в белый шелк обивки. Но кресло, хоть и избалованное уходом, было старым: один лев потерял голову, а дракон — лапу, не хватало деталей и в деревянном кружеве с белым пламенем.

— Как ты осваиваешься? — спросил Локарис.

— Спасибо, все хорошо, — я поставила перед ним чашечку и торопливо спрятала изрезанные пальцы.

— Значит, тебя все устраивает, — мессир улыбнулся своим мыслям, отложил книгу и снял очки.

— Да, работа не сложная, есть время на себя. И живу в особняке.

Я вспомнила, что император позволил и мне угоститься чаем, наполнила вторую чашечку. С чего вдруг он проявил ко мне внимание?

Дракон рассматривал меня, но ничего не говорил.

— Говорят, вы готовите военный поход, — я нарушила повисшую тишину.

— Скорее визит к соседу-королевству.

— А зачем же армия?

— Это не Пути, я не могу здесь расхаживать один. Значит, ты вживаешься в мир?

— Да, Мэл здорово мне помогает. Я уже все знаю о модных домах, платьях и праздниках. В остальном спасает библиотека и старшая горничная — Милорада. Она очень умная женщина, каждый вечер рассказывает нам новости Империи и всего мира, — я запнулась. Похоже, болтливость Мэл была заразна. — Как-то так. Я работаю, читаю, иногда езжу с Мэл в Ишеб-Ревер.

— Хорошо. Я еще не решил, как долго продлится твой карантин, но я помню, что должен заплатить за твои услуги, — Дракон отпил чай, отставил кружку. — А пока я хочу, чтобы ты посетила со мной одно место. Будь у конюшен к десяти с двумя оседланными лошадьми.

— Да, мессир, — присела я в поклоне, не зная, что и думать.

К вечеру дождь прекратился. Кони переступали, цокая по мокрому бульжнику. Конюх, попыхивая скверной папиросой, объяснял мне, как садиться в седло. Если Дракон говорит что-то сделать, кого волнует, умеешь ты это или нет? Закон Путей, порядок Дракона.

Я как раз забралась на черную лошадку, как вышел император. Стало уже совсем темно, и обещанная Мэл плохая погода показывала себя во всей красе. В Империю входила осень, набухая низким темным небом.

Ехали мы долго, мимо большого озера с узловатым деревом, по кромке леса, раз мелькнули на горизонте очертания Ишеб-Ревера, а потом потянулось дикое поле. Дорога заняла два часа. Могло бы быть меньше, не окажись я в седле первый раз. Наконец, Дракон спешился и повел лошадь сквозь густую мокрую траву.

Я последовала его примеру, пружиня на уставших ногах. Но через несколько шагов замерла. Я впервые видела наяву то, что снилось мне каждую ночь. Вот сизое поле и трава до пояса, вот заросший высоким камышом пруд.

К коряге у воды мы привязали лошадей. Я стала подмечать и различия со сном. Вода хоть и была темна, но прозрачна, от нее тянуло влажной свежестью. И луна только росла — не вечное полнолуние, что освещало мои сны.

— Сорок лет назад здесь стоял храм. Будь осторожна, он в основном подземный, можно провалиться, — Локарис подал руку, я успокоилась, почувствовав тепло его ладони.

— За сорок лет, — продолжил он, — многое изменилось. В мире стало меньше энергии Хаоса, меньше концентрация Силы, связь между миром и людьми истончилась. Раньше женщины, жившие здесь, были настолько едины с природой, что могли обращаться в волков.

Мы дошли до развалин. Ни одной целой колонны, только их расколотые части, плиты и разрушившиеся стены, мрамор которых испещрен потемневшей резьбой.

— Одни считали жриц целительницами, другие — ведьмами; смотря кто что получал, придя в храм, — Локарис отнял руку. Без нее стало холодно. — Считалось, они видят судьбы. Судьба же каждой из жриц высекалась на стенах внутреннего храма. Вход в него закрыт. Тогда был закрыт...

Дракон остановился у разрушенной плиты. В густых тучах обозначилась прореха, и лунный свет коснулся зеленоватых вен мрамора. Я качнулась — запахло тиной и гарью, но никаких треножников, конечно, здесь не было.

— Только женщина может правильно увидеть и прочесть узор, — Локарис присел, провел рукой по резьбе. — Что-то вроде гадания на кофейной гуще.

Я подошла ближе. Рисунок начинался с глубоко вырезанных силуэтов волков. Они стаей неслись вперед, прыгали в переплетение длинных волос женщины. Эта женщина была главной жрицей, так как ее лицо изображалось крупнее остальных женских лиц — младших жриц.

— Это ее судьба, — я коснулась пальцами холодной щеки мраморного профиля, — руки жрицы обнимают храм, будто бы оберегая его и правя им, но смотрит она в другую сторону.

Отвалившиеся от плиты кусочки навсегда стерли какие-то детали картины, а их было столько, что, казалось, каждый завиток имел значение. Что-то виделось хорошо, а что-то только если внимательно присмотреться, что-то замечалось только краем глаза, что-то мелькало, пока перебегаешь взглядом дальше. Неслось, как жизнь, к концу плиты, к рисунку, что заканчивался, как и начинался, фигурками волков.

— Вот на эту фигуру мужчины она смотрит. Тут идет к нему, он показывает куда-то вдаль, но она озирается назад — на свой долг, свой храм.

История сама лилась из моих уст, а резьба скользила и менялась под пальцами. Было неважно, слушает ли Дракон мой рассказ:

— Здесь мужчина остается один, так как она выбрала долг, а не его. Тут мох... хотя, если не стирать его, то он похож на темную фигуру, что стоит за спиной покинутого мужчины. Эта фигура указывает рукой в сторону храма, а дальше мох и трещины, как темная лавина, идут к храму. Нет, уже к его развалинам. Если бы это был рисунок, а не мох, я бы сказала, что кто-то наслал несчастье на жриц и на этот храм. В развалины его превратили по приказу чьи-то люди, а не природа или случайные захватчики. По приказу того, кто рядом с этим мужчиной, кто руководит из-за его спины. И она, эта женщина, — я снова коснулась ее лица, скользнула по вырезанным волнам волос, — она так похожа на ту, что мне снится...

Мраморный локон порозовел под пальцем — я снова порезалась. Поднеся ранку к губам, я обернулась. Локарис стоял в стороне, спиной ко мне. Он вглядывался в поле, будто читая свою картину в выцветшей траве.

— Мы возвращаемся, — сказал он.

* * *

Локарис. Ишебская степь.

До выхода войск осталось еще одно дело. Локарис давно не вспоминал темное ремесло. Позвать духа мог любой, но удержать, заговорить и получить ответ только некромант. Медленно желтеющее поле, полвека не знающее ухода. Пруд, чья вода остается прозрачной и холодной, пронизанная родниками.

Улыбка, что так преображает женское лицо. Загорелые руки выжимают воду из густых пепельных волос. И солнце, и небо дарят их невзрачному от природы цветку едва заметный золотистый оттенок.

Дракону не требовались ни схемы, ни древние слова. Только жертву за связь с миром мертвых — Той гранью — приходилось платить. Он, не торопясь, докуривал сигарету, сидя у самого края берега. Никакого мрачного величия в вызове духа не было. Кровь полудракона стекала по локтю бледной руки в воду. Он мог проводить обряд и платить своей же кровью, ведь у него было две природы.

Достаточно воли и воспоминаний. Бледный образ Золанки замерцал над водой. Она была в белом, дымный шелк обвил ее фигуру. Потусторонний ветер, ветер из Той грани, взвил потоки серых волос. Серые же глаза нашли Локариса, пронзили. Дракон помнил эти глаза глубокими, улыбающимися. Он ничего не забывал.

— Зачем ты делаешь это, Золанка? Зачем перешла к нему?

— Когда я умерла, Адрамелех спросил меня: я ли навлекла беду на свой храм, я ли предала людей, верящих мне. «Я» был мой ответ.

— Мы оба знаем, что ты выбрала верный путь, когда отказалась от меня и осталась при храме. Что ты сражалась за него до последнего. Образ грустной женщины дрогнул, она хотела убежать, но некромант крепко держал ее дух, и она не могла не ответить:

— Я сама захотела к нему, Локарис... — Золанка качнулась в сторону Дракона, но жрица более не могла приблизиться к мужчине, к живому человеку. — Ежедневно мои руки до локтей обгрызают гиены, я смотрю на эти культы, Локарис, и знаю, что это лучше покоя

— все еще играть что-то в твоей судьбе.

— Ты не должна цепляться за меня. Ты должна обрести покой, опустить все.

— Но я знала, что только Адрамелех может позволить мне свидание с тобой. Что только он и сможет это устроить! Как было бы прекрасно: ты и я под эгидой Темного бога! Ты всегда думал, что я люблю тебя меньше — теперь видишь, это не так...

— Полно, — Локарис поднялся, подбросив в руке камень, чтобы кинуть его в воду и разбить изображение когда-то любимой женщины. — Эта девушка невинна, Адрамелех не может иметь над ней власти.

— Мы только снимся ей. Не прекрасно ли, Локарис, что ты тоже можешь увидеть меня в ее снах?

* * *

Айн. Резиденция Императора.

Резиденция стихла, осиротела. В ушах еще гремели барабаны, взывали трубы и печатали шаг солдаты имперской армии. Осень, смилостивившись, лишь заволокла все туманом, но придержала капли дождя.

Горожане собрались на центральной площади. Под радостные возгласы произнесли речь император, первый советник и военный министр. Все трое в камзолах государственного кроваво-красного цвета говорили с высокого балкона.

Микаэль диз Шедоу стоял по левую сторону от мессира. Его костюм украшали алая лента через грудь и множество медалей. На поясе бледно сверкала сабля. На черных волосах лежал тонкий венец из белого металла, три красных ярких камня были оплетены тонким узором. Только ткань, закрывающая лицо, не вписывалась в парадный образ, делая вид министра зловещим.

По правую сторону, опираясь на резную трость, стоял Зухас Андор. Его грудь, покрытую расшитым сукном, перечеркивала оранжевая лента, а медалей было не меньше, чем у военного министра. Седые волосы Зухаса стягивала в хвост черная лента, а его благородную голову украшал венец из темного серебристого металла с черными камнями. Зухас выглядел, как прирожденный правитель: пожилой, величественный, с мудрыми глазами, окруженными сеткой морщин.

Но Локарис выделялся среди своих помощников не только простотой костюма, который не украшали ни медали, ни ленты (закон все еще запрещал награждать метисов), а чем-то иным, неуловимым. Особой аурой, что витала вокруг него. Ее невозможно не почувствовать, даже стоя в толпе на площади. Он говорил — и все замолкали; город отражал его несуществующий голос, а каждое слово отпечатывалось в каждой голове.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Завершил парад верховный Отец Гуидо Дьяча, обратившись к безликим богам Арнбора. После толпа двинулась вслед за стройными рядами армии, а как та скрылась за туманным горизонтом, растеклась по теплым и сухим домам. У прислуги резиденции осталось чуть больше половины дня, чтобы вернуться и провести уборку левого крыла, закрыть покои и кабинет императора до его возвращения.

У меня гудели ноги и руки, но приятной усталостью. Рабике осталась в городе, у нее

был выходной, Мэл тоже отпра­сился, чтобы на­вестить названную тетку, так что спальня и ванная сегодня оказались только в моем распоряжении. Я отмокала в горячей воде, позволив себе роскошь в виде теплого вина со специями, не вылезая из этой самой воды. Я чувствовала особое удовлетворение от тишины, после стольких рабочих будней, когда постоянно была вынуждена находиться на виду у другой прислуги.

Отставила пустой бокал, выпрямилась, отжала волосы. Скрипнула дверь и я вздрогнула, в следующую же минуту улыбнулась сама себе — сквозняк. Пора выплывать, и в кровать. Я встала. Снова послышался скрип, теперь громче и продолжительнее, я повернулась к двери, задела полочку, булькнула вода, и мыльный кусок сам скользнул под пятку.

Высокий потолок подмигнул россыпью цветных пятен, гонгом дрогнула боль в затылке. Хорошо, хоть под воду не ушла. Я снова села в ванной, теперь уже осторожно. Потянулась к ушибленной голове и увидела, что расцарапала руку о сбитую полку. Ручеек крови сбежал по локтю и закапал в воду.

Случайность, неосторожность, глупость — но еще свежи в памяти кошмары и постоянные порезы. Дракон предположил, что какой-то мертвый бог проник в мои сны, и пытается таким образом вернуться к жизни. Локарис сказал, что, возможно, это случилось в лесу, в первые минуты перехода, когда разум и тело слабы.

Еще он сказал, что драконы охраняют сны. Только его присутствия достаточно, чтобы никто во всей резиденции не видел ни одного кошмара. Он почувствовал мои и обо всем догадался. Я не стала ему рассказывать про обряд Мэл, все же она была моей подругой, не хотела ее подставлять. Но была рада и его обещанию, что пока он в резиденции, снов не будет.

И кошмаров не было, я даже почти забыла про них. Но теперь император ушел, и никто не мог защитить мои сны.

Она не произнесла ни слова ни в одном сне. Безмолвствовала и в этом. Но что-то было иначе.

В прошлом испуганные и зачарованные сном глаза сейчас светились азартом. Ее больше не заставляли мучить меня. Она решительно приблизилась под неистовый треск огня и завывания своей звериной свиты.

Холодные пальцы жрицы сжали мои руки подобно стальному обручу. Запахло сырой землей, мокрыми камнями, словно мы оказались в подземелье, в склепе.

Я помнила каждую деталь круглой залы. Жар треножников плавил стены, искажая рисунки судеб. Женщина отпустила меня. Я ждала, что она снова станет угощать волков моей кровью, что я снова буду задыхаться от тухлой озерной воды. Но жрица стояла, не двигаясь, разглядывая меня.

Не надеясь, что моя мучительница ответит, я крикнула:

— Почему я?!

Жрица замерла, вслушиваясь, будто я была так же далеко, как Локарис, подглядывающий чужой сон. С ее зверьми случилась метаморфоза, и вот уже не волки, а рыжие гиены, хищно скаля морды, окружили ее.

— Где твои жрицы? Почему гиены? Разве это твоя вера?!

— ЗАМОЛЧИ! — грохнуло в моей голове, и стены храма дрогнули.

Сильный удар отшвырнул меня в тень. Я не почувствовала боли, лишь то, что больше не могу произнести ни звука. Но женщина стояла, не двигаясь. Она по-прежнему вслушиваясь

во что-то, кто-то говорил с ней, кроме меня. Тот, кто запер нас в кошмаре?

Очнувшись от оцепенения, жрица шагнула ко мне. В одной ее руке появилась черная тонкая игла, в другой небольшая пиала. Я бы побежала, но не могла даже подняться с пола, руки и ноги словно отнялись.

Жрица разомкнула бледные губы, и я взмыла в потоках горячего воздуха. Она раскинула руки, и меня понесло в ее объятия.

— АННА!

Черная игла ожгла шею болью, зашипела черная краска в пиале, въедаясь в кожу.

— АННА...

Ослепительно вспыхнул огонь, и тонко взвыли гиены.

В следующее мгновение я бежала по полю. Трава плыла под лапами мягкими волнами.

Какая скорость, какая свобода! Безумие и горячая жизнь!

Ветер перехватывал дыхание, шелком стелилась серая шкура, а мощные лапы с силой отталкивались от земли.

* * *

Андер. Пограничные земли.

Лагерь эйтинского войска.

В полотно шатра ударялись звуки гуляния. Пьяные выкрики «слава командиру!», смех шлюх, неверные шаги в траве и тяжелые вздохи трезвых постовых. Солдаты гуляли в честь его дня рождения.

Но молодой командир не покидал шатра, изнывая от злости и скуки. Он устал кочевать в надежде перехватить послов Локариса в Рорса-Бер, или послов Айлипина в Империю, а может, даже самого драконьего выродка. Он устал жечь костры в степи, пока его братья оставались в Эйтине и лизали зад отцу. Какой у него шанс на трон, имея трех старших братьев? Какой шанс напасть на отряд Локариса?

Ни одного! Андер швырнул бокал вина, сшиб ногой кувшин у кровати, и тот разлетелся осколками, расплескав бордовый напиток. Только капли успели сверкнуть в свете треножников.

Негодование пьянило хлеще вина. Он вывалился из шатра, зло оглядывая гуляющих солдат. Многие ему в отцы годились, а некоторые шлюхи в бабки. Вэрейдер Бин неожиданно налетел на него, принялся путано извиняться, Андер лишь отмахнулся. Он думал, молил, чтобы ему попался кто-то, на ком сорвать злобу.

Ночь вспыхивала кострами, красными лицами, пьяными ухмылками. Небо снизилось, почернело, покрылась инеем трава. Кучка кавалеристов зашумела деревенской песней, кто-то подхватил напев, кто-то, наоборот, замолк. Тут среди их темно-синих камзолов мелькнуло создание, которое сначала Андери показалось видением.

Белый очерк лица, огненный локон. Кто-то бросил в костер палку, взметнулись искры, и морок пропал. Молодой командир подошел к кавалеристам, ему тут же налили, загремели поздравлениями. Андер порывисто выпил, взглядываясь сначала в ночной мрак над полем, потом снова в группы солдат. Теперь незнакомка мелькнула бронзовой гривой около его шатра, будто бы сверкнула зеленым глазом, маня.

Невысокая, юркая. Вот он видел ее, а вот уже нет. Андер вернул опустевшую кружку, пошел к постовому, уж не ему — командиру, за шляхами ходить.

— Что за девка рыжая тут ходит? С Ирейских деревень увязалась?

— Не знаю, господин. Не видел.

— Ну, так найди! Найди и приведи ко мне!

Постовой поклонился, растерянно окинул взглядом лагерь, пошел искать. Андер оглядел второго солдата, потом пошел за шатер, может, девица за него и ушла, рядом же стояла. И действительно, тут она. Совсем молода, почти белая в синей тени, тяжелые локоны и глубокие, нереальные глаза.

Он поманил ее рукой, незнакомка улыбнулась, не двинулась. Но только Андер подумал, что ударит ее, если она не подчинится тут же, как девушка подплыла ближе, снова мелькнула полоска ее белых зубов.

— Идем, ты замерзла, — сказал он.

Он завел ее в свой шатер, махнул постовому, чтобы больше не искал. Девушка продолжала улыбаться, отстраненная полуулыбка просто не спадала с ее лица. Пусть дура, думал он, зато мила.

— Иди сюда, к треножникам, погрейся, — он сел на кровать, налил вина и подал девице, но она не обратила на него внимания.

Ходила по шатру, осматривалась. Скользнула пальцами по разложенным на столе картам, толкнула красное яблоко с подноса, потом остановилась там, где треножник отбрасывал тень, и эта тень перечеркнула ее молодое лицо.

— Ну же, возьми, — Андер качнул бокалом. — Пей!

Девушка послушалась, подскочила, выпила залпом вино, и, улыбаясь уже шире, посмотрела на него. Зеленые глаза светились безумием, Андер и сам его чувствовал. Он попытался схватить ее, но девушка легко выдернула руку из его пальцев, шмыгнула снова в тень.

— Откуда ты? Я не видел тебя в лагере, — командир сжал кулак за спиной, задышал ровнее. Он не понимал, что с ним происходит, почему ярость горячей волной окатывает его, туманит мысли. Он принимал ее за страсть.

Девка молчала, лишь смотрела на него зелеными бесовскими глазами.

— Иди сюда... — зашипел он.

Она возникла совсем близко, склонилась к его лбу, но не коснулась. Жаркое дыхание тронуло его кожу, воспламеняя ярость. Андер захотел схватить ее, но не смог поднять рук. Незнакомка стояла так близко, она была единственным, что могло потушить пожар, но не давалась.

— Убью, если не подчинишься... — в горле пересохло. Девушка отвернулась, только лукаво посмотрела на него через плечо. — Иди сюда! — крикнул Андер.

Он вскочил, руки и ноги снова слушались его. Кинжал сам оказался в сильной ладони. Девичья улыбка стала растерянной, зеленые глаза испуганно моргнули, а он с наслаждением вонзил клинок в ее мягкий живот. Четыре удара, и ни одного вскрика.

Шальная буря ярости тут же утихла, смылась теплой кровью. Он упал на колени, ощущая абсолютное умиротворение и не замечая четыре раны в собственном животе и торчащего кинжала.

Огромный серый зверь вырвался из палатки командира, сбив с ног постового. Второй

солдат вскинул ружье, но волк уже бежал среди костров. Кавалеристы повскакивали, схватились за оружие, кто-то уронил в огонь треногу для котелка, и в воздухе залетали искры. Послышались первые выстрелы, но пока волк скользил среди однополчан, многие не решались палить. Вот зверь вырвался в поле, и ночь грянула нестройными залпами. Еще какое-то время воздух волновался криками и руганью, удивлением, а потом кто-то засмеялся — занесло же бедолагу в лагерь, должно быть, еле живой от страха убежал.

Упустили, жаль. Откуда выпрыгнул этот серый демон? Постовой сказал, из-за шатра, второй заспорил, что на самом деле из шатра. Позвали командира, тот не ответил, припомнили, что господин там не один.

Послышался треск, и из шатра пыхнуло жаром. Тут уж разом откинули тяжелый полог, ворвались внутрь. Упавший треножник поджог звериные шкуры, устилавшие землю у ложа принца, огонь добежал по покрывала, потом до матерчатых стен.

Сам Андер стоял на коленях у кровати, посреди беснующихся языков пламени, с торчащим в животе кинжалом, а в мертвых глазах застыло облегчение.

Молодую волчицу спас утренний туман. Молочная густая пелена приняла серебристого зверя, как своего. Волчица бежала долго, ведомая неизвестной ей силой, эта же сила берегла ее от дробы и пуль. Под большими лапами плыла замершая земля, а воздух вырывался из пасти белыми лоскутами.

Она остановилась, ноги устали, они дрожали, путаясь в высокой траве. Волчица втянула носом утренний воздух, легла и увидела первые снежинки, маленькие и колючие. Но надо бежать дальше...

Вдруг она почувствовала запах конского пота, почувствовала людей. Она знала, что трава не скроет ее, что единственная надежда спастись — бежать. Она вскочила, кинулась к лесу.

Всадник в черной повязке на лице вскрикнул, прищурился, поднимая арбалет, и удача покинула волчицу.

* * *

Майкл. Пограничные земли.

Лагерь имперских войск.

Он держал ее легко. Волк весил будь здоров, но девушка была не тяжелее ребенка. Одной рукой он придерживал древко арбалетного болта, чтобы накинутый на тело плащ не тревожил его. Пальцы Майкла чуть касались холодной груди, скрытно, под покровом черной ткани.

Иден — военный целитель, Майкл пригласил его заранее, но пока просил стоять на улице, придерживал полог императорского шатра, и военный министр, пригнувшись, прошел внутрь. Рассвет только обозначился на горизонте, но Локарис уже бодрствовал.

— У меня для тебя подарок! — хрипло сказал Майкл. Он знал, что император почувствовал еще до того, как он вошел, кто лежит на его руках. Или почти «что», ибо последние капли жизни испарялись из замерзшего тела.

Но знание одно, другое — увидеть. Дракон быстро освободил стол от карт, бумаг и

пустой посуды, и Майкл осторожно опустил девушку на полированное дерево. Откинул полу плаща и сам почувствовал некоторый отклик внутри.

Девушка не казалась живой. Ее и так белая кожа приобрела глубинный синеватый цвет, иней опушил ресницы, губы. Он же покрыл рыжие спутанные локоны, что одной волной искрились, другой распадались медью. Чуть выше аккуратной невинной груди торчал арбалетный болт, черным металлом порочащий гладкую кожу. Майкл подумал о бабочках и булавах и с трудом сдержал ухмылку.

— Я был на утреннем обходе. По югу, через поле, — сказал он, доставая сигарету. — Вдруг вижу огромного волчару. Стреляю, и, видно, попадаю как раз в тот момент, когда он обращался обратно в девку. Попал в сердце, но, если бы не обращение, попал бы ровнее.

Майкл коснулся корочки зелья, которым сразу закрепил болт и остановил кровь, задел влажную кожу. Иней медленно превращался в маленькие капельки. Сначала над приоткрытыми губами, там, где его касалось почти незаметное, умирающее дыхание. Потом заблестел лоб, линия шеи, волосы.

— Она еще жива. Сможешь извлечь болт? — спросил Локарис. Он взял шерстяное одеяло и накрыл ноги и живот Айн. Шепнул короткое слово-заклинание, и над маленькой девушкой вспыхнули яркие сгустки света. Капельки заискрились зеленым.

— Снимешь карантин? — Майкл глубоко затянулся, касаясь влажными пальцами изуродованных губ. Он держал сигарету той рукой, которой фиксировал болт, от нее остался чуть заметный след на груди Айн. — Я хочу вернуться в CBS.

— Я не обсуждаю этот приказ. Принимайся за операцию, — Локарис не смотрел на него, он вышел из шатра, Майкл знал — чтобы позвать кого-то из целителей, но там уже стоял Иден.

Военный министр ждал, он сделал еще две нервных затяжки, пока Дракон не видел его. Девичье тело на столе казалось покинутым, оно манило, поблескивая в свете огоньков, и призывно торчало черное древко. Там, под посиневшей кожей, словно тающей хрустальной оболочкой, замедлялось течение крови, глохли удары сердца.

Майкл был удивлен, что девчонка Кестра оказалась в мире Локариса. Чего уже говорить о том, что она сейчас лежала в его шатре, а до этого серым зверем выскочила из высокой травы. Он слышал, как Дракон попросил Идена принести чемодан Майкла с инструментами. Значит, Локарис не сомневался, что Майкл сделает операцию.

Вот он вернулся в шатер, и военный министр привалился плечом к деревянному столбу, поддерживающему матерчатый свод. Теперь Майкл курил не спеша, словно маленькое тело уже не звало его, неожиданно женственное, несмотря на хрупкость.

— У меня зачарованные болты, ни один лекарь ее не излечит, пока не вытащишь эту штуку, — Майкл ждал, во что бы то ни стало, он должен был получить свое. — Но сердце, Локарис... это слишком сложно, а у меня нет условий.

Иден принес чемодан, Локарис сам раскрыл его, нашел нужный пузырек. Целитель тем временем подготовил миску с водой, Дракон вылил в нее зелье, обмыл руки, а потом смочил ткань и подошел к Айн. Локарис не торопясь, легко касаясь корочки у древка, протер кожу у ранки. Он постепенно увеличивал площадь, стирая капли, частички земли и мелкие травинки. Майкл сглотнул, но не двинулся.

Наконец, Дракон сказал:

— Я снимаю карантин.

Майкл мысленно присвистнул, Локарис пошел на такие уступки из-за девчонки. Вот это

загадка!

— Поработаем, — сказал он, туша сигарету. Лениво подошел к столу и склонился над девушкой. — В левый желудочек вошло. Обращение спасло ее, перекрыв кровотечение новыми мышцами.

Министр стянул с рук перчатки, скинул плащ. Засунув концы длинных волос за ворот камзола и засучив рукава выше локтей, он подтянул ближе чемодан с инструментами.

— Постарайся справиться, — откупорив новую баночку с зельем, Локарис обновил воду в миске, подал лучшему в этом мире хирургу.

Майкл уже не обращал на него внимания. Он тщательно омыл руки, скользнул пальцами музыканта по зачарованным скальпелям и инструментам. Потом, в тот момент, когда Дракон отвернулся, он без всякой надобности для операции повернул голову девушки на себя. Под оттаявшими ресницами только чуть виднелась замутненная зелень глаз, но министру хотелось думать, что она сможет видеть, как он будет оперировать.

— Приступим, детка, — шепнул Майкл, облизывая губы.

Он весь погрузился в работу. Иногда он прикрывал глаза. Не тогда, когда резал, а лишь пролетая точной рукой над набором инструментов, но эти мгновения приносили не меньше удовольствия, чем острый металл, рассекающий плоть. Музыка, своя особенная, недоступная никому другому, лилась, взлетала и падала в голове Майкла, набухала глубоким мотивом, погружая в транс.

— О, никто не будет глубже, чем я. Никогда... — приговаривал он, обращаясь к бледным векам, к белой полоске влажных зубов. Ему казалось, что губы девушки раскрылись больше, что она не одной ногой за Той гранью, а что здесь. Что, наоборот, так близко к нему, как только можно, ведь под его пальцами билось ее сердце.

Ядовитый, теплый от впитанной жизни болт лег на стол. Майкл услышал, как облегченно вздохнул лекарь, как полилась его исцеляющая сила и как закипает в нем самом волна ревности. Теперь их стало трое. Даже четверо, потому что даже в самом глубоком транс, даже в другом мире, всю жизнь он ощущал за спиной тень Дракона.

— Расскажешь, где она успела отхватить себе лапы и хвост? — скучаяще спросил Майкл. Пьянящая музыка в голове стихла, теперь было слишком много слушателей для мелодии чудом спасенной жизни. — За что люблю наш мир, так за то, что с пятком зелий можно оперировать хоть на помойке ржавой вилкой — развязывает руки.

— Лапы и хвост... — Локарис подошел к столу, отвел с шеи Айн волосы, и Майкл увидел небольшую черную руну. — Это знак, которым Золанка метила жриц, способных обращаться.

— Золанка? Вот это неожиданно, — Майкл и вправду удивился. Когда он первый раз увидел Айн, подумал, что судьба еще сведет их вместе. Что-то было в неприметной на первый взгляд девушке, какая-то необъяснимая избранность. — Иден, дальше я сам, спасибо, — сказал он целителю.

— Мой император, господин Микаэль, — Иден поклонился и, не задерживаясь на то, что бы омыть руки, покинул шатер, понимая, что дальнейший разговор правителя и министра не для его ушей.

— Ее с месяц мучили кошмары. Я думал, что один из дохлых божков кинулся на беззащитный разум. Потом посмотрел ее сон и увидел знакомых персонажей, — Локарис, перестав наблюдать за тем, как Майкл сшивает рану, закурил. — Во сне Золанка раз из раза приносила ее кровь в жертву, потом травила ее. Можешь посмотреть на ее руки — немало

порезов, так что наяву она продолжала терять кровь. У меня не было времени, чтобы устроить следствие, понять, что за ритуал они использовали.

Майкл не поленился, посмотрел на тонкие пальцы девушки. Они не спешили приобретать цвет, полагающийся живому человеку, а ранки от порезов потемнели. Он перевел взгляд на Дракона, ухмыляясь, спросил:

— Не было времени? Пожалуй, ты просто давал беде набрать силу. Ведь не интересно душить загадку в самом ее начале. А, Локарис?

— Перед отъездом я призвал Золанку, — император как обычно проигнорировал провокационный вопрос. — Я узнал, что душу Золанки прибрал Адрамелех и извратил ее память. Она не может получить покой, пока Темный бог не завершит партию. Увы, партия касается меня, и у него ничего не выйдет. А так, они, не торопясь, привязали Айн к себе до той степени, что та позволила им обратить ее во сне.

— Что ж, лапы и хвост ты объяснил. Зачем я возвращаю к жизни ту, что теперь на стороне Адрамелеха, тоже понятно, — Майкл не перестал накладывать швы. — Но Адрамелех быстро делает свое дело. Каким будет его следующий шаг? Не проще ли избавиться от нее? Пускай составит Золанке компанию.

— Да, две мертвые женщины в услужении Адрамелеха, гуляющие по снам, мне будут кстати, — затушив сигарету, Локарис бросил окурок в один из треножников, ночами согревающих шатер. Видя, что Майкл почти завершил операцию, он сам взял небольшую медную миску, вылил в нее воды, добавил чуть травяного отвара и подал министру.

— Конечно, девка, которая в любой момент может стать причиной твоего скорого визита за Ту грань — это интересно! — Майкл обмыл руки, высушил ладони полотенцем, а Локарис сменил воду и стер кровь с груди девушки.

Майкл подумал, что снова ходит по краю пропасти, снова говорит лишнее. Он собрал инструменты и добавил:

— Пусть Иден еще немного поворожит, нужно избежать переохлаждения.

— Да. Встретишь моего слугу, скажи, чтобы ей организовали место в моем шатре. Нельзя оставлять зверя без присмотра.

— Да, мой император, — министр улыбнулся. Накрытая одеялом девушка уже не интересовала его, пока ему хватило, но вот болт, так и не обмытый, он взял себе.

* * *

Айн. Пограничные земли.

Лагерь имперских войск.

Я плакала. Теплая влага скользила по щекам, убегала к вискам. Еще не открыла глаза и не знала, плачу во сне или уже наяву. Я не хотела их открывать, только надеялась, что ни Рабике, ни Мэл не застанут меня за этим.

Потом вспомнила, что девушки на выходных, и я в комнате одна. Удивилась, как громко стрекочут кузнечики, никогда еще их не было так слышно в открытое окно. Потом к стрекоту прибавилось тихое потрескивание, новый, не домашний, запах — костров, природы, горячих хвойных углей.

Вздыхнула глубже нагретый воздух, и резкая боль пронзила грудь. Я подавила стон и

задержала дыхание. Появились новые звуки. Кто-то ходил поблизости, и под его ногами поскрипывала мерзлая трава. От него пахло порохом, табаком и сеном. Потом я слышала и других людей и их нестройные разговоры, где-то похрапывали лошади, трещали костры. Меня будто ничего не отделяло от них, лишь какая-то тонкая завеса.

Я открыла глаза. Надо мной нависал темный матерчатый потолок, его держали деревянные распорки и шнуры. Осторожно, боясь разбудить боль в груди, я повернула голову: такие же матерчатые стены, небольшой закуток будто бы походного шатра. У узкой кровати, на которой я лежу, хвойный жар маленькой печки с углями.

Где я? Как тут оказалась? Я точно помнила вечер в резиденции: перевязала царапину на руке, выпила еще бокал вина, чтобы прогнать страх, и легла спать...

Совсем близко послышался томный стон, прошуршал мягкий женский шепот. Незнакомка сказала несколько слов, но ее оборвали. Я услышала знакомый голос:

— Майре, распорядись о горячей воде.

Одна из стен отодвинулась, впустив волну свежего воздуха, в комнатку прошел Локарис. Я увидела, как в проеме тканевых стен с постели поднялась женщина, это ее стон и страстный шепот я слышала. Натянув платье на голое тело, Майре бросила в мою сторону взгляд и вышла из шатра.

Локарис сел на край лежанки. Он собрал рукой темные волосы, разметавшиеся по плечам, нагнулся и стер влагу с моих щек. Его пальцы прямо пахли «Цветами Итала» — дешевыми женскими духами, которые можно купить в любой лавке.

— Где я? — паника натянулась струнами, грудь снова сдавило.

— В безопасности, — ответил Дракон, и я тут же успокоилась. — Тебя нашел Майкл. Он по ошибке ранил тебя, но все уже хорошо. Боль в груди скоро пройдет. Лечат по-военному быстро, к утру уже сможешь прогуляться по лагерю.

Много слов для Дракона, а это ничего хорошего не предвещает.

— Локарис... — имя императора застряло в пересохшем горле.

— Сейчас, — Дракон вышел в большую комнату, взял со стола кувшин воды и вернулся, чтобы напоить меня. Потом отодвинул подальше от постели печку, слишком уж нагрелся воздух. — Не торопись, я помогу.

— Я немного потерялась во времени и событиях...

— Это непросто будет принять... — Локарис сел удобнее, рукой оперся на край лежанки. Его тень зыбким контуром затрепетала на мне, так же беспокойно, как дергался магический огонек за его спиной. — Дело в жрице — в Золанке.

— Она снова снилась мне...

— Ты уже знаешь ее историю?

— Вы любили ее...

— Давно. Золанка была сильнейшей жрицей природы, но смерть сломила ее дух. Она не смогла уйти за Ту грань и осталась на стыке сущностей.

— А что случилось со мной?.. — мой взгляд гулял по груди Дракона, его широким плечам, шее, но взглянуть в лицо я не могла. Навязанное чувство покоя мешалось с ощущением, что я стою на краю пропасти, и меня вот-вот закружит вихрь силы полудракона. Удивительно, как эта Майре делила с ним постель, волосы ему распустила, шептала что-то...

— Метка Зосмит — волчьей богини. Золанка наградила тебя вот таким знаком, — Локарис повернул голову, показывая рукой — на его шее, ближе к затылку, виднелась

небольшая черная руна. С распущенными волосами такое тату и не заметить.

Теперь я вспомнила и острую иглу в руке жрицы, и пиалу с черной краской. Непонятный угловатый знак на бледной коже Дракона темнел недоброй печатью, и я чувствовала, как горит он и на моей шее.

— Мне она досталась на память, — Локарис отпустил волосы и снова смотрел на меня, — а тебе как знак и способность. Теперь у тебя есть зверь.

— Зверь?

— Да. В мире Силы твоя сущность теперь — зверь. Волк. Он будет иногда выходить и заменять тебя, но я научу это контролировать. Все объясню, но потом. А сейчас тебе нужно отдохнуть. Он поднялся.

— Я не хочу так, не хочу зверя...

— Ты должна отдохнуть, все завтра.

У меня не было сил спорить. Меня утаскивала в сон воля Дракона, она же укутывала теплым покрывалом, дарила чувство мнимой безмятежности. Локарис стоял великаном у откинутого полога, магические сгустки света множили его тень, а за его спиной мелькнула фигура Майре.

Но что-то сила мужчины не могла заглушить, не могла прогнать. Того, что было со мной всегда.

— Обнимите меня, — попросила я и испугалась, что он так и сделает.

Дракон склонился и легко коснулся моего лба губами:

— Не будем тревожить рану. Спи. Утренний холод пробился под одеяло и прогнал сон. Вчера, засыпая после разговора с Драконом, я думала только о том, что хорошо бы проснуться через вечность — другую, когда все само собой разрешится. Ну, или начать новое утро, крикнув, как я устала от выкрутасов судьбы, и, что все, хватит.

Но сейчас я потянулась на лежанке, прислушалась к себе, и поняла, что ничего подобного не хочу. Наоборот, я ощущала какое-то странное воодушевление. Слышала, как звенит посудой и басит мужскими голосами лагерь, как переступают по мерзлой земле копыта коней. Казалось, я могла сосчитать каждого солдата и каждую лошадь.

Я села, откинув одеяло, и даже не вздрогнула от осенней прохлады, хотя ничего, кроме белой повязки на груди, на мне не было. И боли не было — я повела плечом, махнула рукой — словно ранение тоже только сон. Под бинтами оказался маленький розовый шрам, такой аккуратный, будто с операции прошла пара месяцев.

Ступни защекотала жесткая шкура на полу, я встала и снова потянулась. Что это? Радость от того, что осталась жива? Но до меня до сих пор не дошло, что я могла умереть. Все прошло слишком легко, я не помнила ни ранения, ни операции. Только слова Локариса о жрице, звере и свою глупую просьбу обнять меня. Тьфу, и как теперь реабилитироваться в глазах Дракона?

На постели лежала нехитрая одежда, которую слуге императора удалось для меня подобрать. В двух вариантах. И первым было теплое простое платье одной из женщин, сопровождающих армию. Я даже не стала разворачивать этот сверток темно-синего сукна. Зная о стати имперских женщин, я могла поспорить, не глядя, что платье будет висеть на мне во всех возможных местах, а подол окажется длиннее сантиметров на тридцать той длины, которая была, если не удобна, то хотя бы не смешна.

Второй комплект стал коллекцией «с миру по нитке». В нем не было ни одной вещи, сколько-то подходящей мне по размеру, но был огромный плюс — штаны. В жизни бы не

подумала, что буду скучать по любой нелепой, неудобной, но имеющей две штанины вещи. Льяная рубашка, шерстяная жилетка и великоватый камзол. Я надела все, кроме жилетки, и вышла из комнатки.

Для меня переделали место личного слуги императора — Симена, а ему пришлось переселиться в комнату Майре, как я поняла, личной женщины его величества. Ей же пришлось отправиться в палатки к своим товаркам.

Комнатка плотно примыкала к большой, где, как и в резиденции, «покои» Локариса совмещали в себе спальню, кабинет, и столовую. Симен должен был слышать любой приказ господина и при надобности быстро появляться в его комнате. Но не я, так что полог еще вчера прибили, и выйти из шатра можно было только через небольшой коридорчик, через который императору подавали еду.

Я остановилась у столика, мое внимание привлекло яблоко. Оно лежало между пустым кувшином и тарелкой с сухой лепешкой. Яблоко... Не то, чтобы хотелось съесть его, просто эта краснота показалось особенно знакомой. Глупость. Я тронула его, и оно покатилося, уперлось в кувшин. словно не так давно уже стояла вот так вот у стола...

Дежавю, не иначе. Я взяла фрукт — будет завтраком, и вышла из шатра. Пегие палатки лагеря лежали по обе стороны широкой, разъезженной дороги и до самого подножия темного леса. Рядом с императорским шатром дымили два костра. У одного, почти потухшего, солдат седлал понурую лошадку. У другого, над которым грелся черный котелок, сидел солдат помоложе и что-то штопал.

Я пошла ко второму костру, точнее к котелку, меня вдруг одолела жажда.

— Стой! — крикнули слева, и я замерла.

И зря. Кричал солдат вовсе не мне. Ни с того, ни с сего, его дремавшая лошадь очнулась и взвилась на дыбы, вырвала повод и бросилась на меня.

— Стой!

Я пригнулась, не надеясь отпрыгнуть в сторону, но разве это могло помочь? Подковы блеснули над головой, я зажмурилась, но тело оказалось проворнее, сама не ведая как, я отскочила и тут же встретилась с обтянутой сукном грудью солдата.

— Боги, она чуть не убила тебя! — кольцо крепких рук сомкнулось на моих плечах и не спешило разжиматься. — Берт, как так можно?

— Простите, — первый солдат поймал беглянку и вел ее обратно, виновато поглядывая на меня. — Адрамелех ее разбери, не знаю, что на нее нашло! Я спокойнее кобылы не встречал. Простите.

— Да ничего, все обошлось, — я высвободилась из мужских рук. — Сама виновата, встала, как...

— Ты Айн, не так ли? — перебил солдат. Его русые с рыжеватым оттенком волосы чуть вились и складывались в забавную хаотичную прическу. Он не был похож на имперца ни стрижкой (мужчины почти все носили длинные волосы), ни светлым обликом.

— Вроде как, — я пожала протянутую руку.

— Чарли. Мессир просил позаботиться о тебе, если ты выйдешь из шатра. Ты очень ловкая, просто удивительно, как ты выскочила из-под копыт. Испугалась?

— Нет, — я почти не соврала.

— Я сам знаю Берта и его кобылу, эта парочка спит на ходу. Боги знают, с чего Сизая так взвилась, — Чарли улыбнулся, так же виновато, как и Берт до этого. Но я не купилась, ясно тут все — Дракон велел приглядеть за мной, а меня чуть не сбила лошадь в трех шагах

от шатра. Наверняка этот юноша так же заискивал перед Локарисом, как и другие.

Чарли подобрал с земли брошенный плащ:

— Угощу тебя чаем, садись. Он на травах, рецепт мессира. Пробовала? — он осмотрел плащ, потом землю.

— Иногда мне кажется, что я только его и пью, — я села на деревянный ящик. — Не это ищешь?

— О, прости!

Я вытащила из блузы иглу и отдала Чарли.

— Наверное, она зацепилась за рукав, когда я к тебе побежал. Извини.

— Ничего, я последнее время просто магнит для всего колюще-режущего, — я улыбнулась, и напряжение спало с лица парня.

— Обычно я тоже менее неловок, — он сложил плащ и зачерпнул кружкой чай из котла, протянул мне. — Завтрак для первого раненного. Каши?

— Нет, спасибо. Не очень-то звание выходит — первый раненный. Почти как почетный неудачник отряда или младший невезунчик второго ранга, — жестяная кружка согрела ладонь, дорожный чай знакомо пах травами.

— Ну, что ты, никто не считает тебя неудачницей.

— А все уже знают обо мне?

— Благодарю за это Майре. Ее попросили съехать из шатра императора, когда тебя привезли, — Чарли все же подал мне плошку с кашей. — Просто не попадайся ей какое-то время на глаза. Майре истинная дочь империи, на войне она чувствует себя так же спокойно, как и в покоех. А вспыхивает, как порох.

— Я не боюсь ее, — я отставила кружку и вытащила из кармана яблоко. — Вот, с императорского стола, в благодарность за завтрак.

— Благодарю, — Чарли подкинул яблоко, поймал и надкусил.

— А сам ты не больно-то похож на имперца.

— Не меньше, чем ты. Но я не буду спрашивать, откуда ты. Дела мессира, только его дела.

— Прекрасная политика!

Каша мне понравилась не меньше чая, который я уже множество раз пробовала, но сегодня он был по особенному вкусен. Пару минут назад я совсем не хотела есть, но вот с удовольствием расправилась со всем завтраком.

— Мне нравится твой облик, — сказал Чарли. — Необычно для этих мест.

— Эй, осадил. Я еще не забыла иглу в сердце!

— Да, такой промах нельзя прощать. Но я попробую заслужить прощение. Хочешь, я покажу тебе лагерь? Мессир все равно вернется только к вечеру.

— Ну, если я выживу после экскурсии, почему бы и нет?

Чарли, несмотря на свою молодость, оказался в большом звании, и не просто лейтенантом императорской армии, а членом какого-то особого ордена. Видно, поэтому он, никуда не спеша, беседовал со мной, прогуливаясь по лагерю. Смеясь над его историями, я почти забыла о происшествии с лошадью и о том, как нелепо началось наше общение. Я просто наслаждалась светлым и легким человеком, как наслаждалась поначалу общением с Мэл.

— Вообще, несмотря на то, что я второй по рангу после главы в «Белых львах», я не совсем настоящий белый лев, — рассказывал Чарли о своем ордене. — Белыми львами стали

те, кто участвовал в восстановлении Империи.

Он потер рукавом значок на камзоле: белую львиную голову с курчавой гривой. Эта голова не раз встречалась мне на гербах и в узорах в Ишеб-Ревере. Вспомнилось и кресло Локариса — извечная борьба львов и черных драконов в резьбе.

— Зухас Андор, должно быть, главный ветеран? — я видела такой же значок и у бывшего учителя Локариса.

— Да, именно так. Зухас падок на пафосные названия, но если копнуть поглубже, то благородных «царей природы» среди членов ордена мало.

— Думаю, что все подвиги у тебя еще впереди, — я хотела улыбнуться искренне, но Чарли покачал головой и серьезно сказал:

— Нет, с меня хватит. Я навоевался, — голубые глаза пустили только чуть печали, но через мгновение Чарли снова улыбался: — Я скучаю по родине. Не по каменной столице, а по югу материка. Там зимы мягче и девушки нежнее. А как у тебя на родине?

— Ничего особенного... Я — перекасти поле, дом для меня странное понятие.

— Это звучит печально. Будешь в Ишеб-Ревере, заходи в мой новый дом. А сейчас, — он махнул в сторону шатра императора, мы сделали по лагерю круг и сейчас снова оказались у двух кострищ, — я должен идти. Рад знакомству. И всегда готов услужить мессире.

— Передам ему, — буркнула я и повернулась к шатру.

— Нет, стой. Боги, я не то имел в виду, — Чарли взлохматил свою соломенную челку, — я рад знакомству в любом случае! — и совсем тихо добавил, — А не будь в условии мессира, был бы рад еще больше.

Он порывисто, по-военному поклонился и зашагал прочь. Что это было? Со мной заигрывали? В любом случае, сейчас стоит думать не об этом. Прежде всего, надо разобраться, кто я теперь. А потом, сразу же, как вернусь в Ишеб-Ревер, серьезно поговорить с Мэл — с нее-то все и началось!

Я обошла шатер, чтобы через задний коридорчик попасть в свою комнатку, и отчего-то мне показалось, что я уже так делала. Снова дежавю, никаких шатров я никогда не обходила.

— Айниппа, — Симен, слуга Локариса, держал большой кувшин. Мы оказались у входа одновременно. — Я сбился с ног, разыскивая вас!

— Извините, я этого не знала.

— Майре — девушка, которая была тут до вас, не покидала шатра. Тем более, для общения с солдатами.

— Вот как, — я не смогла скрыть раздражения, слова сами полились. — Так зачем вы меня искали? Чтобы отчитать словно я тут мальчик на побегушках? Вам стоило сначала узнать, кто составлял мне компанию в прогулке. Более того, по просьбе мессира.

— Простите, — Симен растерялся, склонил голову, я и сама не ожидала от себя такого тона. — Я лишь хотел дать вам добрый совет. Мессир просил привести вас. Мне подождать, когда вы переоденетесь?

— Нет, ведите к нему.

Слава богам — пришло время ответов. Симен провел меня через улицу к императору, но на входе мы столкнулись с Майклом. Военный министр оказался так быстр, а его действия столь неожиданными, что я не успела и слова сказать. Он приобнял меня, склонился, прижавшись к волосам, втянул носом воздух. Шепнул на ухо:

— Моя маленькая убийца.

В следующее мгновение помощник Дракона уже шел прочь. Симен незаметно исчез, не

знаю даже, застал он эту сцену или нет. Я поспешно прошла в шатер, Дракон стоял у стола и сворачивал карту.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Близка к безумию, все по плану, — я нервно улыбнулась.

Вчера я попросила его обнять меня, сама не знаю, как мне пришло это в голову. Возможно, дело в его Силе. Вот и сейчас хотела показать, что я крепче, чем есть на самом деле, не допустить ни его, ни кого-то другого к своим переживаниям, но стоило оказаться с Драконом наедине, как все это схлынуло.

Я словно нырнула в его Силу. Никогда еще не чувствовала ее так полно, так ярко. У меня не было слов, чтобы описать ту обескураживающую бездну, на краю которой я оказалась. Не сомневалась, что в Мире Силы — одной из сущностей этого мира — Локарис воплощался как огромный дракон.

— Все уже знают про меня... — пожаловалась я, пытаюсь совладать со сбившимся дыханием, перестать ощущать себя пылинкой в буре.

— Они знают часть. Ту часть, что им нужно знать, — Локарис подошел ко мне, положил руку на плечо. Его Сила успокоилась, прижалась к нему, и мне стало легче дышать. — Тут есть место, которое тебе понравится, поговорим там, подальше от посторонних глаз и ушей.

— Майкл...

— Не обращай внимания, он не тронет тебя. Но старайся не попадаться ему первое время. Он оперировал тебя, это по-своему его волнует.

— Плевать мне на Майкла, — я поняла это неожиданно. Страх перед помощником Дракона пропал. Мне было все равно, что он там думает, все равно, что воображал себе на операции. Вот только почему он назвал меня убийцей?

Теплая тяжесть драконовой руки пропала. Локарис взял с постели белую простыню, свернул ее, а после указал на выход. На лагерь уже опустилась зимняя темнота, и среди треугольников палаток заалели костры. Солдаты превратились в актеров театра теней, на фоне серого низкого неба. Пошел сухой секущий снег.

Покрытая инеем трава хрустела под ногами, лопались корочки льда в глубоких следах от копыт. Мы обошли лагерь по краю, потом через лесок. Дракон не спешил заговорить, я не торопила, сама чувствовала спокойствие. Мы спустились к низине, затянутой белым густым туманом.

— Горячие источники, — пояснил Локарис.

— О, я могу искупаться? — пар подплыл к нашим ногам, обнял колени. Дракон кивнул и повел к удобному спуску в воду. Иногда я думала, что он заранее знает все: любое место, любого человека, даже если никогда пришел куда-то впервые, или не слышал ничего человеку.

— Вот здесь почти сухо, положи одежду тут, — Локарис кинул простыню на большой валун, достал сигареты.

— Почему сюда не ходят солдаты? — я сняла камзол, стянула через голову блузу. Дракона не стеснялась, глупо было после вирусного мира и операции, да и густой пар прятал меня.

— В народе считают, что источники — щель в Ту грань. Здесь и вправду кружат духи, греются в пару. Но ты с некромантом, не бойся.

— И не боюсь, не с вами, — я сняла штаны и сапоги. — Глубоко? Локарис подал руку, и

я спустилась в теплую воду. Видимость была совсем никудышной, я видела не дальше своей вытянутой руки, а потом только белое марево. И еще Дракона, его темную голову, возвышающуюся над паром.

— Помните заразную мелкую речушку в мире Кестра? Я думала, никогда не обрадуюсь воде так же, как тогда, после недель в развалинах. Но нет, эти источники прекрасны!

Я отплыла от каменистого берега, вода держала легко. С неба сыпался мелкий снежок, но до меня не долетал. Пар то сгущался, то рассеивался коридорами, и вскоре я смогла различить, что плотная на первый взгляд пелена на самом деле полна дымных белых сгустков. Некоторые были прозрачны и казались дырами в пару, а некоторые плотные и чуть светились.

— Аня?

То ли духи позвали, то ли Дракон. Я оглянулась, но уже не видела ни берега, ни Локариса, но знала, где он стоит, чувствовала, и легко вернулась к каменистому спуску.

— А знаете, даже в этом мире никто не слышит вас так, как слышу я, — я зацепилась за покатый камень, сложила на нем руки. Уроженцы этого мира просто знали, что Локарис хочет им сказать, благодаря его Силе и силе Арнбора. Но только мне было доступно звучание его истинного голоса, пусть я и не могла описать его, как реальный звук. — Расскажите о Золанке. С самого начала.

— Это было давно. Для меня и для мира тоже. Сейчас бы ей было сто пять, она бы даже не подошла к порогу старости, — начал Локарис.

Я читала, что раньше, когда мир еще не стал меняться, люди жили до двухсот лет и даже больше, сейчас же дотягивали до ста двадцати-пятидесяти. Не так плохо, ведь в моем мире жили куда меньше.

— Мне было тридцать, за спиной шестнадцать лет пути к завоеванию Империи, тогда еще небольшого раздробленного королевства. Зухас решал, кому садиться на трон. Это было опасное время, новый правитель, как и другие до него, мог быстро слететь, не удержав власть.

— И выбрали вас? Но ведь тогда к метисам относились еще хуже, чем сейчас.

— Зухас решил рискнуть. Его устраивало оба варианта. Я был неважной фигурой, меня было не жалко — это если бы меня убили тайно. Если народ пришел бы в ярость от метиса на троне, то моя роль превращалась в роль злодея. А Зухас бы сыграл освободителя. Конечно же, он надеялся на второй вариант, это добавило бы ему славы. Хотя относился ко мне хорошо, почти по-отечески.

— По-отечески? А вы, неужели вас это устраивало?

— До Зухаса я убирал дерьмо со скотного двора, гонял овец и был рабом. А с ним я научился воевать, мыслить, я получил образование, стал некромантом и мог попробовать себя в роли императора, — Локарис улыбнулся, я ясно видела эту легкую полуулыбку в белой пелене. — Зухас талантливый политик, первый образованный человек, которого я узнал. Конечно же, я был под его влиянием. Пока не попал под другое.

— Золанка? — теперь и я улыбнулась. Не могла представить Дракона ни молодым, ни влюбленным, но приятно было осознавать, что раньше в нем могли кипеть страсти.

— Золанка. Она была главной жрицей и служила сейчас уже мертвой богине. Верующие Зосмитт давно исчезли, как и люди, способные обращаться в животных.

— Говорят, вы были готовы ради нее отказаться от трона? Маленькие духи осмелели, приникли к моим плечам, забрались в волосы, отчего пряди закружили вокруг лица,

заструились в воздухе, как живые.

— Думал. Но она не захотела отказаться от своего храма. Мне не мешал ее культ, но культу мешал я. Я хотел снова позвать ее, когда уже стал императором и отправился воевать за выход к морю. Но когда вернулся, застал только пустой храм, увешанный погребальными цветами. Всех жриц перебили фанатики другого ордена.

— Это ужасно. Мне очень жаль, что так случилось с вами и с ней. Локарис пожал плечами, подошел к берегу и присел на корточки:

— Для меня с тех пор прошла половина тысячелетия в разных мирах. Я помню все события, даже чувства, но уже не испытываю тех страстей. Подобное этой истории и другое случалось со мной множество раз и уже не может тронуть.

Он коснулся моей головы, провел по волосам, и игривые духи выскользнули обратно в пар.

— Но Золанка не забыла вас. Ведь все, что со мной случилось — связано с вами, для вас, — я взялась за его руку и выбралась из теплой воды. — Кто помог ей, если ее богини больше нет?

— Адрамелех, — Дракон накинул мне на плечи белую простыню. — Темный бог, или темный врачеватель. Древнее и сильное божество.

— Темный?

— Удел Адрамелеха — слабые и порочные души. Он берется за плохих людей. В Арнборе не обязательно ждать смерти, чтобы расплатиться за свои грехи, может случиться и так, что ты привлечешь Темного бога намного раньше. Тогда жди бед, того, что твои пути спутаются. Это партия с богом, где он всегда победитель. Он выигрывает, если испытания очистили твой дух, выигрывает, если случается наоборот — тогда его власть над тобой только крепнет.

— Надо мной? — мне стало холодно, не телу, а внутренне. — Но разве я что-то делала плохое? По крайней мере, в этом мире? За что меня испытывать?

— Нет, все из-за меня. Это ко мне Адрамелех давно желает подобраться. Ты лишь средство.

— А что будет, если он доберется до вас?

— Мой дух так стар, Айн, что его не изменить, — Дракон был спокоен, это передавалось и мне. Сейчас, стоя рядом с ним, казалось, что можно бросить вызов и Темному богу, и всему миру.

— Знаете, я даже рада зверю, — сказала я. — Я давно хотела укусить свою судьбу за зад, я больше не хочу быть жертвой. А что касается вас, то знайте, я ничего против вас делать не буду. И не важно, кто из ваших врагов мне покровительствует — Кестр или Адрамелех.

— Но это еще не все, — Локарис забрал мокрую простыню, духи как раз снова осмелели, и в их окружении я пошла к одежде. — Я знаю, что случилось с тобой после обращения, после того, как тебе приснилась Золанка.

— То из-за чего Майкл назвал меня убийцей? — я остановилась на полдороги.

— Ты права, твой дух невинен, ты не могла сделать ничего, что бы привлекло Темного бога. Но он решил через тебя подобраться ко мне. Он стал действовать через сны, через Золанку, пообещав ей свидания со мной, что если он выиграет партию, то она вернется ко мне. Золанка передала тебе способность обращаться, но это не все. Нужно было деяние, то, что позволит Адрамелеху закрепить свою власть.

— Кого, кого я убила?! — я обняла себя руками. Мгновение назад я радовалась, что

обрела некоторую силу, и вот страшные последствия не заставили себя ждать. Что если это кто-то из резиденции? Кто-то, кого я знала?

— Андер — принц Эйтина. Его разведывательный отряд находился на границе, он пытался вычислить мой путь в Рорса-Бер.

— О боги...

— Не все так страшно, — Локарис подал мне блузу, я растерянно взяла ее, но не стала одевать, словно оцепенела. — Фактически его убила воля Адрамелеха, Андер сам вспорол себе живот. Тебе нужно было лишь спровоцировать его ярость. Будь Андер без греха, Адрамелех бы не смог причинить ему вред. Проблема в том, что таким образом бог закрепил свое покровительство кровью.

Теперь все вставало на свои места. И кроваво-красное наливное яблоко на столе, и полог большого шатра: «Пройди, ты замерзла», и пьяная злоба в мужских глазах: «Убью, если не подчинишься...». Я улыбалась ему в лицо. Я его не боялась. Я вспомнила, как сама пьянела от защищенности, от силы и уверенности. Я больше не жертва...

Глава 7

Еще одна война

Айн. Пограничные земли.

Лагерь имперских войск.

На следующий день Локарис снова поразил вниманием и приказал выделить мне лошадь. Теперь я могла привыкнуть к животному и подготовиться к долгому пути в седле. — ...стоит спешить. Сейчас мы не на лучшей территории: уже далеко от Империи, и еще далеко от Рорса-Бер, а Эйтин близко...

Мне дали гнедую некрупную кобылку Утречко, и я неплохо справлялась. Думала, что и в пути все будет хорошо. Но Архем Кирг — солдат, которому поручили со мной заниматься, все еще привередливо смотрел, как я езжу по кругу. Утречко вытоптала дорожку в размокшей земле на небольшой площадке за императорским шатром. Ночью шел дождь, а к утру подморозило, сейчас же падал редкий снег, сразу тая.

Проезжая очередной круг, я оказывалась рядом с императором. Локарис беседовал с одним из командиров, и я, не особо вслушиваясь, выхватывала фразы из диалога:

— ...вчера приехал Гевин Рори. Он привез защиту и несколько пушек, его мы и ждали. Слишком ценный отряд, что бы они, рискуя нарваться на эйтинцев, догоняли основное войско...

— Ты прав, мой император. Усиление магической поддержки — наше спасение.

— Архем? — Локарис кивнул командиру и повернулся в нашу сторону.

— Пошагай немного. Отойти надо, — Архем отдал мне длинный повод, с помощью которого контролировал лошадь, чтобы она не понесла, и поспешил куда-то, но не к императору.

Я снова подъехала к разговаривающим мужчинам.

— Мы должны сократить время на сборы.

— Полагаю, завтра, к обеду как крайний срок, мы уже сможем выдвинуться в путь, — полный, но высокий командир, оглядел лагерь, будто прикидывая, не выйдет ли так, что его заявление обманет ожидания императора.

— Хорошо, — кивнул Локарис. — Проследите, чтобы я узнал о результатах разведки сразу, как они появятся.

Дракон махнул рукой:

— Архем, лошадь готова?

Солдат уже вел под уздцы крупного пепельно-серого коня. Архем двигался быстро, вприпрыжку через комья подмерзшей грязи, конь же неторопливой рысью следовал за ним.

— Бернель, не желаете объехать лагерь, размять своего коня? — Локарис легко оказался в седле, и Архем поспешил отойти.

Император и его конь представили собой впечатляющую картину. Крепкий, высокий в холке зверь, с широкой грудью, красивыми ногами, при его росте казавшимися изящными, нетерпеливо переступал под своим хозяином. Интересно, легко ли было найти Локарису лошадь под рост?

— Извините, мой император, примусь за сборы немедленно, — Бернель поклонился, — Конем займется слуга.

Император повернулся в мою сторону:

— Что ж, тогда ты, Айн.

Архем отстегнул длинный повод, проверил подпруги и помог моей кобыле пройти через узкий ход между телегой и стеной шатра. Утречко послушно зашагала за красавцем конем, и вскоре я и Дракон выехали на ту часть поля, что не была заставлена палатками и телегами. Я видела, как на почтительном расстоянии от нас держатся одиночные всадники, которые несли дневное дежурство или ненавязчиво следили за безопасностью императора.

— Спасибо, что позаботились о лошади для меня, — я подъехала ближе к императору, но не стала ровняться с ним. Не удержалась и погладила по крупу коня, от чего его серая шкура коротко вздрогнула.

— В Эйтине повернули дело так, будто бы я послал убийцу к принцу Андеру, — не ответив на благодарность, сказал Локарис. — Доказательств нет, но они слишком долго ждали повода. Разбираться не станут.

— Я подставила вас?

— Мы справимся. Отразим их атаку, а дойдя до Рорса-Бер, обвиним Эйтин в нападении и клевете. Рорса-Бер не останется ничего другого, как заключить с нами союз.

— Вот как.

Пограничные земли, забытые людьми и богами, простирались до горизонта. Поле покрывала блеклая пожухлая трава, местами торчали корявые кусты, как паучьи лапки. Создавалось чувство, что там, где трава цвета старой бронзы сливается с усталым зимним небом, вот-вот возникнет опасность. Пока еще невидимая, но уже проникшая в воздух.

Я думала об Андере, о той темной, нереальной ночи и волчьем облике. Я искала в себе панику, искала сожаление и стыд. Но ничего не находила.

— Тебе ко многому придется привыкнуть, — снова заговорил Дракон. — Я хотел позвать твоего зверя на источниках. Пар бы скрыл его от дозорных, но решил дать тебе время, чтобы оправиться. Потом найдем другое место, — Локарис послал коня в рысь, махнул рукой, показывая направление:

— До того холма рысью, далее галопом до источников.

Я неловко затряслась в седле. Фигура Дракона удалялась, а Утречко рвалась догнать императорского коня, несмотря на натянутый повод. Локарис доехал до холма, махнул рукой и послал коня в галоп. Рванулась и моя лошадь, но вместе со стремительным выпадом ее копыт пропал и страх. Я ослабила повод, отпустила седло и позволила Утречку нести меня.

Ветер захлестал по щекам, мне показалось, что я лечу. Я забыла о Локарисе, и тем более об Андере. Остался только стремительный бег. Я уже не чуюла призрачную опасность, а горизонт не пугал, а манил.

— Хорошо, очень хорошо, — сказал Дракон, когда я поравнялась с ним, и мы медленно зашагали, давая лошадям отдохнуть. — Постой.

К нам приближался один из солдат, и вскоре я узнала его — Мирка Вирп, стрелок из отряда Чарли. Мирке было около сорока лет, но вид он имел какой-то придурковатый из-за оттопыренных в сторону ушей, из-за неровной долговязой фигуры. Но Чарли отзывался о нем, как о серьезном и толковом солдате, Мирку в лагере уважали.

— Мессир, разрешите доложить итоги сегодняшней разведки!

— Я тебя слушаю, — Локарис кивнул, достал портсигар и предложил Мирке сигарету.

— Благодарим, мессир, — солдат покрутил сигарету в пальцах и убрал за ворот камзола. — Докладываю, что по вашему приказу обнаружено местоположение отряда короля

Эвандера. Так же известно, что после того, как передали тело принца в Эйтин, королевство, расценив его убийство как вызов, решило начать открытую войну против вас и отправило значительное подкрепление. Они намерены подрезать нас по дороге к Рорса-Бер.

— Они уже покинули Эйтин?

— Совершенно верно. Думаю, они настигнут нас дня через два.

— Что ж, передай господину военному министру, что я готов обсудить дальнейшую тактику с военным советом в моем шатре до ужина.

— С вашего позволения, — Мирка поклонился и повернул коня к лагерю.

— Плохо дело, — сказала я, когда мы остались одни.

Локарис пожал плечами:

— Не на прогулку вышли, повоюем.

Вечером, я хотела найти Чарли. Стоило вспомнить его манеру говорить, улыбаясь, открытый взгляд, небрежное движение, которым он откидывал пряди несуразной прически, как становилось легче на душе. Мне не хватало светлых людей, людей без тайн, без врагов.

Увы, с темнотой деловая суэта в лагере не стихла, и я никак не могла найти лейтенанта. Солдаты сворачивали шатры, перевозили вещи на телегах, пушки. Командующие ходили с сосредоточенными лицами, отдавая приказы, контролируя сборы. Остальные сопровождали работу разговорами, обсуждали переход к морю, причину, по которой решено свернуть лагерь на день раньше.

Решив не продолжать затянувшиеся поиски, я вернулась в шатер императора, в свою комнатку. Перекусила теплыми лепешками с сыром, обмылась. В ногах чувствовалась приятная усталость после седла, а зимний воздух навевал сон. Надев блузу, которую дал мне Локарис, а она была велика и прекрасно играла роль ночнушки, я завернулась в одеяло на своей лежанке. Мне по-прежнему было прекрасно слышно все происходящее за пологом шатра — в комнате императора. Собирался военный совет, и я захотела знать, что командиры и император скажут сегодня. Сон как рукой сняло, согревшись под одеялом, я откинула его, натянула штаны и сапожки. Подошла к добротной заколоченной тканевой стене.

Началось собрание. Подковырнуть одну из металлических скрепок, прикрепивших плотную ткань к столбу, оказалось просто. Небольшой щели хватало, чтобы видеть, что происходит в комнате императора.

— Завтра передвинемся сюда, — палец Локариса очертил на карте какой-то путь, четверо мужчин с интересом склонились над бумагой. — Если Андер просто отслеживал нас, и пропустил бы в итоге, то после его убийства Эйтин выдвинул тяжелую артиллерию, состоящую в основном из магов, и теперь перевес силы на их стороне.

— Да, с количеством магов у Эвандера поспорить сложно, — сказал Майкл. Военный министр единственный чувствовал себя свободно в гостях у императора. Он стоял, откинувшись спиной на одну из подпорок, и курил.

— Только на силе солдат мы не выстоим, — заметил Чарли. Он был дальше всех от меня, но огонек треножника освещал молодой очерк его лица, отчего волосы лейтенанта казались совсем рыжими.

— Я не буду губить людей, кидая их на расправу эйтинским магам, — ответил Дракон. — Может, и есть шанс завалить их числом, но это будет кровавая баня, прежде всего для нас, — Локарис выпрямился, предоставив мужчинам возможность детальнее

рассмотреть карту.

— Я бы на месте Эйтина сказал твоей хвостатой девке «спасибо», что избавила их от Андера. Парень слишком порывист, чтобы править, видно, поэтому его и выслали в чисто поле охотиться на дракона, — Майкл был в своем репертуаре, казалось, жизни людей, войны для него только игра.

— Они давно хотели вступить с нами в войну, а тут такой повод, — командующий Кейвандер на самом деле был земляком Андера. Чарли мне и про него рассказывал. Семья Кейвандера давно покинула Эйтин и жила в Империи, за Империю мужчина и сражался.

— Тут старое кладбище, попробуем за счет мертвых превзойти их по силе, — Локарис указал какое-то место на карте.

— Ты не сможешь, Локарис, я уже говорил тебе, — Майкл покачал головой. — Мой вариант: послать за подкреплением в Империю, а с отрядом Эйтина драться живой силой. Слишком много проблем может выйти из-за твоей идеи. На кладбище лагерь не поставит, к тому же оно старое, и только богам известно, и тебе, как некроманту, где расположены захоронения. Убить день-два на поиск могил и разметку лагеря — непозволительная роскошь. А беспорядочно выскакивающие из могил покойники — то еще удовольствие, половина нам же попортит жизнь.

— Мы встанем не на кладбище. Я смогу поднять его с края поля, этого расстояния достаточно для того, чтобы мне хватило силы. Но без крови я не смогу никого позвать. Все равно придется вступать в живой бой.

— У них маг сидит на маге и магом погоняет, мой император, — сказал Кейвандер.

— До того, как дело дойдет до ближнего боя, половина нашего лагеря сляжет, и вы все равно не сможете сохранить людей.

— Тогда наши маги будут работать только на защиту лагеря. Я — руководить магической атакой и умертвиями, а твой полк и полк Чарльза выйдет в бой, как только враг подойдет на нужное расстояние.

На какое-то время установилась тишина. Командующий Кейвандер и Чарли стояли с мрачными лицами: выводить свои полка в смертельный бой они не хотели, но были согласны жертвовать людьми, сохраняя жизни большинству.

— А если мы зайдем за кладбище? — Локарис снова склонился над картой. — Тогда я смогу поднять мертвых, как только эйтинцы дойдут до засады. Так и их перебьем, и у нас будет подспорье.

— Понимаю, к чему ты клонишь, — Майкл кивнул, но Кейвандер отрицательно покачал головой.

— Нет-нет. Слишком большое расстояние. Даже с резвым марш-броском — врага мы встретим уставшие, с еле живыми солдатами.

— Еле живые и совсем мертвые — уже неплохая разница, — возразил Чарли.

— Можно попробовать, — Майкл затушил окурок в треножнике.

— Тогда магам придется работать на маскировку, причем так, что на защиту их сил не хватит, — продолжал упираться Кейвандер.

Но Дракон был уверен в своем плане:

— Я справлюсь и с защитой, и с поднятием мертвяков.

— И как итог, если мы сможем так далеко оторваться, у нас более-менее целый отряд и полумертвый от отката император, — теперь засомневался и Майкл. — Локарис, ты не потянешь сразу и за некроманта, и за набор магов-защитников.

Они спорили и предлагали новые варианты, кто-то был более склонен к риску, кто-то считал, что открытый, хоть и кровавый, бой будет надежнее. Спорили насчет Локариса, не желая жертвовать императором.

— Майкл, найди мне жертву, — попросил Дракон, когда остальные мужчины покинули шатер, и остался только военный министр.

— Мужчина или женщина? Отчаянный герой или самый бесполезный член отряда? — Военный министр улыбался, и это была нехорошая улыбка, полная предвкушения. Майкл говорил тоном, которым можно произнести фразу, подобную: «брюнетки или блондинки интересуют вас на сегодняшнюю ночь? Или вот рыженькие».

— У нас есть люди, которые давали на это согласие. Запиши сразу оговоренную сумму на счет семьи Мирки, он у нас один из смертников, — Локарис задумчиво сворачивал карту, а Майкл, сделавшись еще более вальяжным в отсутствии посторонних, взял стоявший на столе графин и разлил в два бокала вино.

— Ты приуныл, давно не резал людей по кусочкам? — Майкл подал бокал Локарису, сел в одно из раскладных кресел, закинул ногу на ногу. — Ты знаешь, я бы мог тебе ассистировать.

— Будет не тот эффект, — Локарис сел напротив Майкла, в задумчивости отпил вина. — Я хочу сохранить как можно больше людей, наши преимущества: умертвия и хорошая организация. За два дня мы должны успеть невозможное: добраться до кладбища и организовать защиту. Место открытое, на и маскировку уйдет масса сил.

— Тогда, должно быть, ты хочешь, что бы я уже выслал кого-то?

— Да, мага Гевина Рори, человек восемь охраны, и можно набрать добровольцев из женщин, с разметкой справятся.

— Конечно, после ужина распоряджусь. А пока я могу составить тебе компанию?

Стоило Майклу упомянуть ужин, как я услышала, что через коридорчик, который предназначался для передачи еды из столовой, кто-то вошел. Если я сумею сказать все с уверенным видом и подсуечусь, смогу опередить Симена. Накинув сверху на блузу камзол, я выскользнула из комнатки и кивнула солдату, принесшему поднос с едой, мол, сама подам.

Я легко подняла поднос, хотя на первый взгляд он казался тяжелым. На широком серебряном блюде была запеченная птица, тарелка с горячими лепешками, с овощами, небольшой котелок с вареной картошкой, запотевший кувшин с вином, а также набор приборов и пустых тарелок.

Пыталась осознать поворот, который принимает война, и насколько я испортила изначальный план. Что бы было, если бы я не убила Андера? Мне не хотелось брать на себя вину за то, что теперь Эйтин перешел к решительным действиям против Империи. Но ведь Андер со своим отрядом и был послан искать Локариса, и армия Дракона, конечно, бы смела его небольшой отряд. Выходит, в любом случае, предназначение Андера было именно таким — стать причиной развязанной войны.

Пройдя в комнату императора, я посмотрела на мужчин, они оба казались спокойными. Майкл проводил меня пристальным взглядом, император будто и не заметил. На их лицах не было ничего подобного тому, что было на лице командира Кейвандера и Чарли, чего-то близкого к панике.

Поставив поднос на небольшой столик, я убрала карты и бумаги с основного стола. Вернулась к подносу, разделала тушку птицы, перенесла блюда и кувшин к императору и министру. Локарис долил в бокал вина и подал его мне, кивнул на свободный стул.

— Когда Айлипин заключит с нами союз, — сказал он Майклу, — он будет вынужден дать нам подкрепление из Рорса-Бер. Гонец к Зухасу уже отправлен, Империя вышлет свои резервы,

— Локарис дотянулся до блюда с птицей, переложил на тарелку небольшой кусок, потом добавил картошки. Когда император начинал что-то делать сам, лучше было не мешать ему.

Я села на предложенный стул, не спеша стала пить вино.

— Тогда мы раздавим Эйтин с обеих сторон! Если ты, конечно, не умрешь от обратного оттока, мой друг, — Майкл ухмыльнулся, в тусклом освещении шатра его шрамы смягчились, но тень все равно не создавала иллюзию нормального лица.

— Буду надеяться, что выстою. Если после боя меня не будут трогать, я справлюсь с оттоком.

— Большой риск...

Я встала, отставила на стол бокал и подошла к Локарису:

— Я хочу быть добровольцем и поехать на разметку.

— С чего вдруг? — удивился Майкл. Локарис выразил взглядом тот же вопрос.

— Не хочу говорить при вашем помощнике, — сказала я, и Майкл поморщился: в Империи он был военным министром, а не помощником. — И не говорите, что у вас нет от него секретов.

— Остынь, детка, — Майкл опрокинул в себя бокал вина и плавно встал, — я как раз хотел отлучиться на пару минут перед ужином.

Министр покинул шатер. Я посмотрела на Дракона, но не знала, что ответить ему.

— Последние дни живу какими-то странными порывами, — начала я, заранее стыдясь последующей исповеди. — Я убила человека... не убила, но стала причиной того, что он убил себя. Но где отклик? Мне не страшно, не казнь себя! Вместо этого думаю... — я запнулась, уж про Чарли не стоит рассказывать Дракону. — Наверное, это все потрясение...

Локарис не перебивал, он порезал на куски птицу, налил себе еще вина. Я привыкла к тому, что он всегда что-то делает, что редко смотрит на меня, но все равно слышит каждое слово.

— Я хочу пойти на разметку, я хочу что-то сделать. Может, что-то доказать себе, может, наказать. Понимаю, что вы бы этого не хотели — я теперь для вас загадка, ниточка к вашему врагу. Ведь именно от этого ваше внимание: и источники, и лошадь. Уж я вас знаю. Просто дайте немного свободы, дайте самой решить что-то.

Дракон кивнул за секунду до того, как вошел Майкл, и я поспешно покинула его комнату. Меня трясло, трясло от злости на Локариса, злости на то, как он спокойно сидит, на его вечно равнодушные глаза. Как же я ненавидела его за то, что стою и делюсь с ним своими страхами, своими сомнениями! За то, что кроме него ни с кем не могу этим поделиться.

* * *

Когда наша небольшая группа была готова, уже светало. Желтая сухая трава покрылась маленькими иголочками инея. Небо казалось тревожно больным, а ветер дул в спину, будто подгоняя в путь.

Я еще раз проверила упряжь, стремяна, кажется уже десятый раз с того момента, как забралась в седло. Нервничала, не знала, выдержу ли быструю скачку, не свалюсь ли и смогу ли быть полезна. И вместе с тем с нетерпением ждала пути.

Из знакомых солдат поехал только Мирка. Изначально его не выбрали в этот отряд, Локарис потом приписал. Наверное, это правильно, Мирке предстояло стать жертвой некроманта, и то, что он давно добровольно дал на это согласие, мало что значило. Возможность отъехать от сослуживцев, отвлечься работой была не лишней.

Еще я знала имя мага, который руководил разметкой. Гевин Рори — статный, широкий в плечах, с большими кулаками, с крупным подбородком — вылитый боец. Только копна волос, вьющихся мелкими кудряшками, которую мужчина пытался укротить, заплетая в косу и перетягивая ее цветными шнурами, отличала его от строгого облика солдат. С нами так же было семеро бойцов и три женщины, решивших помочь.

Марш-бросок стал тем еще испытанием. Не знаю, легче его перенесли натренированные солдаты или я, не обязанная везти оружие, держать строй и заниматься прочими военными делами, но я готова была целовать землю, как только получу возможность спуститься с лошади. Да и солдаты были уставшими и разочарованными из-за непредвиденных трудностей. Переход к морю планировался спокойный, без лишних стычек, но теперь этот план провалился.

Перед нами расстилалось огромное поле, заросшее высокой травой, которую прибил к земле начавшийся дождь, взамен вчерашнего снега. Масштабы предстоящей работы пугали, погодные условия и измученное скачкой тело и вовсе приводили в уныние. Давая лошадям отдохнуть после галопа, мы, съехавшись покучнее, слушали план Гевина Рори, неторопливо приближаясь к более бугристому и безобразному участку — месту старого, почти сравнявшегося с землей кладбища. Путь до места ожидаемой битвы мы преодолели практически за день, сейчас уже стемнело, но спасала полная луна. Даже затянутая облаками, она давала достаточно рассеянного света, чтобы ночью можно было начать работу, тем более, засветло мы успели увидеть достаточно, и даже оставить некоторые разметки.

— Спуститесь, вбейте здесь кол, — сказал маг, — Отсюда начнем зарывать заграждения. Также надо вырыть яму, я хочу посадить в ней человека для подпитки сети. Клори, у тебя вроде бабка ведьма, само-то пробовала чего? — Гевин повернул свою кудрявую голову к ехавшей позади женщине.

Я успела познакомиться и с ней. Знала, что Клори изредка занималась магией, но на жизнь зарабатывала тем, что сопровождала армию. Клори прошла не одну войну, она была уже не молода, но по-своему хороша. Я заметила, что юные уроженки империи грубоваты обликом, но с возрастом приобретают некий непередаваемый шарм гордых статных женщин.

— Постараюсь справиться, — ответила она. — А почему защиту закапываем?

— Эйтинцы любят на полевых сражениях использовать подземную атаку, я ее «землеройкой» зову. Зачарованное ядро зарывают, и оно несется под землей, пока не наткнется на давление сверху. Вспахивает землю, разрывая все, что имеет достаточный вес и стоит на земле: солдат, пушки, коней. Мы вкопаем пластины, я их уже пробовал раз, и не зря на эту войну взял с избытком. Как в воду глядел, будь неладно мое провиденье! — маг

сплюнул на землю. — Так что быстро перекусываем, отмечаю, не разводя костров, и принимаемся копать.

— За ночь справимся? — Мирка немного осадил коня, он ехал на расстоянии от всех и только сейчас решил принять участие в обсуждении.

— Должны, — Гевин Рори ухмыльнулся, — завтра уже мессир подъедет, не стоит обманывать его ожиданий. Вот здесь вот еще кол вбивайте. Как тебя? Айн? Держи кол, смотри, вот отсюда и до того куста, после градусов на тридцать влево, а там уже до Мирки дойдешь. Это твой участок будет.

— Хорошо. А почему пластинки разные? — я спешила, но не торопилась отпустить лошадь, ноги после скачки гудели, хоть на стену лезь!

Один солдат забрал у меня кол и резво вогнал его в размокшую от дождя землю. Двое других выгрузили из повозки тонкие стальные пластинки, сантиметров семьдесят в длину и сорок в ширину. Отдельно сложили пластинки с оранжевыми знаками, отдельно кучкой поменьше, с голубыми. Про них я и спрашивала.

— Голубые — это отражающие. Защита постепенно разрушается, эйтинцы ее как обнаружат, начнут долбить по точкам, три-четыре удара, и прощай, защита. Можно будет пробовать залатать дыру оранжевыми, а можно голубыми, так что оставь в запас — тогда эйтинцы сами свою землеройку и заполучат.

Я кивнула. Мне понравилось, что Гевин Рори не ленился объяснять детали, ведь мог просто сказать, откуда и куда вкапывать пластины и этим ограничиться. Он оглянулся на отъехавшую к следующей точке группу и спросил:

— А ты, девочка, вообще кто?

— Мессиру прислуживаю, — я отчего-то улыбнулась, вопрос не показался мне невежливым, да и «девочка» не задела самолюбия.

— Что, совсем дело плохо, раз мессир личную прислугу в помощь отправил?

— Мессир уверен, что мы выстоим, — ответ вышел неожиданно уверенным, — если все будет сделано правильно и быстро. Он хочет сохранить как можно больше людей.

— Да, жаль, что не магов, на износ пойдем, — Гевин махнул рукой остальной группе, — ладно, будем стараться. Стоянку вон там организуем.

— Лошадь заберешь? — я сняла с седла сумку с едой, передала повод магу, он кивнул и поспешил дальше раздавать указания.

Я осталась одна у горы магических пластинок. Причудливая вязь знаков на металле слегка мерцала под каплями дождя, что постепенно усиливался, и вскоре уже можно было слышать его тихую мелодию. Основным ее фоном был шелест жесткой травы, более тонкие ноты капли отбивали по пластинам, чуть глуше быстрым перебором ударяли по моему плотному капюшону.

Защита от «землероек» должна была стать несколькими линиями вкопанных впритык пластин. Пластины с оранжевыми знаками выдерживали три пущенных под землей ядра, а с голубыми могли еще и отразить заклинание, пустив ядро в обратный путь.

Пластинки легко вдавливались в землю, помехой были пучки травы, если сердцевина кустика попадалась прямо на линии, а так достаточно только раздвигать в стороны траву, словно чью-то шерсть. Дело шло быстро, мне даже стало жарко, несмотря на дождь и порывы ветра. Правда, иногда были и моменты отчаяния, когда я отрывалась от работы и смотрела вдаль — прямо ли я вкапываю, не отклонилась ли от направления, и видела, что куст еще по-прежнему далек, да и когда я его достигну, это будет лишь половина работы.

Только к рассвету моя пластинка, наконец, встала вплотную к пластинке Мирки. Мы устало опустились на удачно оказавшийся рядом валун.

— Думал, не кончатся, проклятые, — солдат выдохнул, достал сигарету, ту, что дал ему Локарис, повертел ее в пальцах и снова убрал куда-то за ворот камзола, достал другую. — Рассвет...

— Умм, мы все вымокли, устали до смерти, мы по колено в грязи и дождь не прекращается, но да, рассвет прекрасен, — согласилась я, пряча замерзшие пальцы в рукава, без движения холод быстро прогонял тепло.

— Всю жизнь ненавидел утро, а уж зиму как! — Мирка не без удовольствия затянулся. С одной стороны, я понимала его, понимала то, что он старается насладиться последними днями жизни, которую почему-то решил продать, но с другой стороны, не могла знать в полной мере, что он чувствует. — Страшно, руки ходуном ходят с прошлого вечера.

— Мессир умеет забирать боль. Он сделает все хорошо, раз уж ты на это согласился, — мне не надо было уточнять, Мирка понимал, что я знаю большинство из того, что обсуждают в шатре императора.

— Нет, ты не понимаешь, — сказал он. — Мало смерти, боль тоже питает его магию. Если я выдержу пытки до конца боя, мессир выдержит тоже. На все эти темные дела нужно много Силы, — Мирка вздрогнул, отправил щелчком остаток потушенной сигареты. Солдат встал, потянулся, потрепал меня рукой по плечу:

— Не думай об этом, иди, отдохни, пока остальное войско не подошло. А я украду последнюю милость у Клори.

Я забралась на порядком опустевшую телегу. На остатки защитных пластин и каких-то вещей были наброшены вальтрапы и попоны от лошадей, какие-то тряпки, плащи — в этом мягком бардаке я и устроила лежанку. Сон сморил быстро, выстояв короткую битву с ноющими от усталости ногами.

Я спала так крепко, что, когда проснулась, кругом уже кипела жизнь военного лагеря. Провозили мимо пушки, чтобы установить их у первой защитной полосы. За второй продолжали разметку маги. А еще дальше, за кладбищем ставили палатки для той части армии, которую Локарис собирался сохранить, пустив в бой мертвых жителей древнего кладбища.

Оказывалось, врага можно было обмануть, и спрятать половину войска, не только благодаря маскировке, но и с помощью магии. Сил на это требовалось много, но не чудо ли: вот есть армия в поле — а вот ее нет.

Палатки поставили навыверт — обратной стороной, цвета выжженной солнцем травы, на более низкие распорки: все, для чего они могли согнуться, это заползти в них на четвереньках и лежать. Возможно, издали ночью они будут незаметны, плюс магическое воздействие: маги были расставлены каждый на своем месте и отвечали за определенный участок.

Свои полки Кейвандер и Чарли оставили в некотором неведении или, скорее, дали обмануть своих людей. Те собирались устраивать засаду и не думали, что идут на верную смерть. Я слышала речь Майкла, такую умелую, что в какой-то момент, и я чуть не поверила его словам. Ни слова лжи и обещаний, но складывалось впечатление, что полки просто устроят засаду, а после в бой из укрытия выйдут остальные. Если верить словам Локариса о признании душой своих грехов за Той гранью, то, пожалуй, даже если бы Майкл завтракал младенцами, его дух обставил бы все так, что, глядишь, ему еще и почетное место дали.

Я хотела увидеть Чарли перед боем. Война обретала все более реальные черты, и я понимала, что уже завтра могу не встретиться с теми, кого запомнила, кого хотелось считать другом. Мы мало общались, но так бывает, видишь человека несколько раз за пару дней, а чувство, будто знаешь всю жизнь.

— Чарли! — я, наконец, увидела его. Догнала, перепрыгивая через еще не поставленные палатки и вещи. — Ты можешь отказаться? Можешь не идти?

Чарли улыбался, а я держалась за его влажный от росы рукав.

— Я же командир отряда, Айн! И иду добровольно, с полным осознанием, — он оглянулся вокруг: многие солдаты, как приказано, были уже в приземистых палатках, и могли какое-то время передохнуть после тяжелого перехода. Маги ходили по разбитому лагерю, продолжая ставить метки и знаки. Отряды Кейвандера и Чарли готовились к бою.

— Поцелуй на удачу, — услышала я.

В просьбе было больше вопроса, чем предложения, словно Чарли сомневался, можно ли меня о таком просить. Я потянулась к нему раньше, чем он склонил голову. Короткое касание, оставившее только чуть тепла. Руки Чарли слегка задели мои плечи. Он поспешно отстранился, и, не сказав больше ни слова, ушел к своим солдатам.

Я осталась одна, мне никто не определил палатку для укрытия, поэтому наблюдала за происходящим. Локарис готовился к обряду. Неподалеку был и Майкл, он отдавал приказы, руководя приготовлением и следя, чтобы никто не отвлекал мессира. Оба они, и император, и его министр, выпадали из общей картины. Среди солдат и даже магов они были другими. Как волки в собачьей стае. Даже в походке, в движениях эти двое отличались. И во взгляде у обоих под маской иронии или угрожающей провокации (что относится, конечно, к Майклу) было что-то иное. То, что можно увидеть в глазах случайно встреченного хищника. Ему все равно: убить тебя или идти своей дорогой, ведь он тут хозяин, но если он решит, что ты представляешь угрозу, он атакует.

Воздух постепенно тяжелел, становясь более плотным, осязаемым. Сила наполняла пространство. Я уже знала ее «вкус».

Один солдат, проходя мимо, посоветовал оказаться подальше от поля, поспешить вглубь лагеря. После что-то крикнул незнакомый мне маг, я не расслышала, и все тот же солдат передал, что меня просят убраться с поля разметки. Я пошла в сторону лагеря, но, вспомнив, что забыла сумку, вернулась к телеге.

— Стой! — кому-то закричал Майкл, подбегая к телеге с пистолетом в руке. Вдалеке, так что уже и не увидеть, кто это, стремительно удалялся силуэт человека на лошади. — Ублюдочный дезертир! — прошипел военный министр и выстрелил.

Нас объяло пороховое облако, я закашлялась, а когда подняла голову, то увидела, что лошадь потеряла своего всадника.

— Вы убили его! — я сама не успела сообразить, как повисла на руках мужчины, не давая снова навести оружие. Майкл раздраженно оттолкнул меня.

— Ранил. Возьми-ка лошадь какую-нибудь, не хочу на себе тащить, — он двинулся в направлении сраженного дезертира.

— А, проклятье, убил все же, — сказал он, когда мы дошли до тела Мирки. Министр скорчил гримасу под повязкой, по глазам было видно, что кривлялся, — Локарис запилит теперь, вот досада.

Локарис, правда, ничего министру не сказал. Тело Мирки положили пока у столика с инструментами, которые принадлежали некроманту. Накрыли труп, чтобы раньше времени

никто не задавал вопросов.

Напряжение было во всем, делаясь невыносимым. Магия продолжала душить, магия и ожидание: все меньше слышались шаги, и, в то же время, приказы Кевандера и Чарли отдавались четко. Шум от передвижений армии стал иным, каким-то более организованным. Время боя неотвратно приближалось.

— Дал я маху, — злился сам на себя Майкл, Локарис же осматривал окончание какой-то схемы, начертанной на земле. — Найдем другого, нет смертников, ничего! Вот, — мужчина схватил меня за руку.

— Нет! — я так удивилась, что даже вырваться не попыталась. Посмотрела на мессира, но тот не обратил на нас внимания. Он же не позволит?

— Ну, Локарис, это лучший вариант. Сама виновата, и у солдат вопросов не вызовет, другого добровольца нет времени искать.

— Ты, прав, нет времени, — Дракон кивнул, подправив какой-то знак на расчищенной от травы земле, поднял на нас глаза, и я случайно встретилась с ним взглядом. Будто бы чья-то воля мигом сорвала все декорации, которые представляли для меня мир. Я оказалась вне всего, без опоры, без веса, без самой себя в некотором нечто. Нечто было огромно, непостижимо, истинно. Всюду сквозило страхом и паникой, безумием.

Я очнулась, лежа на полотне палатки. Обескураженная, испуганная. Поднялась, оглядываясь: успело стемнеть, позади виднелись низкие холмики палаток, впереди силуэт Локариса, яркие огоньки свеч, установленных на магической схеме, еще дальше строй солдат. Звук пришел после: грохот от пушечных выстрелов, громкие команды и почти тонущий в этом шуме напев одного из магов, что работал над маскировкой лагеря.

Значит, я упала в обморок? От взгляда драконьих глаз или Майкл помог вырубиться? Я непроизвольно потрогала затылок, заодно отметив, что руки не связаны. Ничего не болело, никаких шишек не было. Локарис был от меня не далеко, я слышала, как он начал читать заклинание. Смутно видела тело Мирки в центре схемы, оголенное по пояс, а на его бледной груди в отсветах свечей влажно алели какие-то знаки.

Голос Дракона слышался странно. Я готова была поклясться, что чувствую его вибрации в плотном от магии воздухе, что это не было той иллюзией, что обычно вызывал Локарис, передавая свои мысли. Казалось, что и самому воздуху передаются эти вибрации, что сама земля дрожит под ногами. И вот перед некромантом полотно старого кладбища пошло волнами, земля вспучивалась, вот-вот готовая выпустить погребенных века назад умерших.

Слова заклинания набирали силу, выстрелы пушек почти не перекрывали их, будто голос некроманта был в иной от всего остального плоскости. Земля не пускала своих заключенных, Дракон тянул их наружу, но ему не хватало Силы.

Локарис опустил руки, чуть стихая, быстро сорвал с себя камзол, стянул блузу. В его ладонях сверкнуло по небольшому серпу. Он закинул их за спину, и острые концы уперлись в центр звезды-татуировки. Резкое движение, и два луча, что вели к плечам некроманта, засочились кровью.

Локарис чуть согнулся, уперся руками в столик, что стоял перед ним, и его заклинание загремело с новой силой. Мирка был мертв, он уже никогда не почувствует боли, но боль давала Силу некроманту, и мессир теперь сам стал своей жертвой. Земля впереди вздрогнула последней волной и порвалась, вздымаясь неровными, когда-то человеческими фигурами.

Мне стало нехорошо, голова закружилась. Мне чудился на изнанке век, словно ожогом

отпечатавшийся, взгляд Дракона. Поддавшись панике, подобной той, что погубила Мирку, я рванулась бежать прочь. Никто не спешил догонять меня. Я пыталась оббежать восставшую армию мертвецов, но их было столько, что я перестала понимать, куда бегу.

— Эй! — я упала в руки подхватившей меня Клори. Она подвинулась, давая возможность уместиться в вырытом укрытии. — Это хорошо, что ты пришла, — крикнула она сквозь пушечный грохот. — Эйтины бьют рядом, еще два удара, и мне не сдержать цепь, будет разрыв.

Словно в подтверждение слов женщины, одна из землероек достигла защитной полосы и ударила в нее. На нас с Клори посыпались комья земли.

— Через три минуты снова ударят, и все, прорвет защиту. Ты куда?

— Если до мессира дойдет, кто мертвых поведет? — я выбралась из ямы, вытягивая сумку с пластинами.

Побежала к месту, куда только что ударило заклинание. Если не успею, лучше не думать, что землеройка сделает со мной.

Со спины надвигались зомби, впереди луна высвечивала ряды армию противника. Не хотелось встречаться ни с одной из сторон. Я плюхнулась в траву на колени, вытащить уже закопанную пластину было куда сложнее, чем вкопать. Мокрая земля присосалась к ней. Я нашла голубую, вогнала в землю, на место с трудом раскачанной и вытащенной оранжевой.

Не успела я подняться, как в метрах ста от меня одна из землероек пробила цепь, и смертоносная волна, вырвавшись из-под земли, высоким гребнем пошла в строй мертвецов. Комья земли и клоки травы даже до меня долетели. Еще мгновение, и второе заклинание ударило рядом, но, встреченное голубой пластинкой, отправилось восвояси, прямо к тем, кто его пустил. Но ударная волна откинула и меня на спину.

Когда в глазах прояснилось, я подобрала сумку и поползла к месту разрыва. Встать было страшно, в толпу зомби уже летели пушечные ядра, умертвия падали целыми пачками, но уцелевшие вновь вставали и двигались вперед. Я доползла до другого вырытого укрытия, в нем никого не было, но лежала еще одна сумка с запасом пластин. Я уже не успевала к бреши в защите до следующего заклинания, поэтому, вытащив из найденной сумки еще синих пластин, переложила их в свою. Меж тем, еще одна смертоносная землеройка без препятствий вспорола толпу умертвий.

Теперь у меня было совсем немного времени.

В широкую траншею, оставленную заклинанием, я кое-как вставила четыре пластины, не было времени вкапывать хорошо, оставалось надеяться, что они выстоят.

— Синюю давай! Синюю! — когда я подняла от травы голову, переживая, когда на меня перестанет сыпаться земля, после очередной отраженной землеройки, то увидела лежащего на земле солдата. Он махал мне руками:

— Кидай голубую! И назад, на вторую линию! Мне пришлось сесть, чтобы кинуть как можно дальше. Синяя пластина упала прямо у рук солдата. Он был далеко от линии защиты, он еще раз успел махнуть мне, указывая назад, и не поднимаясь, вдавил перед собой пластину. В следующий миг землеройка воткнулась в нее, разъяренно отшвырнула тело солдата, словно сломанную куклу, к подходящим зомби, а сама повернула назад, неся смерть своим создателям.

Я побежала ко второй линии. Зомби тем временем перешли первую, играя роль «живой» стены. Скоро они должны дойти до первого фланга. Я бросилась обратно, туда, откуда намеревалась сбежать, где были Локарис и маги. Найдя себе применение, я потеряла

все сомнения, подчиняясь единой со всеми цели — выстоять эту битву. Словно кто-то вел меня, указывал что делать, какой выбирать путь, чтобы избежать смертоносного ядра, пули или заклинания. «Меня бережет Зверь» — повторяла я снова и снова, боясь вспоминать о Темном боге, но в душе надеясь и на его защиту.

Ночь превратилась в ад. Сначала мне хотелось скорейшего исхода битвы, а после уже чего угодно, что избавило бы меня от участия в ней. Мне удалось отразить более десятка заклятий-землероек, сколько брешей я залатала и не вспомнить.

Битвы с применением магии коротки и смертоносны, уже к утру все начало стихать, все больше шло назад к лагерю. Несли раненных, лишь изредка громыхали пушки, словно последние, замедляющиеся удары сердца. Отдача от какой-то последней, заблудившейся землеройки сшибла меня, и я провалилась в забытие.

Меня бережет мой Зверь...

— Эй, все кончилось, идем, — кто-то растолкал меня. Я открыла глаза и увидела Майкла. Мужчина помог подняться. — Идем, нечего туда смотреть, — он не дал оглянуться на поле, поддерживая за талию, повел вслед за уходящими прочь солдатами.

Воздух был пронзительно свеж и холоден. Утренний туман смазывал фигуры людей, будто присыпая пеплом. Майкл довел меня до телеги с вещами, она ехала медленно, словно тоже не до конца проснулась. Помог сесть. Теперь я могла бы увидеть поле, но туман укутал что-то настолько страшное, что даже Майкл не разрешил обернуться.

Военный министр поспешил вперед. Я только успела заметить какой он встрепанный, никакой прежней подтянутости и надменности, он бежал между людьми, как слуга к хозяину. Я тоже хотела кое-кого найти.

Спрыгнула в мокрую траву, и меня повело в сторону, но головокружение быстро прошло. Я побежала вперед, вглядываясь в лица солдат, с замирающим сердцем провожая взглядом раненых на телегах и носилках. Их было немного, это было хорошо или битва была настолько жестокой, что остальные не уцелели?

— Чарли! — я увидела вдалеке голову со светло-рыжими растрепанными волосами, эту прическу я не могла не узнать. Чарли шел на своих двоих, уже прекрасно. Он остановился, дожидаясь меня.

Он стоял, улыбаясь, в его глазах читалась усталость и опустошенность. С трудом представляю, что ему пришлось увидеть и пережить этой ночью, там — на передовой. Я отвлекалась от его лица, осматривая, нет ли у него ран: крови, почти черной на одежде, было столько, что и не понять.

— Ранен?

— Нет, пара царапин, но, учитывая какой был бой, все равно, что по голове погладили.

— Мы выстояли? Как все прошло? — хотелось обнять его, но он стоял, не протягивая и руки ко мне, не решалась и я. Наверное, не стоило спрашивать о бое, надо бы дать отойти.

— Да. Я, признаться, думал, что мы поляжем, — голос Чарли понизился до шепота, — и что мессир не выдержит. Древнее кладбище, мертвецы долгие века лежали под этой землей. В жизни не видел такой мощи, Айн, будто в аду ночь провел!

Эмоции пробили шаткую плотину опустошенного спокойствия, и Чарли зашагал вперед, стараясь выстроить ее заново.

— Я мало знаю о некромантах, — продолжил он, — но уже имел с ними дело на войне, был у нас один в отряде. Он поднимал убитых, с трудом удерживая над ними контроль в

конце боя. А тут целое древнее кладбище... Умертвий было больше, чем нас — шли просто вперед, будто пушки и заклинания армии Эйтина им не страшны. Но ужаснее всего даже не взрывы рядом, а то, как останки того, кто стоял в строю плечом к плечу с тобой, поднимаются и идут снова в атаку.

Я взяла Чарли за руку, на ходу обнять было трудно, да и я не знала, где он ранен, могла причинить боль объятиями. Чарли сжал мои пальцы, не сильно, а словно благодаря за прикосновение.

— И вот вроде бы уже был в таком бою, а все равно в ужасе, — он не старался строить из себя героя, но и в его честности не было намеков на жалость к себе. — Мессир и защиту держал, — решил сменить тему Чарли. — Нас в основном пушки доставали, заклинания лупили больше по зомби, которые ушли вперед. Представляю, каково сейчас императору.

— Его тоже ранили? — я и забыла про основную роль Локариса в битве. Обряд некроманта ознаменовал для меня начало боя, но далее все будто развалилось на части, и не складывалось в общую картину. Я помнила лишь взрывы и короткие перебежки по полю, мокрую землю, землеройки и болезненные удары от остановленных заклинаний.

— Не знаю, он за нами был, — Чарли пожал плечами и сморщился от боли, — но иногда откатом может покалечить не меньше, чем пушечным ядром. Мы уже и так потеряли одного мага три года назад, и вот этой ночью один слег, не выдержав и маскировки, и защиты. Словно перегорел...

Чарли замолчал, я не стала больше спрашивать. Пусть все погибшие перейдут за Ту грань, забыв случившийся ужас, с миром и покоем в сердце.

Мы шли долго и прилично отстали от молчаливой процессии уставших и раненных солдат. Чарли успокоился, стараясь быть жизнерадостнее, он что-то рассказывал, хотя руки его все еще тряслись, а глаза согревались, когда он смотрел на меня, и уходил из них, не спеша, ночной ужас. Я не знала, как выглядела, что было у меня самой в глазах, какое выражение принимало мое лицо. Удалось вырвать у Чарли еще один короткий целомудренный поцелуй — попытка снова ощутить себя реальной, настоящей.

Когда мы догнали отряд, лагерь почти был готов. Вокруг двух больших шатров пространство заполнялось палатками поменьше. Большой вытянутый шатер определили для раненных, второй, поменьше, поставили для императора. Я растерялась, куда мне идти, где искать ночлег? Поощадил ли меня тогда Локарис, решив не брать жертвой для своего обряда, или все же рассчитывал на это, но я сбежала? Если так, что ждало меня при встрече с ним?

— Эй! — Майре двигалась ко мне широким решительным шагом, отчего ее синие, потемневшие от грязи и воды юбки развевались. Не нравилось мне, с каким лицом она шла. — Послушай меня, — женщина огляделась, оценивая, сколько человек могут ее услышать, — увижу еще раз рядом с мессиром, до моря ты не дойдешь.

— Я на него работаю, нужно будет — буду рядом, — вот ревнивые женщины меня ничуть не пугали. Майре подошла ближе, пытаясь показать свое преимущество, хотя бы за счет роста. Она была красива: высокие скулы, смуглая кожа, грива каштановых вьющихся волос, которым пару дней не хватало расчески, истинная имперская женщина, как сказал Чарли.

— Я могу это изменить, — прошипела она. — Где ты была после боя, а? Когда я ему помогала.

— Где нужно, и тебя не спросила, — плевать мне было на любовниц Локариса, и вступать с ними в долгие беседы я не собиралась. Попробовала обойти женщину, но та

схватила меня за волосы. Драться по-девичьи я никогда не умела, поэтому Майре хорошенько получила кулаком в челюсть. Женщина отпустила меня и ошарашено отпрянула в сторону.

— Быстро прекратить! — громкий, по-военному резкий приказ заставил и меня отскочить в сторону. Это был Чарли, я и не ожидала от него такого тона. — Майре, вернись к себе!

Женщина метнула злой взгляд в мою сторону и ушла. Мне Чарли приказывать не стал, просто молча продолжил идти, куда шел. Кажется, ему неприятно было все это увидеть, будто застал меня за чем-то постыдным, будто не с ним несколько минут назад я шла, заговаривая его боль.

— Почему бы тебе действительно не пойти отрабатывать свой оклад? — Майкл — куда без него. — Невесть какой труд, но хоть польза от тебя будет.

Военный министр возник за спиной, словно из воздуха соткался.

— Я и не отказываюсь приносить пользу, — и уточнила, — мессиру.

— А Чарльз неплохой выбор, перспективный. Правда, за него с еще парой шлюх придется подраться. Ты у нас статистов не выбираешь, все тебя правящие круги манят.

Начинало тошнить от улыбки, сквозящей в словах министра по каждому поводу. Я обернулась к нему и увидела ее — эту порочную улыбку. Сейчас лицо Майкла не скрывала ткань, и в покореженной маске шрамов угадывались некогда красивые губы и надменные, высокие брови.

— В каком смысле, перспективный?

— Чарльз Андор, собственно сын Зухаса Андора. О, ты, похоже, удивлена.

— Есть немного.

— Но можешь не надеяться на сладкое будущее. Его Локарис нашел, сама понимаешь, Зухасу лет много, прошлое туманно, а мир он весь изездил. Детей можно в каждом городе пачками собирать.

— Ну конечно, — мне не очень-то хотелось слушать неожиданно разговорчивого Майкла.

— У парня хорошее образование, и могло бы быть большое будущее. В бумагах Локарис указал его как своего первого преемника. Ясное дело, что скоро нам обоим надоест играть в Империю, и мы окончательно уйдем на Пути. Но не удивительно ли, что по указам Зухаса его отпрыск за последние пять лет побывал во всех горячих точках, и на самых опасных заданиях? Военный министр оставил меня думать над этим вопросом. Над вопросом, который обязательно задам мессиру, как только найду его. Но стоило мне дойти до шатра императора, как увидела, что сегодня это будет лишним. Да и отчитывать за побег меня тоже вряд ли станут.

— Как вы себя чувствуете? — я подошла к Дракону и сразу поняла, что задала совершенно пустой вопрос.

Император, как и Майкл, скинул свою пугающую отстраненность. Он выглядел плохо. Высокий лоб покрыла испарина, под уставшими глазами залегли темные круги, от чего стали четче морщинки. Королевская гордая осанка, которую он сохранял в любом состоянии, сейчас была позабыта. Мужчина стоял, чуть ссутулившись, опираясь на вкопанный у палатки столб. Интересно, в чем же заключалась забота Майре?

Локарис сделал шаг ко входу в шатер, и его повело в сторону. Я поддержала его, много сил для этого не понадобилось, мужчина быстро совладал с равновесием.

— Зачем вы вышли из шатра? — я отпустила Дракона, но отходить не стала, готовая подстраховать. — Где Симен?

— Симен погиб. Я справлюсь сам.

— Ну, от моей помощи вы не отделаетесь. С меня должок, помните?

Я отодвинула полог шатра, чтобы Локарис мог пройти, но сделав шаг, он снова пошатнулся. Хотела взять его под локоть, но он остановил меня рукой, отворачиваясь. Его стошнило. Кровь казалась очень яркой на покрытой белым инеем земле. Я уже знала, почему так: откат, как плата за чрезмерное использование Силы, и старые таинственные раны Дракона, которые до сих пор мучают его.

Локарис опирался на столб двумя руками и, прикрыв глаза, приходил в себя. Все же слишком много крови...

— Идемте, — я потянула его в шатер. Лучше всего Локарис восстанавливается во сне, а значит, надо поскорее уложить императора в постель.

Там я помогла ему умыться, поливая ледяную воду из кувшина, помогла разуться. Треножки уже нагрели шатер, и в теплом хвойном воздухе мерно покачивались магические огоньки. Я и сама безумно захотела спать.

— Для солдат вы герой, — сказала я, откидывая свой перепачканный в земле камзол. Локарис без сил опустился на край постели. — Вот и настала моя очередь заняться вашими болячками. Не только же вам со мной нянчиться. Как ваша спина? Я видела...

— Все в порядке. Майре обработала, — Дракон потянул блузу, я помогла ему снять ее. Он лег на бок, закрыл глаза.

— Послежу за вами немного, — сказала я, но Локарис уже спал.

Принесла одеяло со своей лежанки, Дракон улегся сверху на покрывало, поэтому я накрыла его своим. Потом омыла руки, лицо и шею холодной водой, быстро расплела свои волосы, чтобы вытрясти из них землю, переделась в блузу, в которой спала. Для большего не было сил. В шатре гуляли сквозняки, но угли в треножниках согревали потоки, похожие на скольжение нагретого солнцем шелка, они гладили уставшие ноги.

За матерчатыми стенами слышались звуки дневной жизни лагеря. Для солдат война была делом привычным, я же, оказавшись, наконец, снова в тепле и безопасности, чувствовала себя опустошенной. Все силы и страх остались где-то в изуродованном взрывами поле. В какой-то миг, расшатывая в вязкой грязи очередную испортившуюся пластину, думала, что когда все кончится, обязательно наревуся вдоволь или напьюсь, или все вместе. Но я стояла у постели оглушенная, и из всего сколько-то близкого мне оставался только император.

Я хотела, чтобы он спросил меня с его обычной покровительственной небрежностью: «Так что же, удалось что-то доказать себе?». Я бы сказала, что не знаю, что нет, не удалось — некогда было думать. И это хорошо. Не хотела и сейчас думать.

Я обошла императорскую постель и легла, прижавшись к спине Дракона. Через ткань блузы ощутила корочку зелья, что стянуло края его ран, тяжелое неровное дыхание, но глубокие размеренные удары сердца. Всегда ровный ритм, всегда спокойный. Сон сморил мгновенно.

Когда я проснулась, императора уже не было. На подушке осталось потемневшее пятно крови, а на столе нетронутый завтрак на двух человек.

После тяжелого боя, после того, как эйтинские землеройки кидали меня в мокрую

землю, после того, как били по телу комья и камни, я чувствовала себя совсем не так, как должна была. Напротив, несмотря на тело, украшенное синяками, как и в то утро, после операции, я была полна сил. Хотела встать, хотела что-то делать, и чувствовала себя живее, чем за все свои семнадцать лет.

Небольшая уборка: заменить подушку, застелить постель, собрать вещи, вспомнить беднягу Симена. Привести себя в порядок: вычесать волосы, умыться, одеться. Мои камзол и штаны высохли, но лучше выглядеть не стали, они требовали стирки, а может быть, чтобы их пустили на тряпки. Да и запах не радовал — затхлый и навязчивый, слишком напоминающий подzemелья Золанки из ночных кошмаров.

Здравствуй, невнятное синее платье, а я так надеялась, что мы не познакомимся ближе! Я поднесла сукно к лицу, стиранное, но все равно отдает уже знакомым сладким запахом духов «цветы Итала». Платье Майре, значит. Ладно, чего уж капризничать? Не заимствовать же одежду у мессира, утону в ней. Да и платье оказалось на два-три размера больше, а его юбка вполне могла бы стать крышей небольшого шатра. Но что делать...

Я все же порылась в императорских вещах и ограбила Локариса на еще одну блузу, чтобы надеть ее под платье. Старые сапоги пришлось приводить в чувство, они тоже были мне велики, но хоть не солдатские. Я с тоской вспоминала горячие источники, озеро, ванну в резиденции — любое сколько-то пригодное для купания место, но лучше все же ванну, походная жизнь мне уже надоела.

Перекусив, съев и свою порцию, и половину императорской, я решила выйти из шатра и найти себе дело. Так и оказалась в шатре для раненых под чутким руководством военного лекаря Идена Шева.

— Вы тоже «Белый лев»? — я снимала пропитанный кровью бинт с пораненной руки командующего Кейвандера.

Белый с кучерявой гривой лев был прицеплен на матерчатую стену шатра над изголовьем лежанки. То есть там, где человек из моего мира повесил бы икону, распятие, или портрет любимой.

— Да, меня приняли перед походом императора на север, — ответил командующий.

Он выглядел неплохо для человека, чуть не потерявшего руку и раненного осколками разлетевшейся пушки в живот и в голову. Хотя и я встала через два дня после того, как мне вскрыли грудь, даже шрам шуточный остался. Иден Шев творил чудеса.

Белый бинт на голове Кейвандера сбился за ночь, отчего его жесткие седые волосы торчали, как нелепая шапочка. Сам мужчина был похож на свои волосы — помято-угловатый, жесткий облик, нос с широкой переносицей, светлые щетки-брови над широко расставленными серыми глазами, почти квадратная челюсть — для командира образ что надо.

— Вы сопровождали императора? — я невольно вздрогнула, когда последний виток бинта упал на пол. Рука Кейвандера напоминала опыты над мертвецами: извилистые линии швов, почерневших от крови, сине-зеленая кожа.

— Нет, мы занимались делами в Империи. Секретными такими операциями, — Кейвандер улыбнулся, видно, заметил мой испуг и решил отвлечь болтовней. — Белые львы не просто орден, мы служим не императору, а Империи. Ее интересы — святое для нас!

Кейвандер был третьим раненым, которому я меняла повязки. Первых двух я перевязала под присмотром лекаря, а с командующим он мне доверил справиться самой. Я обмыла руку одним из зелий, оно стирало засохшую кровь и ту мазь, что коркой закрепляла

швы, дезинфицировало и увлажняло, потому что мазь сильно сушила кожу. Но этим швам еще долго предстояло быть под коркой, посиневшая кожа оставалась холодна. Хотелось накрыть руку ладонями, согреть, передать жизнь, как это мог делать лекарь.

— Неужели были случаи, когда приходилось действовать решительно ради интересов Империи? — я взяла баночку с мазью и удивленно посмотрела на мужчину.

— Не так много, — ответил он и задумался. — Мы никогда не допускаем, чтобы проблема зашла далеко, предупреждаем ее.

Глаза Кейвандер а продолжали светиться улыбкой, но были мутными, сонными. Конечно же, его обезболивали. Сейчас треножник с дурманящими травами был закрыт, но, видно, их действие все еще не прошло.

Я улыбнулась мужчине, чуть наклонилась к нему и шепнула заговорщически:

— Что, даже приходилось выбирать между интересами Империи и императором?

— Мессир великий... правитель, но он полукровка. Еще сорок лет назад их вырезали и травили, и ничто не заставит меня принять его как человека! Следить, чтобы он верно правил, наша основная задача, — Кейвандер тоже шептал, но его затуманенный мозг делал шепот слишком слышным.

— Неужели он мог навредить Империи? — я похлопала ресницами, продолжая бинтовать руку, и все еще склонялась к командиру. Он же старался выразиться сдержанно и прозрачно, но, вроде, считал меня дурочкой, которой можно рассказать страшную сказку.

— Он мог ее бросить. Разве может нечеловек со всей серьезностью думать о людях? Он дракон наполовину, а это скверные твари. Мессир умен, но кровь сильнее. Если вдруг что-то покажется ему более интересным, он променяет на это то, что уже приелось ему. Но мы не дремлем, вот как было с Зосмой...

— Зосмой?

— Добрый день, Айн. Очень рад тебя видеть здесь, — Чарли зашел неожиданно, и мы с Кейвандером вздрогнули. Жаль, мне казалось, я смогу выведать что-то интересное. — Ох, ты в платье!

— Как-то так, в него вполне могла бы влезть еще одна я, — я закончила с перевязкой, подхватила тазик с грязными бинтами и подошла к Чарли, чтобы привычно протянуть ему руку.

Он не стал жать ее, моя ладонь так и осталась протянутой, горячие же его руки обняли мое лицо, и губы приникли к губам. Мягкое давление, но нетерпеливый его порыв прервался, стоило мне чуть раскрыть губы.

— Здесь столько дурмана, надеюсь, никто не заметит это, — сказал он, отступая на шаг, и уже громче добавил: — Извини, но можешь оставить нас с господином Кейвандером?

— Да, конечно. Чарли? Почему ты не сказал, что Зухас Андор твой отец?

— Это что-то меняет? — по взгляду Чарли я поняла, что он не хочет об этом говорить.

Я не стала настаивать:

— Нет, ничего. Что ж, я пойду, спрошу, чем еще помочь лекарю.

— Айн?

— Да?

— Вечером, если дождь перестанет, да и если не перестанет, мы в лагере будем отмечать победу. Мессир просил составить тебе компанию, если ты захочешь выйти из шатра на праздник.

— Может быть... Если дождь перестанет.

Я вышла в зимнюю морось, отнесла бинты на кипячение. Иден Шев отпустил меня, сказал, что помощь не понадобится до завтрашнего дня, если только я не захочу пообщаться с кем-нибудь из раненых.

Похоже, у всех здесь были секреты, и Чарли не исключение. А что если он так напрягся из-за того, по приказу отца бывает на всех войнах? Ведь он говорил, что устал от сражений... Возможно, Чарли зол на своего отца. Но разве мог такой благородный человек, как Зухас Андор, замышлять что-то против своего сына? С другой стороны, то, как он обходился с молодым Драконом, тоже не делало ему чести. И что за дело «Зосма», о котором начал говорить Кейвандер? Много вопросов, и, как всегда, придется задавать их Дракону. По крыше забарабанил усилившийся дождь

— вовремя я вернулась в шатер. В комнатку дунуло влажной свежестью, и следом вошел император.

— Доброго времени, — сказала я. — Хотите, я попрошу еды для вас? Вы не притронулись к завтраку...

— Нет, не стоит. У меня обозначилось немного свободного времени, и мы можем получше познакомиться с твоим зверем, — Локарис остался стоять у входа.

— Там дождь идет.

— Пожалуй, да. Я только пришел оттуда.

Ясно, ледяной осенний дождь был Дракону не страшен, у него помимо железного иммунитета еще и предостаточно одежды. У меня же постиранный камзол и штаны, которые нескоро просохнут, и платье, которое после прогулки под дождем и грязи уже мало будет напоминать платье.

— Для обычной жрицы, чтобы перекинуться, необходим ритуал, — сказал он, — а перед ним медитация. Но я научу тебя обходиться без этого. Уверен, что зверь и руна Золанки нужны были лишь для того, чтобы Адрамелех получил над тобой контроль. Но мы извлечем из этого свою выгоду.

— Знаменитый драконий принцип?

— Единственный верный — если дует сильный ветер, я строю мельницы, если парит солнце, я выношу сушить матрасы. Все мои враги на самом деле работают на меня.

— И Кестр? И Майкл?

— И они.

— Значит ли это, что партия с Кестром еще не закрыта? — мысль о Кестре разбудила воспоминания о Путиях, о нашем с Драконом путешествии, и почему-то я ощутила некую теплоту на душе.

— Ты задаешь много вопросов. Идем.

Мы ушли глубоко в лес, где густые кроны немного укрывали от дождя. Остановились у небольшой полянки. Здесь было мало травы, и мокрая земля разъезжалась под ногами, а в небольшой канавке замерзал пересохший ручей, покрываясь хрусталем ледяных игл.

— Тебе придется снять платье, — император повесил камзол на ветку дерева, откинул пятерней мокрые волосы.

— Не хотелось бы...

— Волк в платье — нелепое зрелище.

— Ваша правда, — я принялась расстегивать пуговицы, по крайней мере, платье не испачкается и останется относительно сухим. — Вы первый мужчина, который видит меня

голой, да еще с завидным постоянством.

— Постарайся почувствовать, что меняется. Как приходит зверь, — когда я разделась, Локарис положил мне на шею ладони, его пальцы коснулись щек. Я с опаской взглянула в драконьи глаза. — Ты существуешь в обеих гранях, в Живой грани и Мире Силы. В Мире Силы ты больше, ты другая, как и любой из нас...

Истинные глаза, истинный голос, гипнотизирующий, умиротворяющий. Но в черной щели вертикального зрачка, обьятого янтарным свечением — бездна, бесконечная, холодная и прекрасная, как полет с обрыва.

— ...я не знаю, что пожелает твой зверь, что шепнет ему Адрамелех. Возможно, ты захочешь убить меня. А сейчас почувствуй Мир Силы, ведь частично ты всегда в нем...

Я не видела ничего, кроме драконьих глаз. У меня не было головы, не было тела, не было и рук Локариса, что держали мое лицо. Существовал лишь мир вокруг, удивительно полный, ухающий, пульсирующий, оглушающий. Я захотела закричать, не в силах вынести этой полноты, но снова услышала его:

— ...вслушайся, почувствуй. Ты и зверь полны одинаковой Силы, вы одно...

Теперь мир стал шевелиться, кишеть жизнью. Он поскрипывал старыми деревьями, трещал замерзающей травой, искрил пробегающим зверьем, скользким в зимних зарослях в километрах от нас. Придавил, словно взрывной волной, горячей, бурлящей жизнью военного лагеря.

Я слышала каждый звон ложки по борту котелка, скрип подпруги или седла, каждый уставший вздох, каждый шорох мокрой ткани каждой палатки. Я начинала сходить с ума, но потом:

— ...а теперь слушай меня...

Размеренные удары. Знакомое умиротворение, старый, неизменный ритм. Уверенное сердце, непоколебимая громада Силы, того, кто в иной грани дракон.

— Возможно, ты ничего не смогла понять, — Локарис продолжал держать меня, но теперь его крепкие пальцы сжимали шкуру на холке. — Со временем ты разберешься...

Насыщенный воздух проникал в меня, пронзая холодом все нутро, и, часто вибрируя, выходил. Я услышала низкое рычание и поняла, что оно принадлежит мне. Дракон отпустил шкуру, медленно выпрямился и отошел на несколько шагов.

— Победи меня, — сказал он, но губы его не шевельнулись. Это был не его голос.

Я ощущала возросшую массу тела, тугую силу в мышцах. Я чувствовала, как, свистя, воздух покидает клыкастую пасть, как когти широких лап утопают в земле.

— Победи меня, — просьба, подобная мольбе эйтинского принца Андора: «Прекрати мою ярость, затуши мой огонь». Мольба...

Но другая я, так что внутри осталась человеком, словно смотрела со стороны и понимала, что, чем бы я ни достала безоружного Локариса, клыками или когтями, рана будет рваной и болезненной. Дракон плавно наклонился, глядя мне в глаза, так осторожно наклоняется человек перед собакой, чтобы поднять с пола палку или камень, только Локарис не боялся, он провоцировал. А я вместе с отвращением от мысли, что могу ощутить во рту его кровь, прорвать зубами кожу, слышала навязчивую мольбу: «победи меня».

Камень с глухим звуком ударился в спину, я услышала короткий взвизг — он принадлежал мне. Я рванулась на Локариса, намереваясь сбить его своей массой, просто снести с ног, не пуская в ход когти и клыки. Но уронить мужчину не удалось, он воспользовался моей же скоростью и перекинул через себя. Я мешком упала к

пересыхающему ручью, собрав спиной листья и грязь.

Все было на первый взгляд просто: прыгай да кусай. Дело даже не в том, что Локарис с легкостью парировал мои атаки, иногда сбивая кулаком, а в том, что его удачи и мои падения будили во мне неистовую ярость. Ярость, которую я никогда не чувствовала, которую могла осмысливать и наблюдать со стороны.

— Я могу превратить тебя в мешок с переломанными костями, — Дракон обходил меня по кругу, пока я снова училась дышать после встречи с деревом, после того, как рука мужчины, схватив меня за шкуру, словно котенка, кинула в сторону. Он шел, не спеша, с прямой спиной, придирчиво осматривая. — Победи меня.

Я подтянула под себя заднюю лапу, собираясь ей оттолкнуться, как только Локарис подойдет ближе. Следила за ним, притворяясь, что не в силах подняться, и он подошел ближе. Оттолкнувшись, я кинулась вперед, лапы поехали по грязи, а Локарис оказался слишком быстр и успел отстраниться. Тем не менее, мои зубы сомкнулись в нескольких сантиметрах от его руки. Мессир улыбнулся, словно говоря: «вот теперь игра, наконец, началась».

Я была зла до чертиков. И, ох, как хотелось что-нибудь ему порвать, достать, наконец. Отведать этой вязкой крови с сиреневым отливом, прокатить ее по пересохшему горлу. Он позволил сократить дистанцию, все еще не давая ни укусам, ни лапам себя достигнуть, но хотя бы перестал перекидывать меня от дерева к дереву. Нужно его повалить — пока он на ногах, шансов у меня нет.

Локарис снова сбил меня ударом. Я оттолкнулась лапами, упираясь в его ноги, двинула свое тело по земле. Так я не могла сделать хороший прыжок, но оказалась у него за спиной, и зубы мои, пусть случайно, но сомкнулись в правильном месте, зацепив кожаный ремень. Я мотнула головой, вкладывая в движение всю силу, и Локарис упал. Схватись я за рубашку, даже зацепив его кожу, рванула бы и осталась с обрывком ткани в зубах; ремень же был крепкий и не порвался, не дав мужчине устоять.

Дракон быстро перевернулся на спину — я не успела встать на лапы, но теперь моя голова была рядом с его. Я двинулась раньше, чем сообразила, что, не подхвати меня его руки, я бы порвала ему горло. Локарис держал меня за шкуру по обеим сторонам от ушей, а я, не в силах остановиться, бесполезно клацала зубами перед его лицом. Он вытянул руки, продолжая лежать, но их длины было недостаточно, чтобы обезопаситься от лап.

Злость бурлила во мне, злость и досада — из-за него со мной все это происходит! Не без наслаждения я провела лапами по его груди, словно собиралась вырыть в ней яму. Затрещала ткань рубашки, в нос ударил запах желанной крови. Я не собиралась повторять движения, но Локарис перевернулся, вдавливая меня в землю. Зажатая его пальцами кожа на шее натянулась, мешая дышать. Он почти лег на меня, и лапы оказались бесполезны: слишком большие, чтобы упереться в грудь или в живот и отбросить.

С минуту он смотрел мне в глаза, ни злости, ни азарта. Моя судьба могла решиться от одного его движения. Неожиданно он улыбнулся, губы его чуть разомкнулись, обнажив белые зубы. По человеческим меркам он улыбался бы от уха до уха, будто говоря: «классно поиграли».

— Я монстр. Теперь я монстр... — я снова сидела в императорской части шатра, на постели мессира. Сейчас не чувствовала ни зла на него, ни толики ярости, лишь смущение и досаду.

Дракон тем временем снял камзол, который надел на изодранную блузу, чтобы его солдаты ничего не заподозрили. Стянул и саму блузу, а потом раскрыл сумку с зельями.

— Я не хотела.

Дождь обмывал потоками шатер, накрывая куполом шума: шелеста по стенам, частого перебора капель по натянутой крыше. Сквозь щели тянуло свежестью и запахом мокрой листвы, костров. Для небольшого праздника уже натянули тенты, собрали столы. Где-то там меня ждал Чарли, предвкушая, что ранняя темнота скроет нас от посторонних глаз.

— Мелочь, — Локарис вытащил нужный пузырек, отставил на стол и взял кувшин с водой. — Хороший, сильный зверь. Что ты слышала?

— Вы просили победить вас...

— Вот как, — Дракон перестал промывать царапины, пожал плечами. — Странные у меня тайные желания.

— Извращенная интерпретация Адрамелеха, так ведь? — я поднялась, подошла к столу и сама смешала зелье с водой. — Какой он?

— Адрамелех? Безликий, как и все боги Арнбора. Мир, люди и драконы были раньше богов. А поскольку все в Арнборе пронизано Силой, то наши предки создали богов своими опасениями, своими надеждами. Сейчас люди все больше отделяются от сил природы, от Арнбора, потому и многие боги умирают, утратив верующих.

— А некоторые слишком связаны с людскими пороками. Вот как... — я смочила ткань, приложила к глубоким царапинам. Сама не знаю, почему делала это, почему сейчас помогала ему, ведь чувство вины уже пропало. — Вы, должно быть, уже знаете, какую выгоду извлечь из партии с богом?

Локарис остановил мою руку и вытянул из пальцев ткань:

— Иди на праздник.

* * *

*Айн. Рорса-Бер.
Северные моря.*

Город, укрытый пеленой осеннего увядания, встречал уютными красками желтой глины, белеными барельефами и красными черепичными крышами. Морской город-игрушка, словно сошедший с картинки. Он примыкал к темно-синему морю так, что, казалось, толкни один домик, остальные, как кости домино, посыплются в воду.

К центру столицы дома становились все краше. В белую лепнину вливались позолоченные узоры, стены пестрили расписными вывесками, не спеша подготавливая гостя к золотому величию дворца. Рорса-Бер так разительно отличался от величественного, часто грозного в дождливый день Ишеб-Ревера, что можно было решить, что я снова переместилась в другой мир.

Нас встречали как союзников, как победителей армии Эйтина. Кто бы мог теперь сомневаться, что Рорса-Бер выберет в союзники Империю. Да и можно ли раньше было

пренебрегать мощью императора-Дракона? Теперь воинственный сосед впредь не будет страшить короля приморского королевства, когда оно в союзе с Империей.

Я старалась держаться Локариса, иногда переходя границы приличия, сама себе напоминая Майре. Пускай я тоже пыталась войти в этот город при императоре, но сомневалась, что, пропади я с глаз Локариса, он вспомнит обо мне. Сомневалась и в том, что Чарли озаботится тем, чтобы я могла расположиться с ними во дворце. В конце концов, это я искала встречи с ним, первая приходила, чтобы посидеть у костра или побеседовать, дважды первая целовала его.

В лагере, когда праздновали победу, когда дождь к ночи все же утих, мы ушли в укрытие леса. Он рассказывал мне о том, что у его матери есть ферма и она разводит овец, это далеко от Империи, и Чарли горячо любит те края. Он рассказал, как Дракон нашел его, как предложил службу в имперской армии, как Чарли сам узнал, что его отец великий государственный деятель Зухас Андор. Много говорил о матери, о службе. Я же не могла сказать о настоящей себе, только выдала короткую выдуманную историю. Я наловчилась такие придумывать, ведь в этом мире моя настоящая история ничего не значила, и знали ее только Локарис, Майкл и Мэл.

Но мессир удивил меня так, что я до сих пор не уверена, не приснилось ли мне это. При входе во дворец он, спрыгнув с лошади, которую тут же увели слуги, одетый, как полагается императору во главе своей армии — в кроваво-красное сукно, взял меня, чумазую с дороги, в несуразно сидящем солдатском камзоле, за руку и подвел к королю.

Я присела в низком поклоне. Локарис же чуть склонил голову в знак уважения. Король Рорса-Бер Айлпин Второй поклонился Дракону, прижимая руку к сердцу. Сейчас оба правителя могли позволить себе улыбки и рукопожатие.

— Локарис, наша благодарность не будет знать границ! — сказал король. — Позвольте здесь, на пороге нашего священного дворца Звезды Арона, преподнести вам в дар реликвию, хранимую нашим родом многие века. Кровь зеленой драконицы Оанелль, дарованная моему прадеду!

Слуги вынесли открытый расписной ларец, в котором поблескивала пузатая бутылка, обвитая золотым узором и драгоценными камнями. Локарис с легкой улыбкой поблагодарил короля.

— Вы человек большого сердца. Союз, который вы нам предложили — широкий жест! — Айлпин только чуть запнулся, он знал, какая была альтернатива сотрудничеству. — Я сожалею, что не смог раньше заверить вас в нашей дружбе.

— Я никогда не сомневался в вашем расположении, — ответил Дракон. Айлпин был невысок, лет за шестьдесят на вид и имел забавные усы, они торчали над его широким ртом как щетка и были цвета самого выбеленного барельефа, что я видела в городе. Живот его большой каплей нависал над толстым золотым ремнем, но он не делал правителя смешным или неуклюжим. Он был королем, и это нельзя было не заметить в его осанке, во взгляде светло-голубых глаз, на которые наваливались белые курчавые брови.

— Но мы все понимаем, — продолжил Локарис, — что наш союз крайне нежелателен для Эйтина. Мои разведчики узнали, что король Эвандер выслал отряд во главе со своим четвертым сыном, чтобы перехватить меня, зная, что мое сопровождение для дружеского визита в Рорса-Бер крайне немногочисленно. Мне пришлось принять меры.

— О да, — Айлпин откашлялся, ему не нравилось смотреть на высокого Локариса снизу, поэтому он смотрел в сторону, склонив голову, и казалось, он сожалеет о том, что

Дракону пришлось столкнуться с такими трудностями. — Но вы в очередной раз показали мощь Империи.

Конечно же, Рорса-Бер ваш вечный брат и наши солдаты с готовностью встанут плечом к плечу с вашей армией против Эйтина.

— Несомненно, — Локарис кивнул. — Но не будем задерживаться на пороге.

— Конечно-конечно, — король еще раз поклонился императору, а гвардейцы Рорса-Бер растворили тяжелые золотые двери. — Для нас большая честь принимать вас! Дракон поманил меня следом, и когда мы оказались в тени расписных сводов, он склонился к королю:

— Пожалуй, только представлю вам одного бойца, который сыграл не последнюю роль в деле с Эйтином. По секрету, Айлипин. Эта девушка не солдат, не командующий, но я хочу, чтобы она была на празднике, ведь с нее началась та цепочка, что так благоприятно для вас завершилась. Она убила Андера, а за это — много ли надо девушке после тяжелого перехода через Земли Предков?

* * *

Айн. Рорса-Бер.

Дворец Звезды Арона.

Не понимаю, зачем он это сделал? Что за блажь? Черта с два Дракон бы беспокоился о награде для меня, тем более, он-то знал, что убийство Андера случайность и ошибка.

Я смотрела на себя в зеркало на трюмо: узкое платье делало меня худой и вытянутой. Корсет поднимал над темно-зеленой тканью совершенно бледную грудь, бледное же лицо отражалось призраком. Только волосы спасали положение ярким контрастом.

Не сказать, что я обладала выдающимися формами, я была миниатюрной, и этим все сказано. Но то, что делал корсет с моей грудью, казалась мне жутко неприличным. Я оглядела комнату: портниха подобрала все лишние кусочки и ниточки, Потом уронила взгляд на поднос с пирожными и кружевную салфетку под ними. То, что нужно, и да простят меня хозяйева. Запихнуть в корсет лишнюю часть салфетки было сложно, пришлось ее порезать ножничками и методично запихивать только кружево. Даже розовый шрам прикрылся, ну не молодец ли я?

Бальная зала поразила меня великолепием. Она сияла каждой деталью, и этот блеск множился в зеркалах, что перемежались на стенах с позолоченными узорами. Три люстры с тысячами свечей освещали гостей, которые были одеты — вот неожиданность — почти так же сдержанно, как и я, разве что на украшения не скупилась.

Вышли король и Локарис, величественно прошествовали к двум большим креслам, что стояли на возвышении в конце залы. Седую голову Айлпина венчала массивная корона, наверняка шее бедняги приходится держать вес потяжелее, чем у моего платья и корсета, вместе взятых. Костюм его был богато украшен золотой и серебряной вышивкой, на плечах лежал широкий плащ из белого меха, а на груди, в круглой рамке размером с яйцо, портрет королевы, приколотый к камзолу за черную ленту. Изображение покойной супруги короля занимало место у сердца Айлпина, и ни одна медаль или орден не смели висеть рядом и отвлекать на себя внимание.

Локарис рядом с Айлпином воплощал мрачную торжественность. Он был прекрасен, пусть и не хотелось так говорить о нем, я долго смотрела на него. Мероприятие обязывало его одеваться, как полагается императору: камзол цвета темной крови, расшитый сложным узором из тонких изящных ветвей и длинных языков пламени, выполненных серебром и черной нитью. Я впервые увидела на голове Локариса венец, подобный венцам Майкла и Зухаса, но более искусной работы. Несмотря на причудливую вязь узора, украшение смотрелось мужественно, да и есть ли такая вещь, которая могла бы уменьшить эту мужественность и стать?

Праздник длился уже третий час, и я изнывала от скуки: танцевать не умела, поэтому приходилось отказывать подходящим кавалерам, а угощаться за богато накрытыми столами не давал корсет. Да и настроение становилось все мрачнее с каждым получасом. Подумалось, что я совершенно одинока в этом мире. Никто не ждет меня на этом балу, никто не ждет после, и нет никакого дома, в котором бы тоже кто-то ждал. Я жалела себя и одновременно ругала за это. Ох, можно подумать, такое уж новое чувство за мои сиротские годы!

Командующие нашей армии собрались у кресел короля и Локариса и вели беседу с правителями. Чарли был среди них, хотя дважды за вечер проходил мимо меня, но даже не заговорил. Чего уж, и взгляда не кинул. Однажды я позвала его, он был не дальше вытянутой руки, но сделал вид, что не слышит.

— Детка, совладай со своим лицом, — Майкл возник рядом как всегда неожиданно. — У тебя вид, будто ты сейчас выпрыгнешь из своего траурного платья и кого-нибудь разорвешь.

— Платье, как платье, — единственный вежливый ответ, который пришел мне на ум. Я приготовилась к тому, что язвительные комментарии помощника Дракона разотрут меня в песок, и вечер вконец будет испорчен. Будь неладен Локарис, обрекший меня на эту каторгу!

Майкл, за исключением черной ткани, скрывающей изуродованное лицо, представлял собой самого настоящего аристократа, даже франта. Он надел камзол в тон своей повязки, черный. Из-под широких расшитых отворотов выглядывали белоснежные манжеты с тонкой серебряной вышивкой, на музыкальных пальцах были кольца. Голову венчал уже знакомый мне венец, а на груди сверкала лента с наградами.

— Но так будет лучше, — пальцы министра зацепили и вытащили кружево салфетки из моего корсета быстрее, чем я успела накрыть ее руками. — Слишком уж избитый узор, под каждой тарелкой такое лежит. Потанцуй со мной.

— Да конечно, прямо горю от желания, — прошипела я, но потом одернула себя. С чего завожусь? Из-за невнимания Чарли? Нет, не дождется. — Я не умею, — примирительно добавила я.

— В моих объятиях и калека затанцует, как лебедь, — Майкл поклонился, предложил руку. — Прекрасная работа, не правда ли? Детка, такого аккуратного шрама тебе бы не оставил ни один хирург.

— Если бы не ты, его бы вообще не было.

Мужчина был прав, он так умело вел, что мне не приходилось сомневаться ни в одном своем шаге. Я просто плыла, согласно его движениям и ритму музыки. Мы плавно вошли в вереницу танцующих, и там и тут замелькали, искрясь, тяжелые серьги, колье, закружились локоны, голые плечи и улыбающиеся губы.

— Ты ловкая, быстро учишься.

— Мне уже говорили это.

— Ты же не надеялась, что Чарльз Андор заговорит с тобой на таком вечере?

— Ты же танцуешь со мной, и тебя еще не закидали камнями.

— Я твердо сижу на своем посту, а моя репутация выдержала столько нападков, —

Майкл резко повернулся, согласно неожиданному витку мелодии, повернулась и я. — Одно дело беседы среди солдатских палаток, другое в обществе. Чарльз скоро сменит Локариса на троне, все на это надеются, и он не сделает ни одного лишнего вдоха, который мог бы очернить на людях его светлый образ. Так что и не надейся.

— И не надеюсь, — я выскользнула из рук министра. Одна из танцующих пар столкнулась со мной, и я поспешила к колоннам. Уйти с посторонних глаз и от министра. Я бы ушла из залы тоже, но не знала, как вернуться в свою комнату.

Майкл догнал меня:

— Теперь у тебя вид, словно вот-вот прольются слезы, — сказал он довольно. — Но я не просто так подошел к тебе. Локарис покинет бал через полчаса, он предлагает тебе составить ему компанию.

Министр оставил меня думать над неожиданным предложением мессира. Слезы! Ни он, ни кто-либо другой не дождется этого! И Чарли тоже. Тоже мне, я его репутацию испорчу. Да я вошла в этот дворец рядом с королем и императором. И все равно не та... Конечно, не та, и правду, на что я надеялась?

Тому, что через полчаса я стояла у входа в праздничную залу, не было никакого разумного объяснения. Я хотела, чтобы Дракона задержали, и он не вышел к назначенному времени. Или чтобы вышел скорее, тем самым прекратив беспорядочное метание мыслей в моей голове. Он вышел ровно в то время, что назначил, кивнул, приглашая следовать за ним.

Когда мы по извилистым дворцовым коридорам вышли к его временным покоям, он сам открыл дверь, пропустил меня вперед. Дверь чуть скрипнула, щелкнул замок, и меня успокоил это щелчок — теперь чужое общество Рорса-Бер, все, что не желало принимать меня, было за этой дверью.

В распахнутое окно заглядывала ночь, и в ее звонкой прохладе шептало море, принося влажность и непривычные запахи. Я подошла к столику, на котором стоял поднос с небольшим хрустальным кувшином и стаканами. Вода смочила горло, я надеялась, что мой голос не дрогнет, если решу что-то сказать.

Локарис снял с головы венец, положил в обитый бархатом ящичек. Неторопливый, уверенный, он был бы так же спокоен, даже если разом обрушились бы все стены дворца. Как и его полудраконье сердце, с размеренными ударами.

Я завела руки за спину, пытаюсь нащупать узелок шнуровки на платье:

— Для этого ведь позвали?

— Для этого, — кивнул Дракон.

— Отлично, — сзади были только натянутые, как струны, шнуры, и я даже не могла понять, где они завязывались, мои пальцы в беспомощной злости прошли вниз. — Просто отлично!

Локарис зашел сзади, и его руки ловко расшнуровали сначала платье, потом корсет. Я сделала глубокий вздох: отсутствие оков расправило все внутри. Что ж, по крайней мере, один раз он уже сделал мне хорошо, по крайней мере, его не волнует, кто я, да и он единственный знает меня настоящую.

Платье тяжело упало в ноги, на мне осталась только нижняя рубашка. Локарис

скользнул руками под легкую ткань. Широкие ладони с легким нажимом прошли по спине, расправляя перетянутую за несколько часов кожу, сменяя теплым скольжением грубость корсетного плена. Потом руки мессира скользнули на живот, даря все то же расслабляющее ощущение, злость постепенно отступала. Шеи коснулись губы мужчины, и я непроизвольно вздрогнула. Теплый выдох сопровождал движение губ вверх, и я поднимала голову до тех пор, пока он, нагнувшись, не смог меня поцеловать.

Это оказалось столь волнительно, что я прервала поцелуй, не дав ему стать настоящим. Развернулась к императору лицом, чуть влажный отпечаток холодел на губах.

— В вашем равнодушии больше искренности, чем во всем этом мире, — сказала я.

Глава 8

Принцип Дракона

Меланиппа. Ишеб-Ревер.

— Ненавижу ее! — Рабике нервно качала ножкой под столом и крошила ложкой кремовые цветы на пирожном. — Поганая девка!

— Ладно, чего уж, — ответила Мэл. — Уже два месяца прошло. Ничего, кроме как успокоиться, не остается.

— Тебе легко говорить, ты осталась в резиденции, — бывшая служанка откинула ложку, порывисто промокнула губы салфеткой. — Она подставила меня! Подставила низко и грязно! Рыжая ведьма, кто мог подумать, что она по головам пойдет!

— Но ты же первая решила пожаловаться Милораде, ты первая пустила слух, что Айн и мессир... — Мэл запнулась, на них уже начинали поглядывать другие посетители булочной Пышки Эниф.

— Слух?! — Рабике невесело хохотнула. — Когда я пришла к Милораде, она уже все знала. Эта змея, эта Айн сама пришла к ней и просила подсобить с должностью ввиду симпатии императора к ней. Ответственная за правое крыло — эта ли должность для полуграмотной девчонки? Да сколько ей вообще лет?

— Тише, Рабике, тише, — Мэл накрыла руку девушки, но Рабике не желала успокаиваться:

— Я не замолчу! Всем скажу, какая она. Подстилка для вырожденков!

— Рабике! — теперь злилась и Мэл, готовая вlepить подруге пощечину, чтобы привести в чувство. — Думай, о ком ты сейчас говоришь!

— Извини, Мэл. Я все еще злюсь, я потеряла работу. Да и ты, ты подходила на это место не меньше, чем я. Кто бы мог подумать, что эта овечка окажется настоящей волчицей? Ох, вот только встретиться она мне в городе...

— И что же ты сделаешь? Сама же сказала — мессир...

Мэл замолчала, отвела взгляд в окно. После дождливых зимы и весны пришло долгожданное лето, быстро захватив Ишеб-Ревер в плен цветущих деревьев и благоухающих клумб. Здесь девушку оставлял гнет резиденции, оставляла досада, и столица вновь вдыхала в нее жизнь. Мэл лишь жалела, что согласилась на встречу с Рабике.

Но Рабике была права. Айн вернулась с войны совсем иной, незнакомой Мэл девушкой. И Мэл и Рабике просто снесло в сторону, словно волной, они оказались не у дел. Старая Милорада — экономка правого крыла — уходила на заслуженный отдых и выбирала себе замену. Рабике не без основания начинала собирать вещи, чтобы переехать в новую просторную комнату. И тут возвращаются император и Айн.

Как она обвела вокруг пальца такую мудрую женщину, как Милорада, непримиримого борца за мораль и порядок среди прислуги? А Рабике? Как она смогла справиться с заядлой сплетницей, которая сама с легкостью пробивалась, наушничая то про одну свою товарку, то про другую? Айн... Теперь ее улыбка светилась какой-то тайной. Ее стали слушать, из растерянной девчонки она превратилась... Мэл и сама не знала, как назвать подругу, душа ее все еще болела по старой дружбе.

— Прости, Рабике, мой выходной подходит к концу, — сказала она, отпуская

скрученную в тугий жгут салфетку. — Пора возвращаться в резиденцию.

— Хорошего пути, Мэл. Но не забудь плюнуть ведьме в чай!

* * *

Айн. Резиденция императора.

— Я все хотела спросить, что за шрамы у тебя на руке?

Я лежала на сгибе драконовой руки и водила по ней ладонью от запястья и до локтя. На пути моих пальцев встречались два широких рубца, судя по всему, от весьма глубоких порезов. Я часто думала о них, видя руки Локариса, но все забывала спросить.

— Так, ошибки, — неопределенно ответил Локарис.

Стеклянные двери на широкий балкон были привычно открыты и впускали в покои всю свежесть летнего утра. Запущенный сад под окнами переговаривался птичьим треском, шелестом сочной листвы, на большом столе шуршали бумаги, тревожимые сквозняком. Мне бы стоило покинуть императора еще час назад, пока никто не мог встретиться на пути, кроме парня-коридорного, но я расслабилась. Рядом с Драконом хотелось послать весь мир к черту.

— Ты же не хочешь сказать, что пытался свести счеты с жизнью? Тем более, дважды, — я повернулась лицом к Локарису, одеяло соскользнуло с бедра, и солнечные блики брызнули на кожу светлыми пятнами.

— Нет, конечно, — мужчина улыбнулся. — Хотя все могло обернуться и так. Есть древний обряд, позволяющий выкупить чью-то жизнь. Нужна жертва, и этой жертвой может быть только тот, кто проводит обряд. Одна жизнь в обмен на другую. Часть лет переходит на счет спасаемого, часть уходит в уплату, как говорят поверья — в Хаос. Считается, что расход идет на пять столетий. Никто в Арнборе не живет так долго, кроме драконов, поэтому обряд смертелен. Но я не человек, у меня запас поболее.

— Наполовину ты человек. А кого ты хотел спасти?

— Первым был Майкл. Второй Зухас, его годы подходили к концу, да и ранение подкосило, а я оставался достаточно самонадеянным, чтобы повторить обряд. Нет сомнений, что если я разменяю еще пять сотен, это станет последним обрядом. Редкий дракон проживет столько, а я всего лишь метис.

— Сейчас бы ты не поступил так, если бы все можно было переиграть?

— Не знаю, пока мне приятно, что у меня есть ровесники, те, кто помнит мир таким, каким его видел я.

— А за что ты изуродовал Майкла?

Я как тайная гостья императорских покоев теперь могла вытягивать из Локариса разные истории. Мне нравилось слушать его. Все же между нами была разница в шесть сотен лет, и забыть о ней я могла только тогда, когда Дракон решал проявить ко мне внимание. Чаще он звал меня ночью, сама на этом настояла, не хотела, чтобы прислуга еще больше ненавидела меня. А в свою комнату убегала еще до рассвета.

— Это было в академии, давно, — Локарис поднял руку, запустил пальцы в мои волосы, он знал, что, когда закончит историю, я уйду. — Майкл был молод, его род обнищал, и он зарабатывал сначала подпольной хирургией, потом пытками, а потом стал наемным

убийцей. Когда становилось жарко, он под видом скромного профессора приезжал преподавать анатомию в академию. Я как раз там учился. Кроме меня было еще четверо метисов, и все имели богатых покровителей, которые платили дополнительный налог за то, чтобы мы могли учиться.

— За тебя платил Зухас?

— Да, он настоял на некромантии. Хорошее подспорье в бою, а у него в планах было завоевание трона. Ни он, ни я еще не знали о моей второй крови, никто и подумать не мог, что она драконья. Надо сказать, что драконам чужда некромантия, драконы хранители стихий Арнбора, и магия смерти им не доступна.

— Но ты же ее освоил, ты смог, — я села в кровати и склонилась над Драконом. Сейчас, когда на нас ложились солнечные пятна, когда слепили его полуприкрытые глаза, в них можно было безопасно заглядывать, не боясь той бездны, что скрывают вертикальные зрачки.

— Отчислить меня хотели чаще, чем устраивали экзамены, — на губах Локариса обозначилась чуть заметная улыбка, кажется, учебные годы были хорошими воспоминаниями. — Майкл тем временем изводился от скуки, его мания требовала разрядки и в конечном итоге толкнула на глупость. Он выбрал одного метиса, которого не скоро хватились бы. Этот метис жил в одной комнате со мной и с еще одним некромантом. Он не был мне другом. Я учился по ночам, в библиотеке или в аудиториях, перед поступлением в академию только научился читать, а письмо осваивал уже в процессе.

— И ты увидел их? Что Майкл сделал с ним?

— Успел только перепугать до смерти. А когда пришел я, он решил не рисковать, убивая двух студентов сразу. Мы уговорились о встрече: если умру я, он скажет, что я напал на него, что еще ждать от выроodka? Если я убью его... об этом я и сам не думал, не надеялся, что смогу. Мы встретились, и как итог: его облик — я впервые смог воплотить заклинание. А он пырнул меня отравленным клинком, теперь я плюю кровью время от времени. После той ночи оба мы корчились под присмотром врачей. Моя кровь частично справилась с ядом, а Майкл продолжал умирать. Тогда я впервые провел обряд с жизнью.

— Но зачем? Как ты мог спасти его после всего?

— Я прочел о заклинании в книге, случайно, за пару часов до драки. Полумертвый от яда и совершенно потерявший голову от удачи с заклинанием, что уложило Майкла, я хотел попробовать еще что-то. Не мог же я его добить, а вот вернуть жизнь казалось интересной задачей. Да и Майкл полезный и умелый человек, — Локарис пожал плечами, для него это действительно все объясняло.

— Я бы придушила его подушкой во сне! — я отстранилась от Дракона, посмотрела на сияющее утро за окном. Пора было уходить.

Я поднялась с постели, солнце множило тепло мужчины, оставшееся на теле, соблазняло вернуться обратно.

— Ты бываешь великодушен, но жаль, что к монстрам, — я улыбнулась, подбирая платье, пошла в ванную комнату, чтобы там быстро одеться и собрать волосы. Крикнула Локарису:

— Сегодня заедет Золтей Арчивай, торговец из Рорса-Бер, теперь рыбу мы будем заказывать у него.

— Меня устраивал старый поставщик и его рыба, — Локарис тоже прошел в ванную, включил воду и склонился над раковиной.

— Но Рорса-Бер ближе южного моря, значит, и рыбу нам будут доставлять более свежую.

Да и надо же поддержать нового союзника, уверена, они будут в восторге от сотрудничества с императорским домом.

Я застегнула все до одной пуговицы, скрутила пучком волосы на затылке, украла немного воды у Локариса, чтобы освежить лицо. Приводить себя в порядок буду уже в своей комнате, а пока этого достаточно, чтобы до нее дойти.

— Делай, что тебе нравится, — Дракон выключил воду, я подала ему полотенце.

Порой мне хотелось касаться его, быть ближе, в те моменты, когда дело не шло к близости, но так было редко. Обычно стоило солнцу подняться, как с темнотой ночи пропадали и все мои порывы, а Локарис становился самим собой — отстраненным и замкнутым драконом. Словно день рассеивал, отсекал с первыми лучами ночную нежность, невероятную близость, от которой я порой задыхалась в его объятиях.

В своей комнате я приняла ванну, передела платье и теперь сидела у зеркала, сооружая подобающую по скромности прическу для экономки. Я не выглядела достаточно взрослой для этой должности, приходилось как-то компенсировать все строгостью платья. Уважение слуг, то, что имела пожилая Милорада, было для меня недостижимо, меня откровенно не любили, за занятое место, за расположение императора. С другой стороны, только благодаря пущенному слуху о моей связи с Драконом меня еще не порвали на кусочки все эти завистницы.

После легкого стука в комнату прошла Мэл:

— Доброго времени, Айн, — подруга поставила поднос с едой на столик. — Ты не спустилась к завтраку, я решила принести тебе наверх.

— Спасибо, Мэл, если бы не ты, я бы умерла с голоду, — я улыбнулась амазонке, но ответная улыбка не тронула ее красивые губы.

— Ничего, уверена, что император делится с тобой ужином, — Мэл неожиданно отрицательно восприняла новость о том, что я спала с Драконом, и теперь постоянно возвращалась к этой теме. — Айн, ведь мы договаривались, что бросаем задание Кестра и держимся подальше от Дракона. Как ты могла?

— Мэл, не начинай. У меня через полчаса встреча с поставщиком рыбы, а после обеда я хочу успеть в столицу, — я воткнула в прическу последнюю шпильку, а Мэл села на стульчик рядом. — У меня нет времени слушать очередной поток твоих претензий.

— Ты так изменилась... Ты даже ни разу не написала мне. Несколько месяцев я себе места не находила! Не понимаю, Айн, почему ты так со мной?

— Я была на войне, и это не всегда было легко, — буркнула я. Я так и не рассказала Мэл про Золанку и своего зверя, но меня все еще терзал вопрос — почему именно волчьей жрице подруга вызвала в ту ночь на озере?

— Ты любишь его?

— Кого? — обычно я не носила никаких украшений, но вечером хотела встретиться с Чарли, а потому надела пару маленьких сережек, Мэл подарила их мне на день рождения.

— Дракона...

— Нет, не люблю. А в том, что бываю у него, нет ничего, что бы ты могла посчитать предательством нашей дружбы, — в зеркале отражалось грустное лицо Мэл, пожалуй, ее уже не хотелось называть амазонкой, она больше не вела себя со мной задорно и по-дружески покровительственно.

Отражалось и мое лицо с плотно сомкнутыми губами, напряженным холодным взглядом. Я сказала уже мягче:

— Просто когда я с ним, я как будто дома. Тебе не понять этого чувства, ты же сама себе выбираешь дом и то, каким видеть мир, — я поднялась, отошла от трюмо. — Ты помнишь, что сегодня приезжает военный министр? Гостевые покои готовы?

— Готовы. А Чарли, Айн? Ты ведь и с ним продолжаешь видеться.

— А разве я не могу общаться хоть с кем-то, кто не обвиняет меня постоянно? Думай обо мне все, что хочешь, Мэл, но я не перехожу черту приличия с Чарли. Это ему наши встречи ничуть не мешают планировать свадьбу с Юджени хис Джаккет, девушкой всячески благородной и порядочной. А еще лучше, Мэл, найди себе кого-нибудь, чтобы не лезть в чужую жизнь. Я устала от твоего дотошного присмотра!

— Найти?! — Мэл неожиданно вскочила, руки ее сжались в кулаки так, что костяшки побелели, а сама она стала совсем бледна. — Муж у меня был, и другого никогда не будет! Люди Кестра его убили. Пути — они уничтожают все, что мне дорого! Вот и ты явилась, такая же отравленная мирами, как и все Странники!

— Не смей кричать на меня в моей комнате! — я сама не знала, почему так завожусь. Почему злюсь на очередную встряску от подруги. Я старательно не хотела замечать боли в ее голосе, от давней, но все еще живой в ее памяти трагедии. Только злилась, что она смеет нарушать мой покой, новый виток жизни, в котором я на месте, я при деле и мне, наконец, все удастся. — Ты не живешь, Мэл, ты только как нянька бегаешь, то за названными тетками, то за выдуманнными сестрами, то за кучей подруг!

— Вот подруга-то у меня как раз и выдуманная, — горько ответила девушка, так тихо, что ее слова не могли не осесть тяжким грузом. — Запомни, Дракон тебя погубит, ты сама себя погубишь.

Она хлопнула дверью, и я осталась одна. Дракон меня погубит! Как же, это по ее милости Темный бог и мертвая жрица обратили на меня внимание, это она показала меня Золанке, а не наоборот. Ну почему такое прекрасное утро испорчено?

Если бы после ссоры с Мэл и переговоров с поставщиком меня не ждала встреча с Чарли, можно было бы и день считать испорченным. Я прошла к самому дальнему столику, скрытому за тяжелой портьерой. Это было тихое место, полное старой мебели и пыльных шпор. В этом ресторане собирались поэты и писатели Ишеб-Ревера, иногда они устраивали шумные споры о литературе, а иногда разнузданные пьянки. В будни «Изумрудная слеза» пустовала до вечера, в это время мы и встречались с будущим преемником императора.

Мне принесли разведенное вино и сырны лепешки, я не притронулась к завтраку, что принесла Мэл, не успела и пообедать, а урчать пустым желудком при встрече с Чарли не хотела. Но Чарли опаздывал. Он и Дракон были самыми пунктуальными людьми, которых только знала, и я начала нервничать.

Прождала час, другой, но Чарли так и не пришел. Не было и никакого посыльного с запиской, к помощи которого он прибегал, если хотел перенести встречу на другое время или место. Я знала, где он живет, хотя он никогда не звал меня в гости — только один раз на войне, да и то и в шутку, когда не думал, что мы встретимся снова.

Улица Южной войны была одной из улиц элитного района в центре города. Дом в четыре этажа, новый, из темного камня, украшенный так, чтобы не выпадать из стиля своих более старых соседей. Небольшой сад за тонкой вязью кованых прутьев.

Я прошла мимо двух больших псов, охраняющих ворота; теперь на меня не смела залаять ни одна собака. Двор предоставил моему взору несколько мощных дорожек, ведущих к главному входу через коротко подстриженный темно-зеленый газон. Маленькие кусты, которым ножницы садовника придали форму шара, росли одинаковом расстоянии друг от друга, и из-за своей идеальности уже больше принадлежали к архитектуре, нежели к живой природе.

— Айниппа Малакион?

— Господин Андор, — я присела в поклоне, надеясь, что мое лицо не выдало лишних эмоций при встрече с Зухасом. Советник, выходящий из дома Чарли, меня почему-то удивил, хотя он же был отцом будущего императора, и, по сути, ничего странного в этом не было.

— По какому делу вы здесь, милая девушка? — тон Зухаса, как и раньше, был мягок и приветлив, но что-то подсказывало, что он не рад меня видеть. Я и сама уже жалела, что пришла, это было так глупо!

— Я приехала увидеться с Чарли... Чарльзом. Он не пришел, и я волнуюсь...

— Он уехал. Но постой, будь любезна уделить мне немного времени. Пройдем в дом. Зухас протянул мне руку, как и тогда, при первой встрече, будто снова собирался провести со мной легкую успокаивающую беседу. Я отказалась принять ее, тогда советник просто открыл дверь. Мы прошли в дом и оказались в большой зале с рядом тонких мраморных колонн. Навстречу вышел пожилой мужчина и проводил нас в кабинет хозяина.

— Мне почему-то казалось, что вы не общаетесь с Чарли.

Я присела на узкий стул, советник опустился на такой же по другую сторону стола. В кабинете тоже все было светлым и аккуратным: от занавешенного тонким панно окна до рабочего стола с отполированной до зеркального блеска поверхностью и ровными стопками бумаг.

— Отнюдь, Чарльз надеется занять трон императора, поэтому мы довольно часто беседуем и рассуждаем о государственных делах.

Я промолчала о тех мерах, которые Зухас предпринимал, чтобы Чарли не занял место Локариса, но советник спросил:

— Чарли говорил обо мне что-то нелicenseприятное? Не стоит удивляться, леди, я вижу это по вашему осуждающему взгляду.

— Чарли не говорил о вас плохого. Он о вас вообще не говорил.

— А кто говорил? — Зухас продолжал улыбаться. Улыбка его была мягкой и задумчивой, но светлые глаза смотрели не мигая и холодно.

— Вы об этом хотели поговорить?

— Нет, я хотел спросить, зачем ты пришла к Чарльзу. Дай-ка я сам угадаю, что ты слышала о наших отношениях. Якобы я не хочу смены императора, и поэтому отправляю сына служить в самые опасные места. Но это верно только отчасти. Мы прошли многое на пути от развалин Империи до ее восстановления. В том, что Чарльз немного закалится в боях, я не вижу ничего плохого. Империя разрастается, ширятся ее границы, растет число союзников, и Чарльз просто не способен все охватить. Я совершенно не против того, что в будущем он займет место Локариса. Но вернемся к моему вопросу. Хотя ответ на него, я думаю, знаю, — лицо советника смягчилось. — Я не в курсе, как обстоят дела в твоём мире. Есть ли в нем понятие элиты. Но здесь человек, принадлежащий к высшему сословию, стремящийся править государством, должен соответствовать многим требованиям: род, образование, заслуги перед Империей. А также круг общения: будущий император,

веселящийся в компании рыбаков и моряков, даже если они прекрасные и высокоморальные люди, явление недопустимое.

— Я поняла. Можете не продолжать, — я встала, не хватало теперь, чтобы и советник меня отчитывал. Хотя я и была виновата — приехать в дом Чарли — какая глупость!

— Я и не сомневался, что ты поймешь. Тем более, что Чарли помолвлен. Дело в том, что рано или поздно все начинают жить по сценарию Локариса. С этим ничего не поделаешь, слишком желанна награда за выполненные команды.

* * *

Майкл. Резиденция императора.

Новая карета ехала плавно, аккуратно и все еще пахла свежим деревом. Майкл открыл оконце и закурил. Спелое лето дышало солнцем, пыльной землей и дикими полями. Тишину дороги от столицы до резиденции нарушал лишь перебор копыт породистой четверки.

Последний визит к императору. Завтра наконец-то он выйдет на Пути, и, скорее всего, с ним сразу же свяжется Кестр. Майкл лишь делал вид, что CBS важна ему, но на самом деле основная его война была здесь, в Империи. И как бы ему были ненависны скрытые интриги, сейчас приходилось к ним прибегнуть.

В конце концов, Пути это слишком много, пусть Дракон туда и отправляется, а уж Майкл постарается, чтобы его сцапал Кестр. Лишь бы толстяку хватило ума и терпения. А сам военный министр займет трон. Майкл делал все, чтобы посеять стойкую неприязнь между Зухасом и его сыном. Ждал, когда Чарльз заменит Локариса, а Локарис уйдет на Пути. Молодого императора он уберет без проблем, но прежде сделает так, чтобы сын убрал с поста своего отца.

И, прежде всего, необходимо было подготовить Дракону достойный прием на Путиях, так, чтобы он не вернулся в родной мир. Майкл чувствовал, что все должно перемениться. Дракон давно перестал ему доверять, так что был ли резон волноваться о вековой дружбе?

— Господин Микаэль диз Шедоу, — его встретила новенькая служанка, — мессир просил проводить вас в его кабинет.

Майкл пошел за стройной девушкой. Во всех богатых домах гостей мог встречать только слуга мужского пола и из высшей прислуги, у Дракона же могло случиться так, что дверь тебе откроет поломойка. Майкл видел в этом знак неуважения. Служанка довела его до лестниц левого крыла и поклонилась:

— С вашего позволения.

Майкл поднялся на второй этаж и прошел в кабинет, такой же скромный, как и спальня Локариса. Самого императора не было, и Майкл сел в его кресло. Пожалуй, здесь даже имелось несколько предметов роскоши. Слева стену закрывали шкафы с дверцами из цветной мозаики, за ними виднелись книги, пачки бумаг и даже какие-то фигурки. Правая стена была украшена тонкими колоннами из черного дерева, наполовину выходящими из стены. В нишах между ними белел мрамор: излюбленное в Империи сочетание. Большое светлое окно, привычно открытое, вносило полуденный душный зной.

— Майкл, — вошел Локарис, а военный министр не стал вставать ему на встречу.

— Локарис, — он только кивнул.

Дракон позвал в хранилище — святая святых Локариса — его тайная лаборатория и склад. Магическая защита, замки, которые и Майкл бы не взломал. В этой небольшой, вечно сырой комнате император хранил вещи из других миров: оружие, амулеты, книги и препараты. Локарис включил свет — старую масляную лампу, так как магические щиты на дверях не позволяли внутри пользоваться Силой, потом достал с полки стальной ящик и положил его перед Майклом на старый, изъеденный всякой химической дрянью стол.

— Надо отвезти в CBS? — догадался помощник.

— Да. Это относительно дела Кестра. Теперь, когда у меня все готово, я расскажу тебе.

— Я думал, что утратил твое доверие, — осторожно сказал Майкл. — Не знаю почему и, сказать честно, ситуация с карантином меня обидела.

— Я давал Кестру фору, — Локарис пожал плечами. — Если бы я не придержал тебя в Империи, и ты бы отправился на Пути, Кестр бы не чувствовал себя спокойно.

— Так из-за чего вся возня? Я разгромил его базу, но не смог раздобыть никакой информации о новой ветке.

— Хм... Кестр был обязан сообщить на все Пути, что четвертый по ветке мир смертелен для Странников.

— Смертелен? Но ты вроде был там... — Майкл играл удивление, не напрягаясь, он был в повязке, и таким образом, единственной подвижной частью его лица оставался правый глаз и бровь.

— Да. Но сначала я расскажу, почему этот мир привлек внимание Кестра, а потом и мое. В том мире аномальное количество точек Силы, что отражается на природе. У меня не было времени, чтобы разобраться досконально, но я знаю, что именно точки — причина возникновения особой руды. Я не успел раздобыть ее образцы.

— Руды?

— Так назвал это ученый Кестра. Это металл, в кусок которого можно заключить энергию для перехода в мир.

Майкл присвистнул:

— С такой рудой Кестр мог бы легко сравнять количество Странников с нашим. Этакая шагающая по мирам армия.

— Да, если бы не смертельный вирус.

— Вирус, который обошел тебя стороной? — тут Майкл насторожился, наконец-то Дракон переходил к сути, к тому, над чем он и Кестр ломали голову все это время.

— Не обошел. Ни меня, ни Айн, — Локарис открыл ящичек, и из-под крышки заструился белый пар. — Айн заболела первая, я ставил над ней эксперименты.

— Как кстати...

— Я давал ей разные дозы своей крови, и через девять дней она встала. Сам я победил вирус быстрее.

Пар схлынул и открыл взору Майкла ряды ампул с темной кровью, он насчитал семнадцать.

— Твоя, значит?

— Не совсем. Я долго работал, пытался сделать так, чтобы необходимая доза была минимальна. Теперь достаточно два приема.

— А если просто драконья кровь? Мы могли бы собрать армию на какого-нибудь старого дракона. Кто у нас остался жив?

— Убить одного из трех последних драконов и вызвать гнев всего мира? Вряд ли. Но я

пробовал чистую кровь Оанелль, Айлипин презентовал мне бутылку. Годится только моя, наполовину человеческая.

— Значит, я должен отвезти это в лабораторию CBS? Думаешь, получится синтезировать? — Майкл достал одну ампулу, посмотрел на свет. В стекле покачивалась вязкая, чуть сиреневая жидкость. — Такое преимущество Кестру и не снилось. У тебя есть формулы, расчеты? Что тут намешано?

— В лаборатории разберутся. Я не успел еще ничего записать, — Локарис махнул рукой. — Пока здесь семнадцать ампул, три отправишь в лабораторию, остальные оставишь. Их хватит на семерых Странников. Достаточно для экспедиции за рудой.

— Ты феноменален, как всегда! — Майкл вернул ампулу на место, закрыл чемоданчик. В жизни он не брал груза ценнее. Вакцина для семи... Майкл завербовал на свою сторону восемь Странников, тех людей, которые с ним пойдут и против Дракона, и кого угодно. Но ничего, он отдаст в лабораторию только одну ампулу. Сколько смогут вынести руды восемь Странников? Хватит на небольшой отряд под руководством Майкла... Или на значительное подкрепление для Кестра. Так ли важно, чьими руками убирать Дракона?

— Я все думаю, — сказал Майкл, когда Локарис закрыл хранилище, и они возвращались в кабинет. — Как избежал твоей мести Зухас?

— Зухас?

— За Золанку. Все знают, что он послал людей, чтобы вырезать жриц. Тогда он боялся, что ты откажешься от трона, а теперь все, кто знает эту историю, смеются за твоей спиной. Операция «Зосма»...

— И Зухас смеется?

— О нет, Зухас боится даже засыпать все эти годы и все еще ждет расплаты.

— Тогда в чем твой вопрос? — пожал плечами император.

* * *

Меланиппа.

Резиденция императора.

Мэл решила мириться. Она не была первой: позавчера Айн приходила к ней, но Мэл не открыла, нарушая все правила резиденции. Сейчас, подавив обиду, убедив себя, что должна еще раз попробовать спасти неопытную подругу и навсегда оградить их обеих от Путей, она постучалась в комнату экономки.

Айн не открывала, но Мэл знала, что она у себя. Обиделась за то, что Мэл не стала разговаривать? Нет, это не похоже на Айн, уж не настолько она изменилась. Девушка толкнула дверь, и та беззвучно отворилась.

— Айн?

Подруга сидела в темной комнате, и вспыхнувший закат обрисовывал алым пунктиром контур задернутых штор. Айн ничего не ответила, только подняла призрачно-белое лицо.

— Боги, Айн, на тебе лица нет! Что случилось?

— Все хорошо, — не сразу ответила девушка чужим голосом.

— Ты можешь рассказать мне совершенно все, — Мел подошла к ней, опустилась рядом на мягкий ковер, обхватила холодные руки.

— Я вот помириться хотела, купила тебе подарок, — Айн кивнула на коробочку, стоящую на трюмо.

— Ты прости, что не открыла тебе вчера. Айн, я была так глупа! — Мэл дотянулась до коробочки, а Айн, воспользовавшись случаем, встала и ушла к кровати в тень балдахина. Сбежала от объятий. — Браслет в стиле сестер Лайош? Айн, я не заслужила...

— Это не так дорого.

На некоторое время Мэл зачаровал мягкий блеск светлого металла и сочные краски мозаичных вставок. За подарок, как этот, можно многое простить! Потрясающая работа и узнаваемый мотив. Потом она перевела взгляд на такие же поблескивающие зеленые глаза в сумраке комнаты.

— Ты никогда не была со мной полностью откровенна, — сказала она.

— Я беременна...

— О боги, — Мэл опешила. — Он знает?

— Должно быть. Он чувствует, что со мной происходит. Так стало после мира с вирусом. Но этого не могло случиться, он же чертов полудракон! Как так, Мэл?

— Ты должна это прекратить, — сказала Мэл резко, она сама удивилась, как твердо прозвучали ее слова. — Понимаешь же, что другого варианта и быть не может.

— Боги, Мэл, закрой дверь, услышит еще кто, — Айн тяжело опустилась на край кровати, прислонилась к столбику балдахина, будто у нее совсем не осталось сил. — Я не могу.

— Конечно, можешь! Ты должна! — Мэл хотелось подскочить и хорошенько встряхнуть подругу, вытрясти из нее все, что связывало ее с главой CBS, Кестром и Путиями, и уж давно потомство Дракона.

— Нет... он же наполовину дракон. Я не могу так поступить: ни одного потомка за шесть сотен лет жизни. Как я могу лишиться его такого шанса? — Айн прерывисто вздохнула. — Я не думала, что со мной это может случиться, потому, что у драконов бывает потомство только с другим драконом, своего вида. Поэтому они и вымерли практически. Осталось только три дракона, и те уже совсем стары. А Локарис — феномен, ему не на что рассчитывать, в мире нет других метисов от сумеречного дракона. Я не знаю, почему со мной вышло так... но я не могу теперь что-то изменить.

— Брось ты эту драконью чушь! — Мэл давно уже забыла о подарке, забыла о том, что уговаривала себя не вмешиваться в жизнь Айн. Что хотела лишь помириться, чтобы обида не висела на душе тяжким грузом. Но новость поразила ее точно громом.

— Да он знает, наверняка знает.

— Ты боишься его? — очевидный ответ остудил гнев Мэл. Девушка подошла к Айн и села рядом. Она бы не выдержала, если бы Айн руководило благородство. Тем более, что речь шла о Драконе!

— Я готова уехать с тобой куда угодно.

— Спасибо, но я все решила.

— Ты же знаешь историю Локариса, знаешь, что случилось с королевой? Она умерла, не в силах справиться с мощью потомка дракона!

— Она ведь тоже была человеком, я должна была подумать об этом... — Айн сидела, точно загнипнотизированная, слишком обескураженная тем, что с ней случилось. Мэл удивлялась: ведь Айн вроде бы понимала, что нельзя иметь такой связи с главой CBS, с императором — слишком могущественным человеком, и в тоже время не желала внимать

разумным советам подруги. Вот чем обернулись все перемены, все то, чем Айн гордилась. Мэл корила себя за то, что тайно чувствовала позорную радость.

— Отец Локариса был сумеречным драконом — самый темный, самый таинственный и могущественный вид, — Мэл обняла подругу за плечи, но уже не искренне. — Говорят, тот дракон был безумен. Знаешь, Айн, я знакома с одной бабкой в пригороде. Провернем все тихо, без огласки. Ничего страшного, намешает тебе питье, и все. Срок ведь маленький?

— Да прекрати ты! — Айн вырвалась из рук Мэл. — Мы уже не понимаем друг друга, мы только ссоримся! Я устала от этого. И не надо вести себя так, будто ты имеешь отношение ко всей этой ситуации.

— Ты умрешь! — Мэл хотела сказать «ты можешь умереть», но вышло иначе. — Знаешь что, разбирайся сама. Теперь тебе придется быстро повзрослеть!

Мэл бежала вниз по лестнице, и злые слезы текли по ее щекам. Все разрушено! Все, на что она надеялась, чтобы отстоять свой новый мир, чтобы не пустить в него Пути и Дракона. Она надеялась сдружиться с Айн, ведь ей почти удалось убедить девушку, что стоит уйти в тень, забыть навсегда Кестра и Дракона.

Но она и сама не могла забыть. Да и как бы ей это удалось, если все напоминает о Путиях? Кестр отнял у нее мужа, ее любимого Ениса, того, в ком она видела всю свою жизнь, а теперь он прислал эту девчонку, чтобы она разрушила и ее укрытие. Чтобы и в этот мир пролезли отравленные корни Путей.

Мэл вырвалась из резиденции в вечерний сад, тихий и заросший. Она больше не хотела возвращаться. Теперь совершенно ясно, что надо уезжать. Она тоже виновата в хрупкости своего мира — не стоило идти работать в резиденцию.

Она дошла до подъездной аллеи. Там, на козлах новой кареты, дремал кучер. Карета Микаэля диз Шедоу. Мэл знала, что он один из Странников, помощник Дракона на Путиях.

— Где хозяин? — она толкнула кучера. Тот сонно и недовольно на нее воззрился:

— Почему знаю? Ты в доме работаешь, а мое дело тут ждать.

— Пусти в карету, у меня послание для господина диз Шедоу.

— Не велено, здесь жди.

— Что происходит? — Мэл не успела ответить кучеру, как из резиденции вышел Майкл. Без повязки, с чуть заметным запахом крепкой выпивки, с хищным огоньком в здоровом глазу. — Что ты хотела?

— Есть у меня одна свежая новость о императоре. Может быть, раньше его самого узнаешь, — девушка улыбнулась и сразу же скользнула в открытую для нее дверь кареты.

«Мне ничего не остается, — думала она, — надо просто бороться за свой мир».

* * *

Майкл. CBS.

Майкл шел по коридору вдоль десятков лабораторий, комнат, кладовых, вдоль обитых сталью дверей со сложными цифровыми замками, и мимо деревянных со строгой табличкой-номером. Отражение его черной фигуры скользило, разделяясь на два по белоснежным стенам, ныряя в дверные проемы, дробясь в блестящей плитке под

уверенными шагами.

Мысли помощника Главы CBS метались от одной плоскости к другой, теряли свою структуру. Неожиданно Майкл утратил холодную трезвость. Ребенок Локариса... Бомба замедленного действия, оружие массового поражения...

Он быстро сообразил, как это удалось Дракону, и на что он рассчитывал. Три Силы — самого Локариса, темного бога Адрамелеха и мертвой жрицы Золанки. Опасная смесь, которая непременно породит сильнейшего Странника, Странника, который будет иметь в наставниках легендарного Дракона.

Локарис станет осторожен, бросит погоню за загадками и сложными делами. Он затаится, выращивая своего выродка, обучая его, сделает его своей копией, только моложе, сильнее, амбициознее.

Гнездом он выберет Империю. Его вылазки на Пути станут на какое-то время реже, он усилит контроль за своими помощниками, и все то, на что Майкл рассчитывал, и на что рассчитывал Кестр, рухнет. Но еще можно нанести удар...

Майкл поднялся в свой кабинет, положил перед собой металлический ящик с вакциной из драконьей крови. Одну ампулу он отдал в лабораторию. Осталось еще шестнадцать, по две на Странника. Он позвонит Кестру и поставит условие, что за рудой отправятся его Странники, а Кестр даст координаты мира. Они добудут руду, Майкл получит свою небольшую армию и сам разберется с Локарисом.

Стоило, конечно, убить девушку. Стоило обо всем догадаться еще в шатре Локариса, понять, что он неспроста настаивает на операции. Дракон, как всегда, просчитал ходы дальше всех. Но он не знал о том, что Майкл связан с Кестром.

Мужчина дотянулся до телефона, сдернул с лица повязку, но его музыкальные пальцы зависли в нерешительности над трубкой. Надо остудить голову, перестать торопиться. Он плавно поднялся и подошел к бару, плеснул себе виски. Никаких звонков с Базы, да и координаты он сможет сам пробить. Уж теперь Кестр был обязан объявить о смертельном мире на все Пути — это больше не тайна. И тогда, вполне возможно, что толстяка вообще можно выкинуть из игры.

Майкл отставил недопитый бокал, закурил, перебивая привкус алкоголя, и спустился на подземную стоянку. После он доехал до ресторана при элитном отеле, в роскошных номерах которого удовлетворяли любые желания. Майкл не любил элитных шлюх, но иногда заезжал в этот отель и ресторан, чтобы примелькаться. Он бросил машину на стоянке и два квартала шел пешком, пока не дошел до другого, не учтенного в CBS автомобиля.

В бардачке лежало пять разных мобильных. Он набрал своего первого Странника Отто и договорился о встрече на квартире. Отто должен был привести еще троих. Майкл выкинул мобильный, проезжая по мосту, потом позвонил Рыцу Андруву, потом остальным, пока все восемь встреч не были назначены, и не остался только один телефон.

В квартире вертелся сухой кондиционируемый воздух, новые пылеоталкивающие поверхности сверкали стерильной чистотой, с большой черно-белой картины на стене маняще улыбалась африканка, держа глиняный кувшин на крутом бедре. Майкл закурил, прохаживаясь по светлой квартире. Во всем чувствовалось долгое отсутствие человека и искусственная, законсервированная чистота.

Пятеро пришли вместе, Серый Дин пришел с Сардом, Акс опоздал. Все расселись на белом диване, Отто в кресле, Рыц принес табурет. Майкл бросил на журнальный столик распечатку с координатами мира.

— Конечная точка и два варианта коротких веток, — он опустился в незанятое кресло. — Каждый должен уложиться в пять дней, ровно через пять суток вы должны быть в мире. Майкл заговорил о руде, опустив ее ценность, ее уникальные свойства. Он сделал акцент на оплате за заслуги, на сроках. Когда он дошел до описания смертельного вируса и сомнительной вакцины, глаза Странников уже горели жаждой наживы. Майкл был щедр: сейчас он должен был поставить на кон все. Умышленно не говоря «Дракон» или «Глава CBS», сказал абстрактно — руководство Путей. К концу его речи каждый Странник видел себя в роли начальника одной из веток миров, каждый в мыслях сверг диктатора и отрубил драконью голову.

— А теперь вакцина и инструкции, — он открыл чемоданчик с ампулами. Игроки от природы, с рождения рискованные ребята подались вперед. — Первый прием за пять дней до контакта с вирусной средой. Именно поэтому на то, чтобы добраться до мира, у вас пять дней. Второй прием уже на месте, сразу, как перейдете.

Серый Дин запустил в ящик свои три уцелевших пальца, достал ампулу, повертел на свету:

— А если лажа?

— Это не лажа, сам Дракон разработал вакцину для себя, — Майкл снова закурил. Он уже сбился со счета, в который раз. Сейчас имя Локариса и его авторитет были уместны. — Вакцина проверена, в лаборатории CBS уже делают ее, но мы должны всех опередить.

Странники знали, когда стоило задавать вопросы, когда нет. Знали, что нельзя спрашивать о товаре или о том, что просят доставить. На некоторое время в квартире воцарилась тишина: они делали расчеты, смотрели зоны и выбирали оптимально короткий Путь.

— За пять дней вполне реально, — Отто довольно откинулся в кресле. — Я забиваю ветку Д-35-1. Это моя цена.

Майкл кивнул. Он согласился с каждым пожеланием — в конце концов, им предстояло заменить людей Локариса. Тех, кто особо предан.

— Что ж, — Акс поднялся, подкидывая ампулу, поднес ко рту, нажимая на пробку, готовый откинуть ее в один момент. — За новую власть!

Все, ухмыляясь, поднялись, потянулись за ампулами, словно бокалами. Майкл с ленивым торжеством наблюдал за этим цирком. Мужчины закинули головы, глотая вязкую, с сиреневатым отливом, кровь. Рыц подавил тошноту, Отто кашлянул.

Первый дернулся Акс и вытолкнул из себя порцию яркой, совсем не драконьей крови на белоснежный столик. Дин завалился на диван, пуская кровавую пену изо рта. Через несколько мгновений все восемь доверенных, завербованных путем подкупов, угроз и совместных операций Странников лежали, кто как завалился, вокруг окровавленных листов с координатами запрещенного мира.

Майкл вскочил с кресла, не веря в случившееся. Его изуродованный рот дернулся в кривой усмешке — и это Дракон просчитал! Он подошел к Рыцу, который был ближе всех, посмотрел, как кровь на его губах превращается в зеленую искрящуюся корку. Он снял ее быстрым движением, растер между пальцев.

По старой легенде, кровь убитого дракона, проливаясь, превращается в россыпь драгоценных камней, а уходя под землю, становится жилой, камни в которой никогда не иссякнут. Изумруд... Точнее, изумрудная пыль. Кровь зеленой драконицы Оаннель, которую Локарису презентовал король Айлипин...

Теперь Майкл пропал. Он остался без людей. Он расписался в своем предательстве. Все его фигуры сметены с доски, и сам он балансирует на самом краю. Трясущейся рукой он достал последний мобильный телефон, дважды ошибившись, наконец набрал номер, но голос его уже звучал спокойно:

— Кестр? Я скажу тебе координаты мира Дракона.

* * *

*Айн. Дом в пригороде
Ишеб-Ревера.*

Ливень начался совершенно неожиданно. Потоки воды успешно миновали густую листву высоких деревьев и уже через несколько минут совершенно размыли дорожку к дому. Крупные капли прибили цветы под окнами, припечатали сорванные с ветвей листья к мокрому стеклу. Конец весны выдался дождливым, ливни могли стегать землю целыми днями, неожиданно начинаясь и так же неожиданно прекращаясь, уступая место палящему солнцу.

Почти девять месяцев прошло... Я становилась как-то особо сентиментальна: радовала любая погода, я старалась впитывать все хорошее, воспринимать любое событие положительно. Это казалось верным по многим причинам. Не только из-за ребенка, которого носила. Но я все еще не забыла разговор с Драконом. Он сказал, что просчитал все, как только узнал о покровительстве Адрамелеха. То, что он делился со мной своей кровью, образовало между нами незримую, но весьма ощутимую связь.

Чарли, о котором Локарис знал, что тот, несмотря ни на что, не рискнет своей репутацией. Что там, на приеме это заденет меня, и после всех трудностей войны я захочу утешения. И эта новая должность в резиденции, и травля меня остальной прислугой. Мир, который весь ошетинился против меня, и только Локарис был оплотом спокойствия, мнимым домом. Знал он и то, что потом приду не раз, да и как я могла противиться? Драконья сила, аура, что окружает его, ловкость и его нежность — он был хорош. У меня не было шансов.

А его кровь приравняла нас, сделала возможным зачатие. Появление ребенка, который совместит в себе три Силы: Локариса, Адрамелеха и Золанки. Лучший его проект, как он сказал.

Я заявила, что не хочу оставаться в резиденции и наткаться на него в коридорах, слышать о нем. Он отпустил, снял мне домик в пригороде. Почему-то он верил мне, хотя я могла сделать все, что угодно — с собой, с ребенком...

Я приняла ту мысль, что как и мать Локариса не перенесу рождения столь сильного потомка дракона. Многие вещи давали повод так думать, и все это как ничто другое заставляло ценить каждое мгновение жизни.

Но я была влюблена. Влюблена в ребенка, который мог погубить меня, как сила Локариса погубила его мать. Чем ближе становился час его рождения, тем в большую эйфорию я впадала. Я радовалась, что Мэл уехала в Андор, что не навещает меня, не мешает заблуждаться. Как-то я отправила ей сухое письмо с просьбой примирения, но не получила ответа.

Время подходило к обеду, и вот уже в привычный час, несмотря на разбушевавшуюся стихию, в дверь дома постучались. Должно быть, Мэри — служанка, которая приходила меня навещать, помогать с уборкой, и привозила продукты или сопровождала меня, когда я хотела выбраться в Ишеб-Ревер.

— Локарис? — в дверном проеме возвышался Дракон, с которого потоками лилась вода. Корзину с едой заботливо прикрывал темный плащ. — ...проходи. А где Мэри? Глупый вопрос, если Локарис принес еду, значит, дело не в прислуге. Я не видела его весь срок, почти год. Он отлично выполнил мою просьбу, не попадаться мне на глаза.

Локарис прошел в переднюю, я забрала у него корзину и унесла ее на стол в комнате.

— Мэри заболела, я принес еду.

— Я сама себе готовлю.

— Я был проездом, — отозвался из коридора Дракон, открывая дверь. — И уже уйду.

Я посмотрела в окно. Ливень стих, сквозь листву стали пробиваться солнечные лучи.

— Подожди. Пройди, я достану полотенце. Пообедай со мной.

Я знала, что Локарис мог за день совсем не есть, и спать раза два в неделю. Когда-то меня это тревожило, но в последнее время списала со счета все человеческое в нем, и, тем более, мне было все равно, что он там ел и что делал. Но сегодня я подумала, что смогу поужинать в его присутствии. Может быть, потому что в конце жизненного пути пора отпускать обиды?

Мужчина разулся и прошел в ванную, где стянул мокрую блузу и брюки. Он вернулся в комнату, сел на край кровати. Это стало уже привычным — ничего не говорить друг другу. Я принялась выкладывать из корзины еду, не спеша завести беседу.

— Ты хорошо выглядишь. Я видел тебя у озера.

— Да, вроде того. Спасибо за Зимена Расхе. Он доктор, оправдывающий свою славу.

— Я бы мог и сам следить за тобой, но знал, что ты не примешь.

Эмоций в словах Дракона, которые всплывали у меня в сознании, привычно не было, но мне чудился робкий упрек. Я выложила на стол последнюю тарелку и замерла, держа пустую корзину в руках, глядя, как за окном пространство все больше наполняется солнцем, как светятся в его лучах последние капельки ушедшего ливня. Я поняла, что устала от стены, которую сама воздвигла, что все это время лишала себя хоть какого-то друга.

И, самое главное, я была эгоистична, не хотела думать о том, что Локарис будет единственным родным человеком для малыша. Моя обида была только моей проблемой.

— Я так люблю его, — сказала я. — Я не знаю, каким он будет, не знаю, увижу ли его, но так люблю, что не хочу злиться на тебя за его появление. Но его увидишь ты, и я поступила глупо, что все это время обижалась и считала тебя врагом.

Мне стало немного легче на душе, хотя сердце забилося чаще. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Высказать, что чувствую, оказалось не так сложно, поздноато я учусь делиться чувствами.

Локарис молчал. Не хотел врать и говорить, что я останусь жива? Я достала из шкафчика еще одно полотенце и протянула Дракону, чтобы он высушил волосы. Он все еще смотрел в окно, видя там что-то свое.

— Я не враг тебе. Другом тоже не назвать. Но я сделаю все возможное, чтобы все прошло удачно, — Локарис забрал полотенце.

— Что уж будет... — я села рядом. Слова снова становились лишними, но уже не из-за отчуждения. Просто стена рушилась.

Он обнял меня, и я прижалась к нему, словно нырнув одним порывом в родную теплоту. Локарис коснулся моего лба губами. Вытянув сжатое полотенце, я взяла его за запястье и накрыла себя его второй рукой.

— Ты останешься до утра?

— Да. Я останусь, но я приехал с неприятным разговором, — Локарис сделал паузу. Мне не хотелось говорить ни о чем тревожном, не хотелось бояться будущего. Он не дал мне и минуты насладиться покоем и примирением!

Я отстранилась:

— Что случилось?

Больше книг на сайте - Knigolub.net